

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

120

СРЕДНЕВЕКОВАЯ АРХЕОЛОГИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО „НАУКА“

А К А Д Е М И Я   Н А У К   С С С Р

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

120

СРЕДНЕВЕКОВАЯ АРХЕОЛОГИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА 1969

I. ДОКЛАДЫ И ДИСКУССИИ

М. В. МАЛЕВСКАЯ

К ВОПРОСУ О КЕРАМИКЕ ГАЛИЦКОЙ ЗЕМЛИ
XII—XIII вв.

Древнерусская керамика является наиболее массовым и очень важным археологическим материалом, но, несмотря на это, ее изучению все еще уделяется мало внимания. Не всегда достаточно полно охарактеризована глиняная посуда и гончарное производство в работах, посвященных тому или иному памятнику. Очень мало специальных исследований по керамике древнерусских городов. Совсем нет сводных работ по керамике различных областей домонгольской Руси. В результате слабой изученности керамического материала как с технической, так и с типологической сторон, до сих пор не решен ряд первоочередных вопросов, связанных с гончарным производством. Несмотря на некоторые сдвиги, наметившиеся за последние годы, в частности в изучении технологии гончарного ремесла¹, и сейчас еще нет единого мнения о времени возникновения гончарного круга в том или ином районе, не установлено время появления гончарных горнов, не ясен вопрос об областных различиях.

Если за последний период несколько продвинулось вперед исследование славяно-русской керамики VI—X и отчасти XI в., то керамика XII—XIII столетий остается наименее изученной. Между тем это был период наиболее полного технического и художественного расцвета русского ремесла², в частности гончарного. Именно в это время заметно усовершенствовался гончарный круг, о чем свидетельствует улучшение качества глиняной посуды и значительное расширение ее ассортимента. К этому же времени относятся гончарные горны³, открытые в русских городах и до сих пор не обнаруженные, насколько можно судить по опубликованным материалам, в памятниках X—XI вв. Именно в этот период (начиная с XII в.) развитие форм древнерусской керамики пошло по самостоятельному пути, в то время как в X—XI вв. глиняная посуда имела много общих черт с посудой западных и южных славян, что, очевидно, объясняется тем единством их культуры, которое отмечали многие исследователи для более раннего времени. Наконец, есть основания считать, что именно в XII—XIII вв., несмотря на большую массовость производства и стандартизацию некоторых форм керамических изделий, стали более четко выступать областные различия (в ассортименте посуды, отдельных ее формах, орнаментации и других качествах), которые имели место и в предшествующий период, но были менее выразительны.

¹ А. А. Бобринский. К изучению техники древнерусского гончарства. «Вестник МГУ», серия 9, история, 1962, № 2, стр. 39—54.

² Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М., 1948, стр. 521.

³ Там же, стр. 343—353.

Редакционная коллегия:

Ответственный редактор — доктор исторических наук Т. С. Пассек

Зам. ответственного редактора — доктор исторических наук П. А. Раппопорт

Члены редколлегии:

Н. Н. Воронин, Н. Н. Гурина, Х. И. Крис (отв. секретарь), К. Х. Кушнарева,
А. Ф. Медведев, Н. Я. Мерперт, Д. Б. Шелов, А. Л. Яковсон

п63017
 Центральный научно-исследовательский институт археологии
 Библиотека
 Академии наук Украинской ССР

Это последнее положение, как нам кажется, можно проиллюстрировать на керамике Галицкой Руси XII—XIII вв., исследование которой позволяет говорить о ее ярко выраженном своеобразии при наличии ряда общих черт с керамикой других районов древней Руси.

Необходимо отметить, что наблюдения и выводы, которые будут высказаны, надо считать лишь предварительными, так как керамика Галицкой земли (как и других районов Руси) изучена далеко не достаточно для того, чтобы делать широкие обобщения. Специальных работ, посвященных галицкой керамике, чрезвычайно мало и в них больше внимания уделено предшествующему периоду⁴. В публикациях, посвященных тому или иному памятнику Галицкой земли, керамика охарактеризована очень кратко и часто слабо представлена графически⁵. Поэтому в основу работы положены главным образом керамические коллекции, с которыми удалось ознакомиться. Это, во-первых, керамика Галича из раскопок М. К. Каргера 1955 г.⁶, во-вторых, керамика Ленковецкого городища из раскопок П. А. Раппопорта 1967 г.⁷ и материалы этого же городища из раскопок Б. А. Тимощука 1952—1955 гг.⁸ и, в-третьих, керамика с поселения в Луке-Врублевской из раскопок М. А. Тихановой 1955—1957 гг.⁹ (рис. 1). Это наиболее крупные коллекции¹⁰. Кроме того, использован материал других раскопок и обследований: с городищ у с. Василева¹¹, Дарабаны¹² и Хотин¹³ (раскопки Б. А. Тимощука), с городищ Прикарпатья у селений Гологоры, Олешков, Второе городище и Пригородье (обследование П. А. Раппопорта 1962 г.)¹⁴, с городища у селений Гринчук и Приворотье (обследование П. А. Раппопорта 1963 г.)¹⁵, с городищ Бакота (исследование И. И. Винокура и Г. Н. Хотюна)¹⁶, из города Каменец-Подольского (исследования Г. Н. Хотюна) и с поселения у с. Незвиско (раскопки

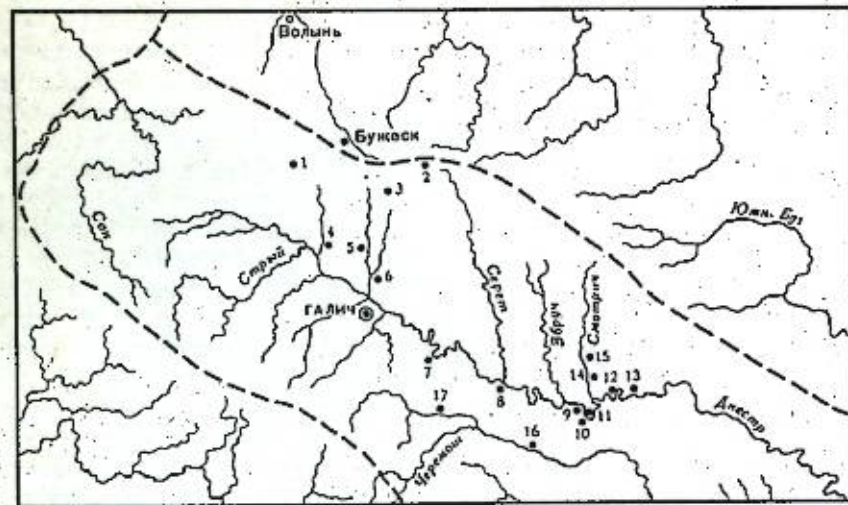

Рис. 1. Схематическая карта поселений Галицкой земли XII—XIII вв., рассматриваемых в работе

1 — Львов; 2 — Плеснеск; 3 — Гологоры; 4 — Старое городище; 5 — Подгородье; 6 — Бовшев; 7 — Незвиско; 8 — Василев; 9 — Хотин; 10 — Дарабаны; 11 — Гринчук; 12 — Лука-Врублевская; 13 — Бакота; 14 — Каменец-Подольский; 15 — Приворотье; 16 — Ленковцы; 17 — Олешков

⁴ М. П. Кучера. Керамика древнего Плеснеска. «Археология», т. XII, Київ, 1961, стр. 143—153; он же. Гончарные клейма из раскопок древнего Плеснеска. КСИА УССР, вып. 10, 1960, стр. 118—123.

⁵ И. Д. Старчук. Розкопки городища Плеснеска в 1947—1948 рр. АП, т. III, 1952, стр. 392—393; Б. А. Тимошук. Ленковецкое древнерусское городище. «Советская археология», 1959, № 4, стр. 256—257; он же. Археологічні пам'ятки с. Василева Чернівецької області. АП, т. III, стр. 396—397; А. А. Ратич. Древнерусські матеріали з розкопок 1955—1956 рр. на Замковій горі у Львові, МДАПВ, вып. 5, Київ, 1964, стр. 116—119; Л. І. Крушельницька. Дослідження верхніх шарів поселення біля с. Бовшів Івано-Франківської області у 1961 р. МДАПВ, вып. 5, стр. 132—133.

⁶ О результатах работы экспедиции см.: М. К. Каргер. Основные итоги раскопок древнего Галича в 1955 г. КСИА, вып. 81, 1960, стр. 61—71.

⁷ О раскопках 1967 г. см.: М. В. Малевская, П. А. Раппопорт, Б. А. Тимошук. Раскопки на Ленковецком поселении. «Археологические открытия 1967 г.», М., 1968.

⁸ Б. А. Тимошук. Ленковецкое древнерусское городище, стр. 270—257; он же. Северная Буковина IX—XIV вв. по археологическим данным. Автореф. канд. дисс. Черновцы, 1967, стр. 12—14.

⁹ О раскопках 1957 г. см.: М. А. Тиханова. Днестровско-Волынский отряд Галицко-Волынской экспедиции. КСИИМК, вып. 79, 1960, стр. 93.

¹⁰ В работе использованы материалы, любезно предоставленные М. К. Каргером, П. А. Раппопортом, М. А. Тихановой и Б. А. Тимощуком.

¹¹ Б. А. Тимошук. Археологічні пам'ятки с. Василева Чернівецької області, стр. 396—397; он же. Северная Буковина IX—XIV вв. по археологическим данным, стр. 14—16.

¹² Там же, стр. 10.

¹³ Там же, стр. 16—17.

¹⁴ П. А. Раппопорт и М. В. Малевская. Обследование городищ Прикарпатья и Закарпатья на территории Советского Союза. «Acta archaeologica Carpathica», t. V, Pp. 1—2, стр. 63—73.

¹⁵ Характеристику городища Гринчук см.: П. А. Раппопорт. Военное зодчество западнорусских земель X—XIV вв. Л., 1967, стр. 17.

¹⁶ О городище см.: И. И. Винокур, Г. Н. Хотюна. Исследование средневекового дворца-замка в Бакоте на Днестре. «Тези доповідей подільської історико-краєзнавчої конференції», Хмельницький, 1965, стр. 85.

Г. И. Смирновой)¹⁷. Перечисленные коллекции очень неравноценны. В материалах обследований и разведок представлены в основном фрагменты лишь кухонных горшков и почти не встречаются другие формы керамики, которые и в больших коллекциях составляют незначительный процент. Поэтому о целых керамических комплексах приходится судить в основном по материалам Галича, Ленковцев, Луки-Врублевской, отчасти Дарабаны и по опубликованным материалам Плеснеска.

Чтобы не останавливаться в дальнейшем на вопросах хронологии, отметим сразу, что в число упомянутых выше поселений входят как те, которые возникли в IX—XI вв., но жизнь на них продолжалась и в XII—XIII вв. — Галич, Плеснеск, Львов, Каменец-Подольский, Хотин, Незвиско, так и те, которые были основаны именно в интересующее нас время — Василев, Ленковцы, Лука-Врублевская, Гринчук, Дарабаны, Бакота, Бовшев, Приворотье, Подгородье, Гологоры, Олешков и Второе городище. Керамика с перечисленных поселений происходит как из комплексов (с пола жилищ, из развала печей, из хозяйственных ям), так и из культурного слоя XII—XIII вв.

Прежде чем перейти к рассмотрению форм галицкой посуды, остановимся кратко на способах ее изготовления. Исследованный керамический материал свидетельствует о том, что гончарное ремесло Галицкой/Руси в XII—XIII вв. находилось на более высоком уровне, чем в предшествующий период. Большая часть сосудов сделана из хорошо отмученной глины с незначительной примесью мелкого песка или без видимых примесей. В тех же случаях, когда тесто содержало много песка, сосуды покрывали ангобом (разведенной водой жирной глиной), чтобы скрыть шероховатость наружной поверхности. Встречается желтый, оранжевый, коричневый и белый ангоб. Сосуды сделаны на ручном гончарном круге усовершенствованного типа, о чем свидетельствует их хорошая выделка — симметрия, тонкие стенки (0,3—0,6 см), правильность орнаментальных линий и др. Днища сосудов плоские, тонкие, иногда тоньше стенок в их придонной

¹⁷ О поселении см.: Г. И. Смирнова. Раннеславянское поселение у с. Незвиско на Днестре. «Pamiatki archeologické», LI, 1960, стр. 22.

части — 0,2—0,3 см. Они почти всегда гладкие, реже с песчаной подсыпкой или отпечатками более крупной подсыпки. На днищах встречаются клейма разных типов¹⁸. Обжиг сосудов не всегда равномерный; встречаются как красные, насквозь прокаленные, звонкие черепки, так и серые или трехслойные в изломе. По качеству черепка не всегда можно судить о том, обожжен ли сосуд в гончарном горне или в домашней печи, так как и горновый обжиг бывает слабый. Однако о применении в Галицком княжестве в XII—XIII вв. горнового обжига свидетельствуют не только черепки высокого качества, но и сами горны. Они обнаружены в Галиче¹⁹, Василеве²⁰ и на поселении в Луке-Врублевцевкой (Хмельницкая обл.)²¹. Два из них — в Галиче и Луке-Врублевцевкой — принадлежат к типу горнов двухъярусной конструкции без «козла»²². Они состоят из топки и обжигательной камеры, разделенных горизонтальной перегородкой («решеткой») без опоры. Горны в Василеве тоже двухъярусные, но в топке находится продольная стенка («козел»), поддерживающая «решетку» (под обжигательной камеры). Обжиг сосудов, стоявших на полу, происходил при помощи прямого пламени, проникавшего через вертикальные отверстия «решетки» — продухи (или люфты). Диаметр топок этих горнов равен 90—110 см, высота топок 30—40 см, толщина «решеток» 10—20 см, диаметр продухов 12—15 см.

По находкам из развала горна в Луке-Врублевцевкой (бусы, стеклянные браслеты и др.) его датируют временем не ранее рубежа XII—XIII вв. В этом же развале находились многочисленные обломки докрасна обожженных горшков и два раздавленных горшка, полностью реконструированных, наиболее характерного для галицкой керамики типа (см. ниже, тип II).

Обратимся к рассмотрению форм глиняной посуды XII—XIII вв. на территории Галицкой земли. Ее ассортимент довольно разнообразен. Это кухонные горшки, сосуды с низким вертикальным горлом для хранения запасов, кринки, сосуды с вертикальным горлом и валиком для подвязывания веревки, миски, ковши (черпаки) и крышки.

Наиболее многочисленную группу сосудов составляют горшки, среди которых можно выделить четыре основных типа.

Горшки I типа имеют конусовидное тулово, плоское дно, высокие плечики, короткую шейку, часто вертикальную или наклонную (с резким переходом к плечу и венчику) и отогнутый наружу венчик с округлым загнутым внутрь краем, образующим с внутренней стороны желобок для крышки (рис. 2, 1—6). Преобладают горшки небольших размеров с диаметром горла 11—18 см, реже 19—22, и высотой 18—15 см. Орнамент обычно состоит из четырех—шести врезных горизонтальных линий, реже — в сочетании с волнистой линией, расположенных в верхней или средней части тулова (реже по всему тулову). Другие виды орнамента почти не встречаются. Значительная часть горшков совсем не орнаментирована. Некоторые сосуды покрыты желтым, красным или белым ангобом.

Горшки I типа найдены на всех упомянутых выше поселениях Галицкой земли XII—XIII вв., нанесенных на карту, что установлено как по материалам названных выше коллекций, так и по имеющимся публикациям²³. Аналогичные горшки распространены на всей территории древ-

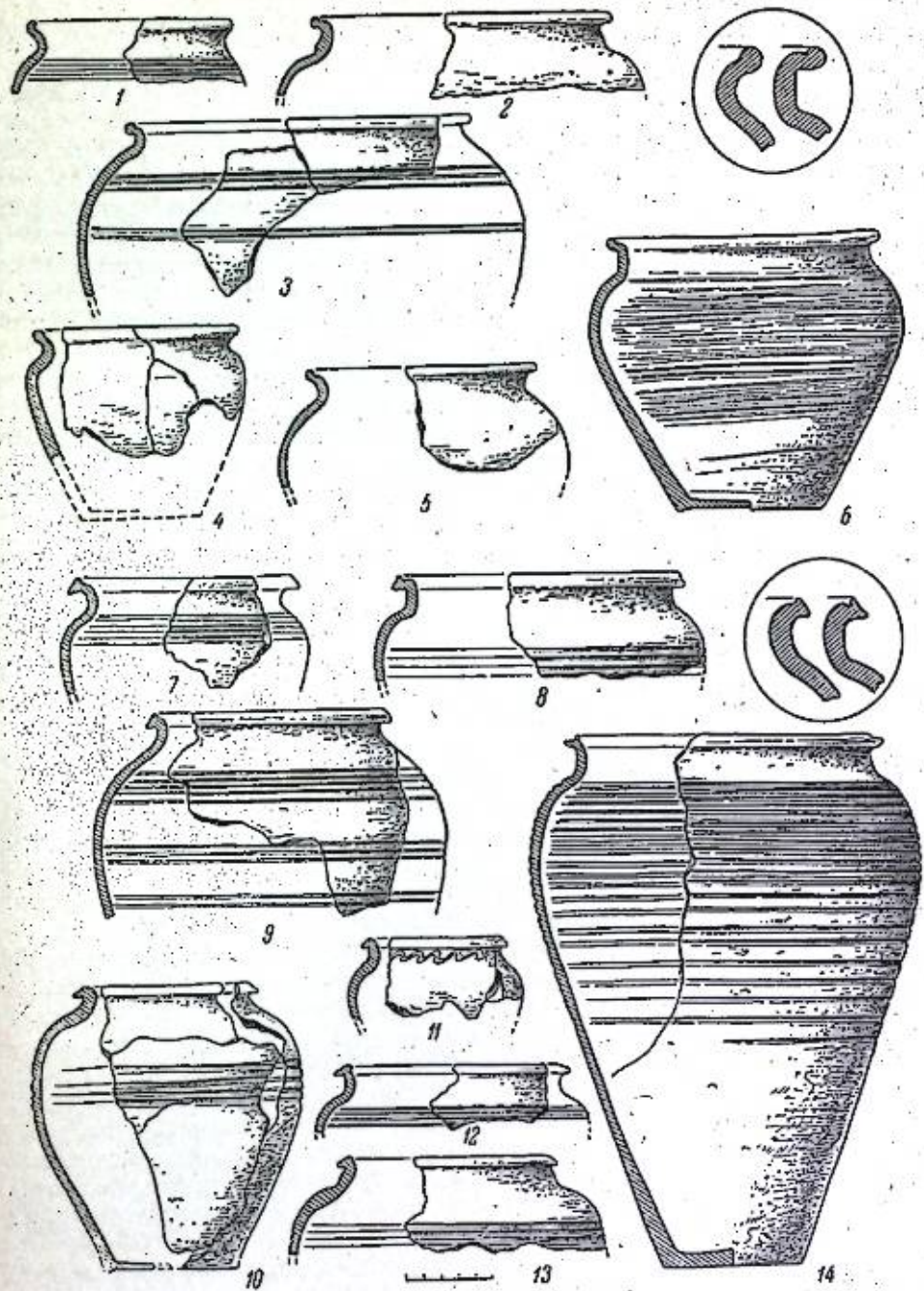

Рис. 2. Галицкая керамика. Горшки I и II типов.

Тип I: 1, 5 — Ленковцы; 2 — Плеснеск; 3 — Лука-Врублевцевка; 4, 6 — Галич. Тип II: 7 — Плеснеск; 8, 11, 12, 14 — Ленковцы; 9 — Лука-Врублевцевка; 10, 13 — Галич

¹⁸ М. П. Кучера. Гончарные клейма из раскопок древнего Плеснеска, стр. 118—123.

¹⁹ Я. Пастернак. Старый Галич. Краків—Львів, 1944, стр. 156.

²⁰ Б. А. Тимошук. Декоративные плитки XII—XIII вв. из Василева. См. настоящий выпуск, стр. 113.

²¹ И. Д. Зильманович. Древнерусская гончарная печь в с. Луке-Врублевцевка. «Тезис доповідей Подільської історико-краєзнавчої конференції». Хмельницький, 1965, стр. 87—88.

²² Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси, стр. 343—353.

²³ М. П. Кучера. Керамика...; ой же. Гончарные клейма...

ней Руси от южных ее районов до северных (Новгорода и Старой Ладogi) и от западных земель до северо-восточных. Несомненно, что горшки, найденные в разных областях, имеют некоторые различия в качестве теста, пропорциях, орнаментации, но наиболее характерные черты профиля (высокие плечики, короткая четко выраженная шейка, отогнутый наружу венчик с загнутым внутрь округлым краем) остаются неизменными.

О бытовании горшков I типа на территории Галицкой земли не ранее XII в. свидетельствует отсутствие их в керамических комплексах Галича и Плеснеска, связанных с полуземляночными жилищами IX—XI вв. Однако возможно, что в некоторых городах других районов горшки этого типа появились несколько раньше. Так, например, в древнем Новогрудке на участках с четко выраженной стратиграфией фрагменты сосудов, подобных горшкам I типа, есть уже в конце XI в.²⁴ Появление горшков, аналогичных горшкам I типа, в XI в. подтверждает также керамика города Святополча, основанного в последние годы XI в.²⁵ С другой стороны, о существовании рассматриваемых сосудов в середине XIII в. свидетельствует наличие горшков с подобным профилем в киевских жилищах, разрушенных монголами в 1240 г.²⁶

Горшки II типа по форме и пропорциям очень близки к горшкам I типа (рис. 2, 7—14). Они также имеют короткую изогнутую или четко выраженную шейку (вертикальную или наклонную), но отличаются иным профилем венчика: он очень короткий, резко отогнут наружу и край его косо срезан, благодаря чему имеет не округлую, а заостренную форму. Некоторые фрагменты сосудов при сохранении всех признаков горшков II типа не имеют желобка на внутренней поверхности венчика (рис. 2, 7, 10—11, 13). Орнаментация горшков II типа также однообразна, но врезные горизонтальные линии располагаются чаще не на плечиках, а на наиболее широкой части тулова. Иногда они проведены двумя или тремя полосами (рис. 2, 9). Кроме горизонтальных линий, изредка встречаются волнистые и линии, проведенные зубчатым колесиком (в Галиче, Луке-Врублевецкой, Ленковцах). Некоторые сосуды покрыты белым ангобом, и нанесенный сверху орнамент резко выделяется в виде темных полос (Плеснеск, Лука-Врублевецкая). Часть сосудов совсем не орнаментирована.

Горшки II типа найдены на всех известных нам поселениях Галицкой земли XII—XIII вв., причем в значительно большем количестве, чем все остальные виды горшков. Они обнаружены, в частности, в гончарном горне в Луке-Врублевецкой. Можно с уверенностью сказать, что этот тип является не только основным или ведущим на интересующей нас территории, но его следует считать собственно галицким типом, так как за пределами Галицкой земли аналогичные горшки почти не обнаружены. Исключения представляют фрагменты венчиков, найденные на Волыни в городах Бужеск²⁷ и Волинь (теперь Грудек Надбужный в Польше)²⁸, что, вероятно, объясняется ближайшим их соседством с Галицкой землей.

У нас нет данных для уточнения времени бытования горшков II типа; на протяжении XII—XIII вв. они сосуществуют с горшками I типа.

Горшки III типа составляют небольшую группу сосудов и из-за отсутствия целых экземпляров не могут быть охарактеризованы полностью (рис. 3, 1—7). Отличительной особенностью их является горизонтально срезанный венчик с оттянутым наружу краем и обычно с желобком с внутренней стороны; шейка плавно изогнута, реже четко выражена; плечики высокие, часто сильно выступающие по отношению к венчику. Судя по большому диаметру горла (16—26 см), сосуды эти, за редким исключением, имели большие размеры и, возможно, служили для хранения запасов. На них нет следов закопченности и некоторые фрагменты покрыты оранжевым ангобом.

²⁴ М. В. Малевская. О датировке нижнего горизонта Новогрудка. КСИИ, вып. 104, 1965, стр. 92, рис. 34, 11, 13.

²⁵ П. А. Раппопорт. Обследование городищ в районе Киева в 1950 г. «Археология», т. VII, 1952, стр. 147.

²⁶ М. К. Каргер. Древний Киев, т. I, М.—Л., 1958, стр. 416, рис. 96.

²⁷ Материалы обследования Бужеска П. А. Раппопорт, 1962 г.

²⁸ W. Bender, E. Kierzkowska, K. Kierzkowski, J. Bronicka-Rańhutowa. Badania w Gródki-Nadbużnym w pow. Hrubieszowskim w 1955 г. «Sprawozdania archeologiczne», t. III, 1957, стр. 182.

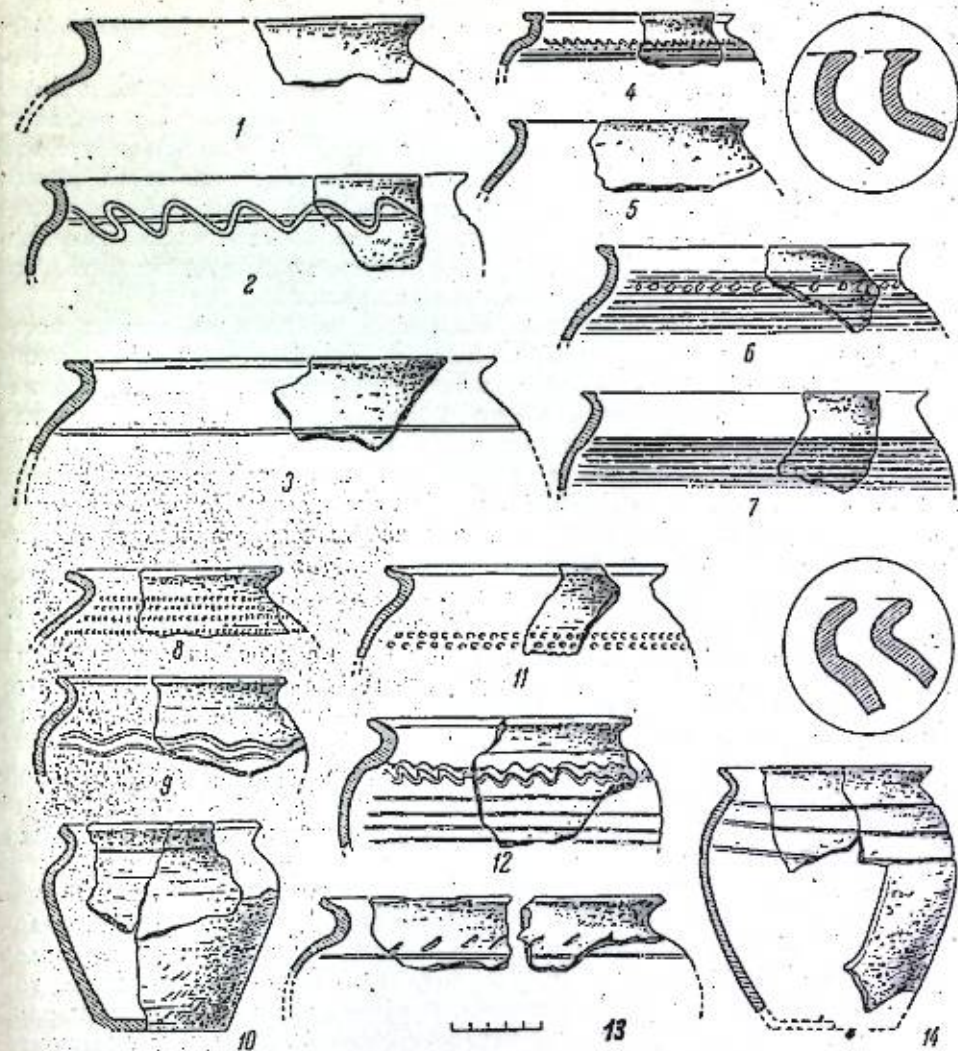

Рис. 3. Галицкая керамика. Горшки III и IV типов

Тип III: 4, 3—4 — Галич; 2, 6—7 — Ленковцы; 5 — Дарабаны. Тип IV: 8, 11 — Лука-Врублевецкая; 9, 12 — Ленковцы; 10, 13—14 — Галич

Горшки III типа на территории Галицкой земли нам известны лишь в Галиче, Ленковцах и Дарабанах. Весьма вероятно, что сосуды эти существовали и на других поселениях, но ограниченность материала не позволяет об этом судить. Отсутствие аналогичных горшков в других районах древней Руси, даже в тех случаях, где имеется большой и детально изученный материал, заставляет думать, что и этот тип горшков был наиболее характерен именно для Галицкой земли. За пределами Руси сосуды, близкие горшкам III типа, известны в XIII в. в Чехии (на городище в Давле)²⁹.

Горшки IV типа, как и I—III типов, составляют небольшую группу и также представлены очень фрагментарно (рис. 2, 8—14). Их характерной особенностью является простой венчик с округлым или косо срезанным краем, несколько напоминающий венчики гончарных горшков IX—X вв. В некоторых случаях венчики с внутренней стороны имеют небольшое углубление (рис. 3, 13). Горшки IV типа отличаются от ранее рассмотрен-

²⁹ J. Kavan. Archeologický výskum v hradistku u Davle. «Archeologické rozhledy», t. VIII, s. 3, 1956, стр. 377—386, рис. 172, 3, 7, 13.

ных более разнообразной орнаментацией. Наряду с горизонтальными линиями встречаются не только волнистые, но и различные наколы (округлые, погтевые и др.), а также линии, нанесенные зубчатым колесиком. Некоторые сосуды покрыты белым или оранжевым ангобом. Преобладают горшки небольших размеров с диаметром горла 10—15 см. В Галиче эти сосуды отличаются от других особенно хорошим качеством теста (почти без примесей) и обжигом. Небольшие размеры, разнообразная орнаментация, отсутствие нагара и закопченности, а также иногда высокое качество теста и очень хороший обжиг (в Галиче) позволяют предположить, что горшки IV типа служили в основном столовой посудой.

Горшки IV типа в небольшом количестве найдены на многих поселениях Галицкой земли: Галиче, Плеснеске, Луке-Врублевецкой, Ленковцах, Подгородье и др. Ближние им по простому профилю венчика и орнаментации сосуды встречаются и в других городах домонгольской Руси, где имеют также несколько архаичный вид.

Помимо рассмотренных выше четырех основных типов горшков, во всех городах интересующей нас территории встречаются и другие разновидности этой группы сосудов, но в таком небольшом количестве, что не представляется возможным выделить их в самостоятельные типы.

Исследование группы горшков свидетельствует о том, что в Галицкой земле наряду с общерусским типом горшков (тип I и отчасти тип IV) существовали два других (II и III), границы распространения которых, за редким исключением, не выходили за пределы Галицкого княжества. Это позволяет считать горшки II и III типов характерными для поселений только Галицкой земли (собственно галицкими).

Другие группы посуды составляют очень небольшой процент галицкой керамики и поэтому в маленьких коллекциях почти не представлены. Отсутствие целых экземпляров некоторых групп посуды не дает возможности охарактеризовать их полностью.

Сосуды с низким вертикальным горлом большого диаметра (16—20 см) и иногда сильно выступающими плечиками имели большие размеры и служили, видимо, для хранения зерна (некоторые исследователи их называют корчагами, рис. 4, 1—4). Сосуды эти украшены горизонтальными и волнистыми линиями, нанесенными иногда и на горло. В некоторых случаях горло слегка наклонено внутрь. На одном фрагменте оно опоясано валиками. Целые экземпляры сосудов с низким горлом известны в Плеснеске в более раннее время (XI в.)³⁰. Они дают более полное представление об этих сосудах: тулово конусовидное или слегка округлое, плечики покатые, горло всегда снабжено двумя-тремя валиками; высота их равна 30—35 см. Как отмечает М. П. Кучера, корчаги XII—XIII вв. аналогичны более ранним, но в большинстве случаев не имеют на шейке валиков.

Фрагменты сосудов с низким вертикальным горлом найдены лишь в Плеснеске³¹, Галиче и Ленковцах. За пределами Галицкой земли они обнаружены на Райковецком городище³². Большие сосуды для хранения зерна хорошо известны в Киеве, где они также имеют низкое горло с валиками, но отличаются от других наличием двух ручек, высоким качеством теста и очень хорошим обжигом³³.

Кринки или кувшины представлены очень фрагментарно (рис. 4, 5—7). Характерной их особенностью является узкое вертикальное горло

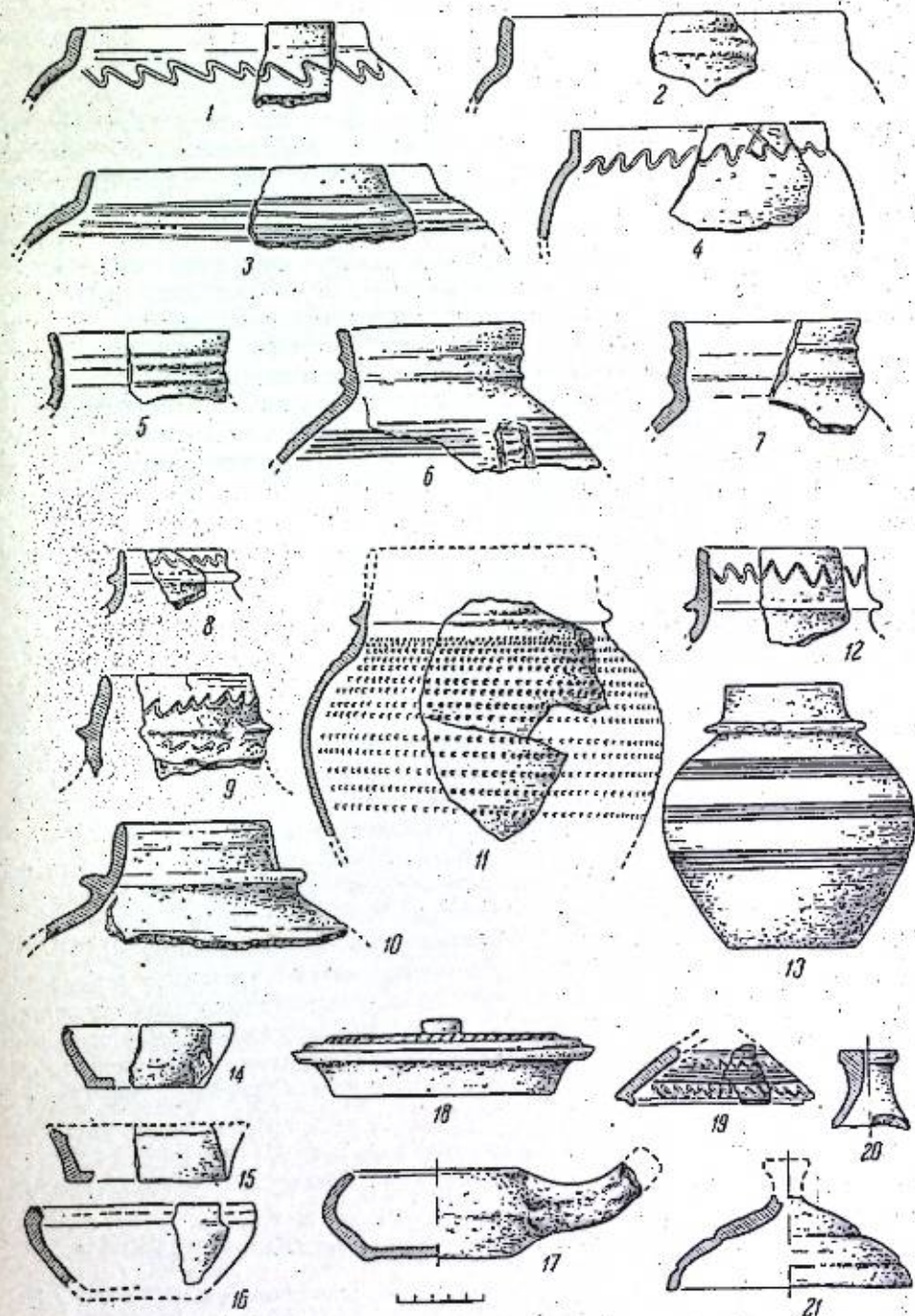

Рис. 4. Различные группы галицкой керамики

Сосуды с низким вертикальным горлом: 1, 3—4 — Ленковцы; 2 — Галич.
Кринки: 5—6 — Ленковцы; 7 — Галич; кринки с валиком для веревки: 8, 11 — Лука-Врублевецкая;
9—10, 13 — Галич; 12 — Дарабаны,
Миски: 14 — Лука-Врублевецкая; 15 — Ленковцы; 16 — Плеснеск.
Ковши: 17 — Галич
Крышки: 18, 20—21 — Галич; 19 — Ленковцы

³⁰ М. П. Кучера. Керамика древнего Плеснеска, стр. 150—151, рис. 2, 1 и 3, 4.

³¹ М. П. Кучера. Древний Плеснеск. АП, т. XII, 1962, стр. 50, рис. 20, 9.

³² В. К. Гончаров. Райковецкое городище. Киев, 1950, стр. 119, табл. XXV, 14.

³³ М. К. Каргер. Древний Киев, т. I. М.—Л., 1958, стр. 418—421, рис. 100—102, табл. XXIV.

(диаметр 9—13 см) с двумя-тремя круговыми валиками, как и у сосудов для хранения зерна, но горло кринок выше — 4—5 см. В XII—XIII вв. встречаются кринки и без валиков³⁴. Судя по целому сосуду более раннего времени, найденному у Галича с кладом куфических монет IX—X вв.³⁵, кринки имели слегка вытянутую форму, конусовидное тулово и покатые плечики.

Фрагменты кринок найдены в Галиче, Плеснеске и на Ленковецком городище. На одном из ленковецких сосудов сохранился след ручки; видимо, это был кувшин (рис. 4). Аналогичные кринки в других районах древней Руси нам неизвестны.

Сосуды с узким вертикальным горлом (диаметр 8—14 см) и сильно выступающим круговым валиком составляют более многочисленную группу, чем предыдущие (рис. 4, 8—19). Валик треугольной или округлой формы в сечении расположен у основания горла. Он имеет две выемки с противоположных сторон, через которые в виде петли выводилась наверх веревка, обхватывающая горло под валиком. Форма тулова, судя по нескольким целым экземплярам, была различная: почти шаровидная, как в Галиче (рис. 4, 13)³⁶, и вытянутая, как в Плеснеске³⁷. Большая часть сосудов богато украшена линейно-волнистым орнаментом или зубчатым колесиком, но встречаются и неорнаментированные. Некоторые фрагменты покрыты желтым ангобом.

Рассмотренные сосуды являются, вероятно, разновидностью кринок, которые благодаря ручке в виде петли легко было транспортировать. Можно предположить, что сосуды эти служили для переноса и хранения жидкостей (воды, молока, дегтя и др.). В целом сосуде, найденном в Галиче, оказался деготь из березовой коры³⁸.

В Галицком княжестве, помимо Плеснеска и Галича, фрагменты сосудов с валиком для подвешивания веревки были обнаружены в нескольких экземплярах в Ленковцах, Луке-Врублевской³⁹ и Дарабанах, т. е. на всех тех поселениях, с которых имеется более или менее значительный материал. За пределами Галицкой Руси аналогичные сосуды известны на довольно ограниченной территории — на Волинии в городах Черторыйске⁴⁰, Данилове⁴¹ и Изяславе⁴², в городе Болоховской земли Губине (район пограничья Волинского и Киевского княжеств)⁴³ и в этом же районе на Райковецком городище⁴⁴ и в Колодяжине⁴⁵. Вне пределов Галицкой, Волинской и Болоховской земель данный тип сосудов не обнаружен.

Миски встречаются лишь в единичных экземплярах. Это небольшие сосуды конической формы с прямыми или слегка выгнутыми стенками (рис. 4, 14—16). Верхний край косо срезан или загнут внутрь. Некоторые миски украшены волнистым и линейным орнаментом. На одной миске виден след ручки (рис. 4, 14), на другой имеется выступ с внутренней

³⁴ М. П. Кучера. *Керамика древнего Плеснеска*, стр. 151.

³⁵ О. Р. Ратич. *Древнерусские археологические памятники на территории западных областей УРСР*. Київ, 1957, стр. 56, табл. II, 3.

³⁶ Я. Пастернак. *Указ. соч.*, стр. 195, рис. 81, 3.

³⁷ М. П. Кучера. *Керамика древнего Плеснеска*, стр. 151, рис. 2, 3.

³⁸ Я. Пастернак. *Указ. соч.*, стр. 195.

³⁹ Э. А. Симанович. *О датировке поселений первых веков нашей эры в Луке-Врублевской*. КСИИМК, вып. 57, 1955, стр. 24, рис. 7, 6.

⁴⁰ Материалы обследования Черторыйска П. А. Раппопорт, 1961 г.

⁴¹ Материалы обследования городища, любезно предоставленные для ознакомления М. И. Островским.

⁴² Доклад О. В. Овсянникова «О некоторых группах керамических изделий Изяслава» (по материалам раскопок М. К. Каргера 1957—1964 гг.) на заседании Группы славяно-русской археологии ЛОИА 2 февраля 1967 г.

⁴³ П. А. Раппопорт. *Города Болоховской земли*. КСИИМК, вып. 57, 1955, стр. 52—59; Материалы обследования Губина П. А. Раппопорт, 1963 г.

⁴⁴ В. К. Гончаров. *Райковецкое городище*, табл. XXV, 14.

⁴⁵ Р. О. Юра. *Древний Колодяжин*. АП, т. XII, 1962, стр. 112, рис. 38, 1.

стороны для поддержания крышки. Судя по небольшим размерам мисок (верхний диаметр 10—13 см, диаметр дна 7—10 см, высота 3—5 и более см), они являлись столовой посудой. Фрагменты таких мисок найдены в Плеснеске⁴⁶, Львове⁴⁷, Луке-Врублевской⁴⁸, Ленковцах и Бакоте⁴⁹.

Ковши (черпаки) найдены только в Галиче и Ленковцах (рис. 4, 17). Это маленькие сосуды с диаметром устья 10—11 см и высотой 3—4 см. У них различаются два вида ручек: длинная слегка изогнутая и в виде петли⁵⁰. Аналогичные черпаки известны и в других городах древней Руси, в частности в Киеве⁵¹.

Крышки подразделяются на три типа: полусферические, конические и плоскоцилиндрические (рис. 4, 18—21). Они имеют маленькую головку, иногда со сквозным отверстием (рис. 2, 20) и большей частью богато орнаментированы волнистыми и горизонтальными линиями, а также разного рода наколами. По различной форме карнизика или его отсутствию можно сказать, что крышки применялись для закрытия как горшков, так и сосудов с цилиндрическим горлом разного диаметра. Крышки обнаружены в Галиче⁵², Плеснеске⁵³ и на Ленковецком городище⁵⁴. В других районах древней Руси крышки широкого распространения, видимо, не имели. Они известны на Волинии — в Данилове⁵⁵ и Изяславе⁵⁶, в Колодяжине⁵⁷, а также и в более отдаленных районах, как, например, в Старой Рязани⁵⁸, древнем Новогрудке⁵⁹ и др. Встречаются они и на территории западнославянских земель, например в Польше (в Ополе)⁶⁰ и в Чехии (Ходомысле)⁶¹, где бытуют в XIII—XV вв.

Изучение керамики Галицкой земли XII—XIII вв. и ее ареала позволяет заключить, что лишь немногие виды этой керамики бытуют и в других районах древней Руси (горшки I — общерусского типа, отчасти горшки IV типа и значительно реже большие сосуды для хранения запасов, ковши и крышки). Один тип сосудов (кринки с валиком для подвешивания веревки) распространен, кроме Галицкой земли, лишь на Волинской и Болоховской землях. Основные же наиболее характерные виды галицкой посуды за пределами Галицкой Руси, как правило, не встречаются. Это особенно надо отметить в отношении горшков II типа, которые в XII—первой половине XIII в. являются ведущей формой на поселениях Галицкой земли, составляя порой до 80% всей керамики поселения.

Не менее важно подчеркнуть и то, что если аналогии отдельным формам галицкой керамики и встречаются в других районах древней Руси,

⁴⁶ Материалы обследования Плеснеска П. А. Раппопорт, 1962 г.

⁴⁷ О. Р. Ратич. *Древнерусские материалы из раскопок 1955—1956 гг. на Замковой горе у Львова*. МДАПВ, вып. 3, 1961, стр. 119, рис. 3, 15, 16, 18—21.

⁴⁸ Э. А. Симанович. *Указ. соч.*, рис. 7, 4 и материалы раскопок Днестровско-Волинской экспедиции 1965 г. М. А. Тихановой.

⁴⁹ Материалы разведки И. И. Вишюра 1964 г.

⁵⁰ Б. А. Тимощук. *Ленковецкое древнерусское городище*, стр. 275, рис. 5, 5.

⁵¹ М. К. Каргер. *Древний Киев*, т. I, стр. 418, табл. XXIII.

⁵² Я. Пастернак. *Указ. соч.*, рис. 81, 8, 11.

⁵³ М. П. Кучера. *Керамика древнего Плеснеска*, стр. 150, рис. 2, 7—8.

⁵⁴ Б. А. Тимощук. *Ленковецкое древнерусское городище*, стр. 275, рис. 5, 8.

⁵⁵ Материалы обследования М. И. Островского.

⁵⁶ Доклад О. В. Овсянникова «О некоторых группах керамических изделий Изяслава» (по материалам раскопок М. К. Каргера) на заседании Группы славяно-русской археологии ЛОИА 2 февраля 1967 г.

⁵⁷ Р. О. Юра. *Указ. соч.*, стр. 114, рис. 39, 7.

⁵⁸ А. Л. Монгайт. *Старая Рязань*. МИА, № 49, 1955, стр. 115—116, рис. 79.

⁵⁹ Материалы Новогрудской экспедиции Ф. Д. Гуревич.

⁶⁰ W. Holubowicz. *Z badań na ostrówku w Opolu w roku 1955*. «Sprawozdania archeologiczne», t. III, 1957, стр. 211.

⁶¹ K. Reichertova. *Středověká keramika datovaná mincemi*. «Památki archeologické», L, č. I, 1959, стр. 252.

то весь рассмотренный выше керамический комплекс можно найти только на поселениях Галицкой земли, как, например, в Галиче, Плеснеске и Ленковцах, с которых изучен значительный керамический материал.

Все вышесказанное позволяет говорить о ярком своеобразии керамики Галицкой земли XII — первой половины XIII в., может быть, более самобытной, чем керамика других областей древней Руси. Известную роль в этом отношении могли сыграть связи Галицкого княжества с западными землями — Польшей, Чехией и Венгрией, на территории которых бытовали некоторые виды посуды, близкие к галицким. Нет сомнения, что дальнейшее, более полное изучение керамического материала позволит внести уточнения в рассмотренный выше вопрос.

Ю. А. ШАПОВА

К ВОПРОСУ О ПРОИЗВОДСТВЕ СТЕКЛЯННЫХ БРАСЛЕТОВ
В ДРЕВНЕЙ КОСТРОМЕ

С начала 50-х годов одно за другим следовали открытия центров по производству стекла и стеклянных изделий, браслетов главным образом.

Существование одних мастерских доказывалось открытием остатков более или менее полного производственного комплекса¹, существование других — наличием отходов производства² или производственного брака³. Производство стеклянных браслетов в Новгороде доказывалось⁴ поздней датой бытования, когда на огромной территории Руси стеклянных изделий и браслетов, в частности, уже не было. Исследованием составов стекла браслетов и распределением находок по слоям удалось установить производство стеклянных браслетов в Полоцке⁵ и Церковище⁶ (город Воищина под Смоленском). Производство стекла предполагалось в Колодяжине⁷, Городске, Райках⁸, Чернигове⁹ и в ряде других мест, несмотря на отсутствие прямых доказательств.

Местное производство в Старой Ладого, Костроме, Рязани, польском городе Волине доказывается находками бракованных изделий или стеклянных сплавов разных форм. Действительно, очень хотелось бы бусину без дырочки рассматривать как довод в пользу ее изготовления в Старой Ладого. Однако такое решение не всегда правомерно. Например, в землянке XIII в. в Киеве на полу, высыпавшись из корчаги, лежало 1339 бус сердоликовых и хрустальных. Некоторые бусы не просверлены насквозь, т. е. к употреблению негодны. В землянке же нет ни заготовок, ни полуфабрикатов, ни брака, ни сырья, нет и необходимого инструмента. В силу

¹ В. А. Богусевич. Археологические раскопки 1950 г. на Подоле в Киеве. КСИИМК, вып. XII, 1951, стр. 47—48; он же. Мастерские XI в. по производству стекла и смальты в Киеве. КСИА АН УССР, вып. 3, 1954, стр. 14—20; М. К. Каргер. Древний Киев, т. I, М., 1958, стр. 404; Б. А. Рыбаков. Любеч — феодальный двор Мономаха и Ольговичей. КСИА, вып. 99, 1964, стр. 21.

² М. В. Фехнер. Раскопки в Костроме. КСИИМК, вып. XLVII, 1952, стр. 101—106.

³ А. Л. Монгайт. Старая Рязань. МИА, № 49, 1955, стр. 131, 175—176.

⁴ А. В. Арциховский и М. Н. Тихомиров. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1951 г.). М., 1953, стр. 55; Б. А. Колчин. Топография, стратиграфия и хронология Неревского раскопа. МИА, № 55, 1956, стр. 120—123; М. Д. Полубояринова. Стеклянные браслеты Новгорода. МИА, № 117, 1963, стр. 178—179.

⁵ Ю. А. Шапова. Стеклянные браслеты Полоцка. СА, 1965, № 2, стр. 225—235.

⁶ В. В. Седов. Сельские поселения Смоленской земли. МИА, № 92, 1960, стр. 78—79.

⁷ В. К. Гончаров. Древний Колодяжин. КСИИМК, вып. XLI, 1951, стр. 52.

⁸ В. К. Гончаров. Райковецкое городище. Киев, 1950, стр. 130.

⁹ В. А. Богусевич. До истории склоробного виробництва в Київській Русі. «Нариси з історії техніки», вып. 4. Київ, 1957, стр. 134—144.

этих обстоятельств М. К. Каргер не считает себя в праве говорить о производстве бус в этом жилище¹⁰.

В Новгороде во время раскопок на Неревском конце найдены несколько лимонок без отверстий, отрезок трубочки — заготовка для полосатых бус. Тем не менее говорить о производстве лимонок и полосатых бус в Новгороде X в. нельзя.

Рассмотрение этих находок с точки зрения их форм, техники изготовления, состава показало, что они ничем существенно не отличаются от многочисленных бус, известных с огромной территории в течение всего первого тысячелетия¹¹. В такой связи бракованные изделия из Старой Ладуги или Новгорода следует скорее отнести на счет передневожосточных мастеров, которые эти бусы делали, а не на счет мастеров староладужских или новгородских. Находки бракованных передневожосточных бус в Старой Ладуге и Новгороде доказывают, очевидно, лишь одно, что бусы в это время возили россыпью, в сосудах, а не напизанными на нитку, иначе торговец бусами заметил бы и не повез бы явный брак за тысячи километров.

Не всегда справедливы и ссылки на находки стеклянных сплавов, деформированных изделий и так называемых стеклянных шлаков.

Бесформенные стеклянные сплавы в виде капель и коротких нитей могут образоваться в условиях случайных, никакого отношения к производству стекла не имеющих. Например, сильный пожар в городе или жар погребального костра способны изменить до неузнаваемости и металлические изделия и стекло, особенно то, в составе которого есть свинец. Найденные капли стекла в гнездовых курганах все согласно считают сплавившимися бусами, даже если нет и намека на их форму. Вместе с тем аналогичной по характеру и виду находке в городском культурном слое придается большое значение, часто без проверки, анализов, доказательств.

Все сказанное выше и определило интерес к остаткам мастерской по производству стеклянных браслетов, открытых раскопками М. В. Фехнер в Костроме в 1951 г.

В краткой публикации¹² сообщается о находке обломков стеклянных браслетов и остатков производственного комплекса (глинобитная печь).

К сожалению, оставалось много неясного, и прежде всего не ясна стратиграфия и условия находок. Из отчета о раскопках¹³ следует, что на площади 3 м × 4 м «на глубине 80—100 см. находился развал глинобитной печи, в непосредственной близости от которого были раскопаны кусок застывшей белой стеклянной массы, обломок расплавленного стеклянного браслета (зеленого цвета), по-видимому, производственный брак и железный шлак, применявшийся, как известно, при изготовлении стекла. Эти остатки, несомненно, свидетельствуют о существовании в Костроме специальной мастерской стеклянных браслетов»¹⁴. Таким образом, существование мастерской в Костроме доказывается тремя существенными и, казалось бы, достаточными фактами. Рассмотрим их.

В настоящее время коллекция вещей, составленная во время раскопок, хранится в Костромском музее. Здесь же хранятся материалы из раскопок в Костроме¹⁵, производившиеся в 1920 г. В. И. Смирновым. Среди этих материалов есть 79 обломков стеклянных браслетов. Браслеты фио-

¹⁰ М. К. Каргер. Новые данные к истории русского жилища. КСИИМК, вып. XXXVIII, 1951, стр. 11.

¹¹ Ю. А. Шапова. Происхождение некоторых типов древнерусских бус. СА, 1960, № 1, стр. 81—96.

¹² М. В. Фехнер. Раскопки в Костроме, стр. 106.

¹³ М. В. Фехнер. Отчет о раскопках в г. Костроме летом 1951 г. Архив ИА АН СССР, д. 534.

¹⁴ М. В. Фехнер. Отчет о раскопках... стр. 9.

¹⁵ Место раскопок неизвестно. Не исключено, что эти браслеты не только из Костромы.

летовые; коричневые, зеленые, желтые, бирюзовые и синие обычных форм — крученые, витые, гладкие, гладкие и крученые с перевитием.

Нами были исследованы с помощью спектрального анализа составы всех отходов производства и готовая продукция.

Для анализа сознательно взяты браслеты зеленые, желтые и коричневые (ан. 369: 10—21 см. Приложение). Дело в том, что в древней Руси браслеты таких цветов, как фиолетовый, бирюзовый, синий (медно-марганцевый), изготавливались только из стекла калиево-свинцово-кремнеземного, главным образом в Киеве. Ни разу не встретилось ни одного исключения (исследовано более 3000 браслетов). Такая строгая закономерность, установленная на большом числе примеров, исключает возможность отклонений, поэтому состав стекла 32 браслетов этих цветов не определялся специально и отнесен к классу калиево-свинцово-кремнеземных стекол.

Браслеты коричневые, зеленые и желтые могут быть изготовлены не только из стекла K—Pb—Si, но и из стекла Pb—Si. Это очень существенно, поскольку браслеты из стекла Pb—Si не изготавливались в Киеве и, напротив, изготавливались в других центрах, например в Полоцке¹⁶. Из стекла изготавливались браслеты под Смоленском¹⁷, может быть, в Друцке¹⁸. Возможно производство таких браслетов и в других древнерусских городах.

Вместе с тем браслеты из стекла K—Pb—Si производились в Рязани и Новгороде, но в обоих этих городах, особенно в Рязани, браслеты существенно отличаются от киевских набором форм и соотношением цветов.

В связи со сказанным выше, изучение браслетов Костромы приобретает особое значение.

Из 12 браслетов, состав стекла которых определен, два браслета свинцово-кремнеземных, а 10 — калиево-свинцово-кремнеземных.

В тех городах, где делались браслеты из стекла Pb—Si, они составляют в сумме около трети, а в Церковище — 95%, в Костроме же много меньше (2 из 12). Следовательно, предполагаемое производство браслетов в Костроме доказать по аналогии не удастся.

Рассмотрим типы браслетов и соотношение цветов (табл. 1).

Таблица 1

Форма браслетов	Фиолетовый	Коричневый	Желтый	Бирюзовый	Синий	Зеленый	Итого	%
Мелкокрученые	3	5	—	1	1	2	12	56
Крученые	3	8	1	5	3	3	23	
Крупнокрученые	1	4	—	—	—	1	6	
Крученые с перев.	—	2	—	—	—	1	3	
Витые	2	—	1	—	—	—	3	4
Гладкие	8	14	—	4	—	3	29	40
Гладкие из четырех ягутов	—	1	—	—	—	—	1	
Гладкие с перев.	1	—	1	—	—	—	2	
Итого число находок	18	34	3	10	4	10	79	
Число находок, в %	23	43	4	12,5	5	12,5	100	100
Доверительный интервал	15—32	33—53	1—10	7—21	2—11	7—21		
Киевский доверительный интервал	20—31	19—30	3—9	12—22	12—22	8—17		

¹⁶ Ю. А. Шапова. Стеклянные браслеты древнего Полоцка. СА, 1965, № 2, стр. 225—235.

¹⁷ В. В. Седов. Сельские поселения... стр. 78—79.

¹⁸ Ю. А. Шапова. Стеклянные браслеты Полоцкой земли. КСИИМК, вып. 104, 1965, стр. 47—49.

Цветовая гамма браслетов Костромы является почти точной копией браслетов Киева. Отличие составляет меньшее количество браслетов синих и, напротив, очень велико количество браслетов коричневых. С подобным явлением мы встречаемся достаточно часто.

В Костроме отличное от киевских соотношение браслетов гладких и крученых: в Костроме последних 58%. Учитывая возможные (в пределах доверительных интервалов) изменения с увеличением числа находок, полученные результаты можно сблизить. В Костроме более всего браслетов коричневых — от трети до половины. Состав шести исследованных коричневых браслетов одинаков; постоянно К—РЬ—Si стекло (ан. 369: 10, 11, 12, 14, 17, 19). К сожалению, среди этих браслетов нет таких, на местном производстве которых можно было бы настаивать, правда, исследована лишь небольшая часть.

Три оплавленных фрагмента стеклянной массы и кусок шлака (ан. 369: 6—9) имеют следующие особенности состава.

Два стеклянных сплава (ан. 369: 6, 7) по химическому составу принадлежат к группе натриево-калиево-известково-кремнеземных стекол с большой примесью окиси алюминия. Стеклянная масса обесцвечена находящейся в составе окисью марганца. Заметим, что оба сплава, одинаковые по основному составу, разные по микропримесям: в одной пробе (ан. 369: 6) содержится много титана, чего нет в другой.

Третий бесцветный прозрачный сплав (ан. 369: 9) по химическому составу относится к группе калиево-известково-кремнеземных стекол, в составе нет марганца и алюминия.

Шлак (ан. 369: 8), кроме большого количества железа, содержит в своем составе алюминий, магний и кальций, калий, марганец и титан.

Все домонгольское стекло, как мы видели¹⁹, свинцовое, кремнеземное,

щелочное или бесщелочное; все сплавы, или отходы производства, свинца не содержат. В составе стекла костромских браслетов, как и в стеклянных браслетах других городов, свинец есть, а окиси натрия нет, в отходах же производства она есть. Разница химических составов отходов производства и готовой продукции особенно очевидна из следующей таблицы.

Таблица 2

	Основные стеклообразующие						Вспомогательные		
	Na	K	Ca	Mg	Pb	Si	Mn	Al	Ti
Готовая продукция	—	+	—	—	+	+	—	—	—
стеклянные браслеты	—	—	—	—	+	+	—	—	—
отходы производства	+	+	+	+	—	+	+	+	+
	—	+	+	+	—	—	—	—	—

Таким образом, «отходы производства» не могут быть связаны с остатками производства стеклянных браслетов домонгольской поры.

«Отходы производства» правильнее будет считать сплавами случайного происхождения, попавшими в культурный слой в XVIII и даже в XIX в., им соответствует характер культурного слоя на этом участке.

Все стеклянные браслеты в Кострому привезены. Везли их из Киева, либо из Рязани, некоторые из Смоленска (ан. 369: 16, 20) и из Новгорода. Оба исследованных прозрачно-зеленых свинцово-кремнеземных браслета привезены из Смоленска, содержат высокий процент олова и серебра, что достаточно часто не только в браслетах, а и в поливе на архитектурной керамике смоленского производства.

Приложение

Результаты качественного спектрального анализа

№ инв.	№ табл. элемент	№ спектра	Описание предмета	Паспорт	Элементы																												
					Sr	Ba	Cr	K	Mn	Ca	Al	Co	Ni	Ti	Zn	Na	Ag	Cu	V	Sn	Mo	Bi	Si	Sb	Mg	Pb	P	As	Fe	In	Ce		
1	369	6	Сплав стекла голубоватый	К-51, № 414/*529	—	—	—	2	3	2	3	—	7	3	7	3	7	5	—	6	6	—	—	—	3	—	—	—	—	—	—	—	—
2	369	7	Сплав стекла бесцветный	К-51, № 414/581	—	—	—	3	3	2	3	—	—	5	—	3	—	5	7	—	—	—	—	3	—	—	—	—	—	—	—	—	—
3	369	8	Шлак ?	К-51, № 414/113	—	—	—	3	3	3	3	—	6	3	—	4	—	5	—	4	6	—	0	—	—	—	—	—	—	2	—	—	—
4	369	9	Сплав стекла прозрачный	К-51, № 414/471	—	—	—	2	4	3	4	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
5	369	10	Браслет крученный коричневый	К-51, № 414/177	—	—	—	3	—	6	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
6	369	11	» » »	К-51, № 414	—	—	—	2	3	5	6	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
7	369	12	» » »	К-51, № 414	—	—	—	2	—	5	7	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
8	369	13	» » зеленый	Кострома, раскопки	—	—	—	2	—	5	5	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
9	369	14	» гладкий коричневый	В. И. Смирнова	—	—	—	2	5	4	5	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
10	369	15	» » зеленый	1920 г.	—	—	—	2	5	4	5	—	—	6	—	6	—	4	—	4	7	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
11	369	16	» » »	То же	—	—	—	—	5	4	4	—	—	6	5	—	5	5	2	—	3	7	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
12	369	17	» » коричневый	»	—	—	—	—	5	4	4	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
13	369	16	» крученный желтый	»	—	—	—	2	5	4	5	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
14	369	19	» гладкий коричневый	»	—	—	—	—	3	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
15	369	20	» крученный зеленый	»	—	—	—	—	—	5	5	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
16	369	21	» гладкий »	»	—	—	—	2	5	5	7	—	—	7	6	—	5	5	3	—	5	7	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—

* К-51, № 414. Шифр коллекции, хранящейся в Костромском историко-художественном музее. Из раскопок 1951 г. в г. Костроме под руководством М. В. Фехнер.

¹⁹ М. А. Безбородов. Стеклоделие в древней Руси. Минск, 1956.

С. И. КОЧКУРКИНА

КУРГАННЫЕ ГРУППЫ ЮГО-ВОСТОЧНОГО ПРИЛАДОЖЬЯ

На территории юго-восточного Приладожья, по рекам Сяси, Паше, Ояти и их притокам расположены курганные могильники IX—XIII вв. На севере курганы встречаются по рекам Олонке, Видлице и Тулоксе и далее — на северном берегу Онежского озера¹. Курганы сгруппированы в группы, включающие хронологически различные друг от друга насыпи. Несмотря на большое число зафиксированных курганов в районе Приладожья (1125)², погребальные обряды изучались лишь на 345 памятниках (668 погребений)³. Насыпи содержали погребения, совершенные по двум обрядам: трупосожжению и труположению.

В первой группе (66 курганов, из них 25 пострадали от грабительских ям и хозяйственных построек) были трупосожжения. Основная часть курганов этой группы расположена по р. Паше и ее притокам. Высота насыпей 1—2,5 м при диаметре 9—20 м. Форма их пологая и расплывчатая, что объясняется, вероятно, сыпучестью грунта. Для всей группы, кроме 13 курганов, характерны очаги в виде скопления угля на усыпанной гравием глиняной подмазке, расположенные чаще всего в центре подошвы кургана, иногда выше. На очаге находился кухонный инвентарь: горшки, сковороды, лопатки, котлы и пр.

Вторая группа представлена 29 курганами с трупосожжениями и труположениями. В них обнаружено 80 погребений, из них 41 совершено по обряду кремации и 39 — ингумации. Для этих курганов свойственны некоторые черты, характерные для первой группы: форма, очаги, разноярусность погребений. Наличие таких курганов следует объяснить, вероятно, сосуществованием в определенный промежуток времени обоих обрядов. Может быть, сожжение трупов применялось зимой, когда насыпание кургана встречало известные трудности, с тем чтобы весной захоронить кальцинированные кости. Курганная насыпь использовалась для захоронений неоднократно.

В третью группу входят курганы, в которых погребения совершены по обряду ингумации. Эта группа наиболее многочисленная. Она состоит из 250 насыпей, из них 63 разрушены. Большинство насыпей имеет высоту 0,9—1,18 м. Среди них имеется группа довольно высоких курганов от 1,5

¹ Границы распространения курганов см.: В. И. Равдоникас. Проблемы изучения культур эпохи металла в Карелии. «Ежегодник КГМ за 1928 г.», 1930, стр. 64.

² В. И. Равдоникас насчитал 1113 курганов, 5 известно из раскопок Г. П. Гроздилова; автором в 1965 г. открыта группа курганов по дороге из дер. Вяльгину на Кривой Наволок (Тихвинский район, р. Паша).

³ В это число входят 120 курганов, раскопанные Н. Е. Бранденбургом, 150 — В. И. Равдоникасом, 68 — А. М. Линевским, т. е. те курганы, о которых сохранились дневниковые данные.

до 2,13 м. Из 250 курганов в 77 оказались очаги. Наиболее распространенная ориентировка погребений — головой на юг (138) и на запад (125). Головой на север захоронено 29 погребенных, на восток — 15. В курганах третьей группы наблюдаются варианты в похоронном ритуале. Умерших хоронили или на линии горизонта, или в могильных ямах. В могилах неоднократно отмечены следы дерева от гробовищ, колод и срубов. Встречаются курганы, обложенные валунами.

Выявленное разнообразие погребальных обрядов должно свидетельствовать не только о хронологическом диапазоне приладожских курганов, но, вероятно, и их различной этнической принадлежности. Конкретное сопоставление погребальных обрядов и сопровождающих вещей подтверждает это мнение.

Яркими особенностями погребального обряда, которые следует считать местными (финскими), являются многоярусность погребений, очаги в курганах, меридиональная ориентировка и др. Что касается очагов, то следует оговориться, что они отмечены в курганах, относимых к скандинавским (Усть-Рыбижна, XIX).

Среди одиночных курганов с трупосожжением, наиболее ранним является курган XIX у дер. Усть-Рыбижна, в котором погребен мужчина с ладьей⁴. В этом кургане в средней части насыпи найдено до 100 железных коротких заклепок, скобок и хвостобразных спиральных колец. Заклепки расположены в направлении с севера на юг и занимают пространство, соответствующее размерам ладьи (длина 9,94 м, ширина — 4,26 м).

В Швеции, в долине Мелара, с VII в. известны погребения племенных вождей в ладье с богатым инвентарем. Этот обряд погребения с сожжением в ладье был широко распространен в Средней Швеции в «эпоху викингов» и сохранился до XI в.⁵ Такого рода погребения зафиксированы в Финляндии⁶.

Примеры погребений с ладьей на территории Советского Союза отмечены в трех курганах Гнездовского могильника⁷.

Погребение с ладьей и характер сопровождающих вещей позволяют думать, что в кургане у дер. Усть-Рыбижна погребен скандинав.

При определении норманнской принадлежности погребенных важны железные гривны, связанные со скандинавским языческим культом бога Тора и имевшие для норманнов важное религиозное значение⁸. В приладожских курганах обнаружено семь железных гривен, из них пять найдены в женских погребениях, принадлежавших местному населению, две гривны сопровождали мужские погребения, которые, видимо, можно отнести к скандинавским⁹.

⁴ Курган датируется IX в. на основе сопровождающих вещей: меч типа Е по классификации Я. Петерсена (относится к первой половине IX в.), лепной горшок с несколько отогнутым наружу венчиком и ямочными вдавлениями. Аналогичный сосуд найден в горизонте с¹ Старой Ладоги, датирующемся VII—IX вв. (Я. В. Стайкевич. Классификация керамики древнего культурного слоя Старой Ладоги. СА, XV, 1951). Остальной инвентарь говорит о ранней дате комплекса.

⁵ Н. А. G. b. m. a. n. Svear i österviking. Stockholm, 1955, s. 84—85.

⁶ Е. Шелкин. Скандинавский обряд погребения с кораблем. ЖМНП, ч. ССХСV, сентябрь, 1894, стр. 59.

⁷ В. И. Сиэов. Курганы Смоленской губернии, вып. 1. Гнездовский могильник близ Смоленска. СПб., 1902, стр. 77; Д. А. Авдусин. Гнездовская экспедиция. КСИИМК, вып. 44, 1952, стр. 162; он же. Гнездовские курганы. Смоленск, 1952, стр. 30—34 и т. д.

⁸ И. П. Шаскольский. Норманская теория в современной буржуазной науке. М., 1965, стр. 120.

⁹ М. В. Фехнер полагает, что за исключением некоторых мужских захоронений, которые по деталям погребального обряда могут считаться скандинавскими, железные гривны обнаружены в курганах местного населения (М. В. Фехнер. О происхождении и датировке железных гривен. «Археологический сборник, Труды ГИМ», вып. 40, 1966, стр. 104).

О вероятной норманской принадлежности курганов говорит наличие в погребениях характерного набора женских украшений (двух скорлупообразных и третьей круглой, трилистной или подковообразной фибул и др.), типичного для одежды женщины материковой Швеции. Ни датские, ни готландские женщины таких украшений не носили в IX—XI вв.¹⁰ Такой специфически норманский набор украшений встречен в 11 погребениях: трех труположениях с ориентировкой покойного головой на юг и восток (ориентировка третьего костяка неизвестна) и восьми трупосождениях. Из этой группы следует выделить два оятских кургана (Яровщина, 4 и Валданица, 1) с типичным финским набором вещей и погребальным обрядом. Остальные девять погребений, датируемые X—началом XI в., можно отнести к скандинавским.

Считается достоверным мнение о том, что наличие в некоторых курганах сломанных и воткнутых в землю мечей является характерной чертой скандинавского похоронного обряда. В курганах на р. Паше (Вихмес, 80 и Костино, 101) при погребениях находилось воткнутое в грунт копье. Такое положение копья в приладожских курганах — явление необычное. По аналогии с расположением меча в могиле можно и эти погребения считать скандинавскими.

Следует подчеркнуть, что скандинавские погребения по своему обряду и внешним свойствам не выделяются среди синхронных курганов, оставленных местным финским населением. Трудность в выделении норманских могил заключается в том, что они не имеют ярких особенностей (за исключением, по-видимому, погребения в ладье). В Западной Европе известно сравнительно немного могил «времени викингов», несмотря на обширные скандинавские поселения и продолжительные кампании борьбы с викингскими грабителями¹¹. Скандинавы, поселившиеся в чужих землях, приспособлялись к нравам их жителей¹².

Возможно, в будущем при детальном сравнительном изучении того и другого погребальных обрядов выявятся какие-то особенности, которые позволят четко определить скандинавские захоронения в массе славянских и финских могильников.

О пребывании скандинавов на данной территории говорят антропологические данные. М. В. Витов отметил антропологическую близость ильменцев к жителям Северной Европы, в частности Скандинавии. Это находит объяснение в весьма вероятной варяжско-скандинавской примеси у русских Северо-Запада¹³.

Исторические данные свидетельствуют о том, что скандинавам была знакома эта территория. Считается установленным проживание какого-то количества норманнов в Ладоге, составлявших часть постоянного населения города. Это достоверно известно из скандинавских письменных источников¹⁴. Следы скандинавов археологически прослеживаются на правом

¹⁰ H. Arbmán. *Skandinavisk Handverk i Russland zur Wikingerzeit*. «Meddelanden från Lunds universitets Historiska Museum» (1959). Lund, 1960, S. 119, 134.

¹¹ П. Соьер находит объяснение столь примечательному факту в том, что люди быстро забывали свои обычаи не потому, что надолго уходили в походы из дому, а потому, что быстро усваивали христианские обычаи (P. H. Sawyer. *The Age of the Vikings*. London, 1962, стр. 63—64).

¹² А. М. Стрингольм. *Походы викингов, государственное устройство, нравы и обычаи древних скандинавов*, ч. II, 1859, стр. 288—289.

¹³ М. В. [Витов]. *Антропологические данные как источник по колонизации русского Севера*. «История СССР», 1964, № 6, стр. 97. Автор ссылается на Лундборга и Линдерса, по данным которых физические особенности населения Новолдожского и Волховского районов близки среднему типу шведов (H. Lundbörg and F. Linders. *The Racial Characters of the Swedish Nation*. Upsala, 1926).

¹⁴ Е. А. Рязанская. *Старая Ладога в древнесеверной литературе*. КСИИМК, вып. XI, 1945, стр. 58—62.

берегу р. Волхова в урочище Плакун, где раскопано несколько небольших курганов с типично скандинавскими погребениями X в.¹⁵

Вторая группа курганов, расположенная на р. Ояти, характеризуется своеобразным обрядом погребения¹⁶. Кальцинированные человеческие кости вместе с золою и вещами, принадлежавшими погребенному, заворачивались в бересту, после чего сверток укладывался на заготовленную площадку для кургана. Если же погребение совершалось по обряду ингумации, в таком случае труп заворачивали в бересту, а сверху обсыпали кальцинированными костями. Для всех курганов характерны очаги с предметами кухонного инвентаря. Для курганов с таким обрядом погребения присущи вещи, происхождение которых несомненно местное. Это бронзовые прорезные подвески-уточки, подвески-собачки, представляющие силуэт четвероногого с четырьмя развернутыми в беге ногами и коротким хвостом, миниатюрные бронзовые ключи-амулеты, бронзовые бусы. Вещи были в употреблении в X—XI вв. и раньше всего появились в оятских могильниках, а затем распространились на остальные районы Приладожья. Наиболее ярко данный погребальный ритуал в сочетании с перечисленными предметами отмечен в 33 курганах (десяти курганных группах: Яровщина, Карлуха, Мергино, Гайгово, Валданица, Шангеничи, Юбинычи, расположенные на Ояти; Гиттола — на Олонке; Подъелье и Вахрушево — на Паше). Комплекс вещей свидетельствует о самобытной и оригинальной культуре и подтверждает пребывание финского населения с самого начала «курганной эпохи». Какое это население?

Для доказательства существования веси в юго-восточном Приладожье основательные попытки были предприняты В. В. Пименовым¹⁷. Исследователем привлечены исторические, археологические, этнографические, языковые и фольклорные данные, сведены воедино доказательства прежних исследователей. Все это делает выводы автора убедительными. В. В. Пименов всем курганам приписывал весское происхождение. На наш взгляд, бесспорно весскими являются оятские курганы. Именно в оятских курганах прослеживается больше всего аналогий в погребальном обряде и материальной культуре с нижним горизонтом древнего Белоозера и некоторыми курганами бассейна р. Шексны (X—XII вв.). Более того, предполагается проникновение групп оятского населения в соседнюю Вологодскую область¹⁸.

Третья группа памятников включает курганы, расположенные на Олонке по перешейке по рекам Видлице, Олонке и Тулоксе, и некоторые оятские насыпи (рис. 5). В данной группе курганов имеются погребальные сооружения, сложенные из четырех бревен венцом. Курганы представляют собой невысокие (до 1 м) насыпи распычатой формы. Иногда встречаются соединенные вместе две-три насыпи. В одном кургане чаще всего встречалось по три гробовища, расположенных на линии горизонта. Их длина 2—2,3 м, ширина 80—90 см, толщина бревен 15—25 см. Ориентированы погребения головой на юг, юго-восток. В некоторых гробовищах северные и южные бревна по длине больше, чем западные и восточные. Следов кострища в таких курганах не обнаружено.

Горшки в гробовищах располагались в ногах погребенного. В трех случаях в одном и том же гробовище были парные захоронения мужчины и женщины. В одном из курганов у дер. Видлицы в срубе находились каль-

¹⁵ В. И. Равдоникас. *Старая Ладога*. КСИИМК, вып. XI, 1945, стр. 40—41.

¹⁶ Об этом подробнее см.: С. И. Кочуркина. *Оятские могильники X—XI вв.* СА, 1968, № 2. Там же см. карту распространения весских курганов.

¹⁷ В. В. Пименов. *Веси*. М.—Л., 1965; он же. *Этническая принадлежность курганов юго-восточного Приладожья*. СА, 1964, № 1, стр. 88—98.

¹⁸ А. А. Голубева. *Археологические памятники веси*. СА, 1962, № 3, стр. 68, рис. 10.

цинированные человеческие кости, в другом срубе были погребены несожженный скелет женщины и кремнированный труп мужчины (р. Тулокса).

В четырех курганах на р. Ояти (рис. 5) при наличии срубов еще сохраняются кострища. Кроме того, на дне сруба прослеживается зольно-углистый слой, покрытый берестой, причем в изголовье береста свертывалась в несколько слоев (подушка?).

Тулокские курганы близки к курганам приладожского типа, но содержат срубы описанной конструкции. Все это позволяет объединить их в одну группу.

Своеобразные черты видлицких курганов позволили В. И. Равдоникасу выделить их в особый, так называемый видлицкий тип¹⁹, который представляет промежуточное звено от курганов приладожского типа к кексгольмским грунтовыми могильникам. По его мнению, названные памятники могут быть сближены с памятниками финнов, расположенных севернее и западнее, т. е. с летописной Корелой²⁰. Исследователь делает вывод, что карелы до конца XI в. жили в восточном Приладожье, а затем в конце XI—XII в. заселили западное Приладожье²¹.

На наш взгляд, эта теория имеет все основания для существования. В инвентаре погребений указанных территорий присутствуют сходные вещи: литые массивные браслеты, подвески в виде крестов, настовые глазчатые бусы и пр.

В литературе имеется указание, что в 1904 г. при производстве земляных работ на железнодорожной линии Петербург—Вологда близ дер. Мишкино Шлиссельбургского уезда обнаружены предметы XIII—XIV вв., аналогичные вещам кексгольмских могильников²².

В курганах Олонецкого перешейка найдены вещи с так называемой романской орнаментацией, железные тесла и мотыги, сближающие их с могильниками западного побережья Ладожского озера. И, наконец, в районе Олонецкого перешейка известны грунтовыми могильники — форма погребения, наиболее характерная для р. Вуоксы. Один из них найден на правом берегу р. Тулоксы против курганной группы у дер. Рабола, другой — у дер. Симон-Наволоок²³.

В курганах Олонецкого перешейка и кексгольмских могильниках употреблялись срубы, в которых погребались умершие. На дне срубов тех и других памятников прослеживались зольно-углистые прослойки, остатки шкур животных и слои бересты²⁴. Срубные погребения Олонецкого перешейка имеют сходство с позднейшими христианскими кладбищами в Карелии. Семейные могилы карел в форме опущенных в землю срубов держались вплоть до XIX в.²⁵ На современном кладбище карел в с. Мегреге В. И. Равдоникас наблюдал такого рода срубы²⁶.

Не всегда удается проследить полные аналогии, что может быть вызвано хронологическим отличием (курганы Олонецкого перешейка датируются XI—XII вв., кексгольмские могильники — XII—XIV вв.), территориальной удаленностью и т. д. Но и приведенных здесь данных достаточно для того, чтобы наметить определенные связи приладожских

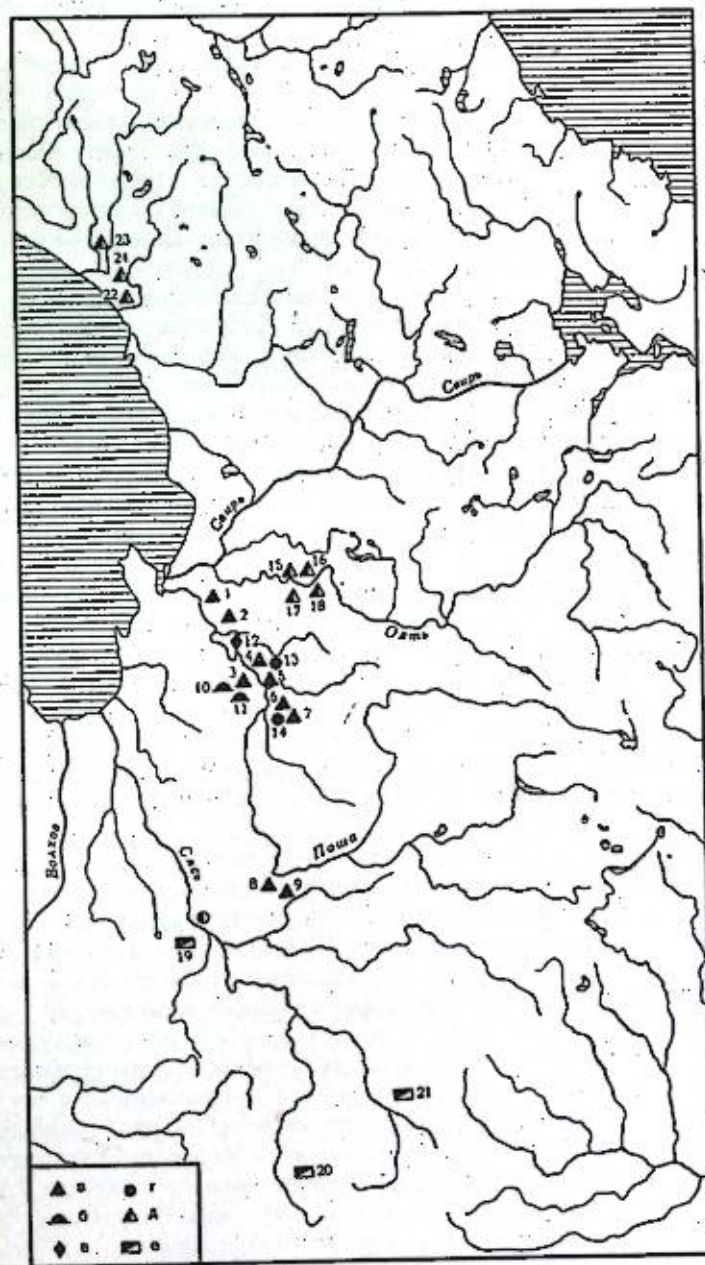

Рис. 5. Карта курганных групп юго-восточного Приладожья

Условные обозначения: 1 — курганы с норманским набором украшений; 2 — погребения с железными гривнами; 3 — захоронение в ладье; 4 — погребение с потнутым и групп конем; 5 — курганы видлицкого типа; 6 — курганы славянские

1 — Кумбита, 8; 2 — Исаева 10 (2); 3 — Сязнега 60 (3); 4 — Вихмес, 69 (5); 5 — Кирлино, 89; 6 — Костино, 102; 7 — Подолье, 103; 8 — Заозера, 6; 9 — Залюци, 1; 10 — Сязнега, 48; 11 — Сязнега, 49; 12 — Усть-Рыбница, 19; 13 — Вихмес, 80; 14 — Костино, 101; 15 — Акулова гора, 11 (28); 16 — Акулова гора, 9 (25); 17 — Акулова гора, 11 (26); 18 — Акулова гора, 17 (23); 19 — дер. Красная Зара (21 курган); 20 — с. Дрегли (восемь курганов); 21 — дер. Мозолово (10 курганов); 22 — дер. Рабола (три кургана); 23 — сел. Видлицы (семь курганов); 24 — дер. Большие горы (четыре кургана)

Примечание. Сначала обозначен номер кургана, затем номер комплекса.

¹⁹ В. И. Равдоникас. Памятники эпохи возникновения феодализма в Карелии и юго-восточном Приладожье. «Известия ГАИМК», вып. 94, 1934, стр. 5.

²⁰ В. И. Равдоникас. Проблемы изучения культуры эпохи металла..., стр. 67.

²¹ В. И. Равдоникас. Археологические памятники западной части Карело-Финской ССР. КСИИМК, вып. VII, 1940, стр. 11.

²² ОАК за 1904 г. СПб., 1907, стр. 109.

²³ В. И. Равдоникас. Памятники эпохи возникновения феодализма..., стр. 6.

²⁴ T. Schwandt. Tietoja karjalan hautauksesta ja sitä seuraavilta ajoilta kakisalaper kaiskunnan alalta saatuja saatuja loytojen mukaan esittanyt. «Suomen muinaismuistoyhdistyksen Aikakuskirja», XIII, Helsingissa, 1893, стр. 203—204.

²⁵ В. И. Равдоникас. Памятники эпохи возникновения феодализма..., стр. 5.

²⁶ Там же, стр. 20, рис. 25.

курганов, особенно тех, которые расположены на Олонецком перешейке, с кексгольмскими.

Этнические процессы, происходившие на территории Приладожья, нашли отражение в том, что этнический состав этой области и в настоящее время отличается большой пестротой. Территория между восточным берегом Ладожского озера и низовьем р. Свири заселена карельским населением, говорящим на ливвиковском диалекте карельского языка. Восточнее ливвиков узкой полосой расположились карелы-людики; еще восточнее, по юго-западному берегу Онежского озера живут северные вепсы. К югу от Свири, в верховьях Ояти и Паши, по течению р. Капши, а также в районе Шимозера и западнее Белого озера обитают вепсы и т. д.²⁷

Исследователями-этнографами большое внимание уделено вопросам карельско-вепских культурных связей, в результате чего установлено, что в области хозяйственной деятельности, в гнездовом типе расселения, в жилищном строительстве, в традиционной карельской и вепской одежде, в народном искусстве прослеживается много общего²⁸. Сходства в хозяйстве и материальной культуре могут быть объяснены сходными географическими условиями, заимствованиями от великоруссов. И тем не менее, несмотря на такое культурное родство, различия настолько существенны, что приходится говорить о вепской и карельской культурах как самостоятельных²⁹.

На наш взгляд, различия между карелами Олонецкого перешейка и вепсами юго-восточного Приладожья восходят еще к XI в., когда на реках Видлице, Тулоксе и Олонке появляются памятники, отличные от курганов Приладожья. Эти различия не были стерты ни сходной географической обстановкой, ни одинаковыми социально-экономическими условиями, сложившимися в результате вхождения их в состав Русского государства. В свете изложенных фактов представляется возможным связать видлицкий тип курганов с предками карел и ныне живущих на Олонецком перешейке.

Славянское влияние интенсивно начинает ощущаться в XI в., что нашло отражение в погребальных обрядах и сопровождающих вещах.

По-видимому, к славянским следует отнести группу из 29 курганов (раскопан 21) на р. Сяси против дер. Красная Заря (Бесовы Харчевни, рис. 5). Насыпи круглые, овальные, высотой от 40 см до 2 м при диаметре от 5 до 13 м. Часть насыпей была обложена камнями. В 11 курганах было по одной могильной яме; в четырех — по две, в двух — по три. В могилах неоднократно отмечены следы дерева в виде гробовниц, колод и срубов. В шести случаях отмечены горшки, поставленные в ногах погребенных. Ориентированы погребенные головой на запад (в одном кургане на северо-запад). Могильный инвентарь этих курганов датируется XI—XIII вв. Эту курганную группу, вероятно, следует считать в основном славянской, учитывая западную ориентировку погребенных, обкладку насыпей камнями, отсутствие типичных финских предметов.

Поздние курганы с могильными ямами расположены у с. Дрегли и дер. Мозолево (рис. 5). Первая группа насчитывает до 100 насыпей высотой от 30 см до 2,5 м при диаметре от 4 до 12 м. Курганы содержали одиночные захоронения в могильных ямах. Некоторые женские погребения имели сопровождающие вещи XI—XII вв., в основном XII в. Некоторые погребения вообще не содержали вещей.

²⁷ Д. В. Бубрих. Происхождение карельского народа. Петрозаводск, 1947, см. карту 1, на стр. 8.

²⁸ В. В. Пименов. К вопросу о карельско-вепских культурных связях. СЭ, 1960, № 5, стр. 33.

²⁹ Там же, стр. 40—41.

В мозолевской группе скелеты располагались либо на земле в могильной яме, либо помещались в бревенчатые срубы — особенность курганов этой группы. Сопровождающий инвентарь довольно типичен для мозолевской группы XII—XIII вв. Без сомнения, обе курганные группы оставлены славянским населением³⁰.

Из всего следует, что на основе археологических данных выделены несколько групп памятников, принадлежавших этнически неоднородному населению. Этот факт подтверждается данными других дисциплин: антропологические сведения, несмотря на общий характер свидетельств, указали на скандинавов, финское и славянское население³¹, обитавшее на этой территории; лингвистика выявила сохранившуюся и по настоящее время сложную этническую картину; этнография карелов и вепсов, современных обитателей изучаемой территории, при наличии разнообразных и многогранных связей между двумя народами выявила их самостоятельность. Для окончательного решения этнической принадлежности курганов необходимы дополнительные археологические работы как в самой Карелии, так и на территории, расположенной восточнее Приладожья. Имеющихся данных достаточно, чтобы представить в общих чертах этническую историю. До прихода скандинавов на изучаемой территории жили предки современных карелов и вепсов. Пришельцы были немногочисленны и через некоторое время ассимилировались местным населением. С середины XI в. Приладожье подверглось активному славянскому влиянию, выразившемуся в проникновении значительных групп населения.

³⁰ W. I. Raudonikas. Die Normannen der Wikingerzeit und des Ladogagebiet. Stockholm, 1930 (см. карту в конце книги. Вопрос о воздействии славянского мира на приладожскую курганную культуру требует специального рассмотрения).

³¹ В. В. Седов. Антропологические типы населения северо-западных земель Великого Новгорода. КСИА, вып. XV, 1952, стр. 78.

Р. М. ДЖАНПОЛАДЯН

НОВЫЕ ДАННЫЕ О СТЕКЛОДЕЛИИ ДВИНА

Многолетние раскопки Двина, открывающие культуру средневековья армянского города, дают большое количество образцов стеклянных изделий как местного изготовления, так и привозных¹.

Наибольшее число находок разнообразной стеклянной посуды до последнего времени было в древних ямах на территории цитадели города. Хронологически они не выходят за пределы X—XIII вв. Эти находки дали основание предполагать, что местное стеклоделие в Двине ограничивалось указанным временем².

Однако новый материал более раннего времени, добытый раскопками последних лет в районе центрального квартала города³, где до X в. находились кафедральный собор и дворец католикоса, заставляет несколько изменить прежнее мнение.

В выгребных ямах, расположенных недалеко от кафедрального собора и дворца католикоса, была найдена в большом количестве разнообразная стеклянная посуда: флаконы, графины, чаши, стаканы, кубки. Весь материал можно разделить на три группы: 1) бытовая посуда; 2) посуда культового обихода; 3) осветительные приборы (лампадки, светильники, подсвечники). Материал этого участка датируется рейской керамикой и аббасидскими монетами IX в.

Первая группа содержит бытовую посуду духовной и городской знати, она состоит из различного рода графинов, флаконов, стаканов, кубков. Среди них имеются первоклассные образцы резной и шлифованной техники, сосуды с орнаментом, нанесенным путем оттиска двухсторонних тисков («вафельниц») и много других сосудов, изготовленных в двинских мастерских или привезенных из Ирана и Сирии. Сосуды этой группы широко употреблялись и поэтому встречаются по всему городищу и имеют много аналогий. Но наше внимание особенно привлекает материал второй и третьей групп.

Ко второй группе, т. е. к посуде культового обихода, мы относим кубки-стаканы тюльпанообразной формы и с округлым дном (рис. 6). Высота их 8—9,5 см, диаметр венчика, как правило, соответствует высоте сосуда. Стенки этих кубков совершенно гладкие или украшены различными узорами. Подобные кубки-стаканы в Двине были найдены впервые в 1964 г. В 1965 г. недалеко от стены кафедрального собора, в неглубокой яме, были обнаружены 14 аккуратно сложенных таких же тюльпано-

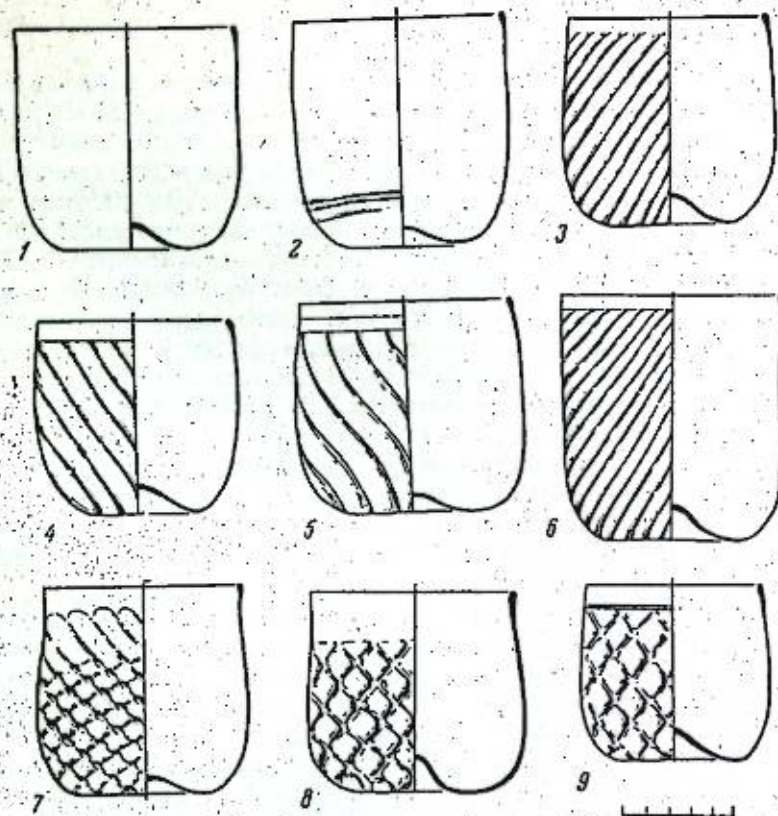

Рис. 6. Стеклянные кубки из раскопок Двина

образных кубков-стаканов. Условия находки этой группы сосудов позволяют думать, что они были бережно спрятаны. По аналогии с кубками, найденными в 1964 г., их можно также датировать IX в.

На этом участке в настоящий момент найдено уже более 20 таких кубков-стаканов. Из них 7 экз. изготовлено из прозрачного тонкого бесцветного стекла с гладкими стенками. У 7 экз. стенки украшены косым неравномерным рифлением. Два стакана из темно-желтого стекла отличаются особенно искусным узорчатым рифлением стенок. Есть стаканы, украшенные накладными нитями. Среди этого набора выделяется кубок из густого интенсивно-желтого стекла с узором, состоящим из квадратных ячеек (раскопки 1965 г.). Этот же узор повторяется и на другом бесцветном стакане, найденном в 1964 г. Тюльпанообразные кубки-стаканы можно считать продукцией местного, двинского, стеклоделия по характерной для Двина фактуре стекла. Отнесение их к числу церковной утвари вызвано тем, что указанный тип сосудов найден только в районе церкви и не встречается на других участках.

Весьма показательны также условия находки посуды второй группы — 14 сосудов, сложенных в неглубокой яме-тайнике.

Известно, что армянские средневековые исторические источники при упоминании и перечислении различной посуды четко разграничивают посуду культовую и посуду светскую. Стаканы церковного обихода называются «ски»⁴. К сожалению, источники не дают ни изображений, ни описаний этих сосудов, но, очевидно, они были удобны по размерам и по форме для питья вина и поэтому могли употребляться и не по пря-

¹ К. Кафадарян. Город Двин и его раскопки. Ереван, 1952, стр. 237 (на арм. яз.); Б. Аракелян. Города и ремесла Армении в IX—XIII вв. Ереван, 1958, стр. 256—264 (на арм. яз.).

² Б. Шелковников. Керамика и стекло из раскопок Двина. «Труды Гос. Исторического музея Армении», т. IV, 1952, стр. 11—21.

³ Раскопки велись экспедицией Института археологии и этнографии АН Арм.ССР, руководитель раскопок К. Г. Кафадарян, начальник участка А. Калантарян.

⁴ А. Ацуни. Обеды и пиришество в Древней Армении. Венеция, 1912, стр. 70—71 (на арм. яз.).

тому назначению. Не случайно церковные каноны строго запрещали пользование церковной утварью во время пиршества.

На участке у кафедрального собора в 1964 г. были найдены в большом количестве стеклянные неглубокие чаши полусферической формы из прозрачного бесцветного стекла (высота от 3 до 5 см, диаметр верха от 6 до 13 см; рис. 7, 1—11). По обработке края они делятся на несколько групп: с утолщенным краем, с краем, слегка отогнутым наружу, и чаще всего с загнутым наружу или внутрь краем. Как правило, дно чаши не имеет поддона (имеется только несколько экземпляров с тонким кольцевым поддоном), дно округлое, с небольшой впадиной в центре. Стенки обычно гладкие, но у нескольких экземпляров рифленые; некоторые чаши имеют две или три небольшие ручки у верхнего борта.

Каково назначение этих небольших и хрупких чаш? Известно, что еще в римское время было принято ставить стеклянные светильники и лампы в металлические каркасы или гнезда. На мозаиках III—IV вв., а позднее на миниатюрах встречаются изображения ламп уже двух типов. Один тип — это лампы, подвешенные на маленьких ручках; этот тип получил особенное распространение у арабов и является прототипом знаменитых украшенных эмалью и золотом ламп, которое придавали мусульманским мечетям особую парадность⁵.

Другой тип представлен лампадками, которые вставляли в подставку-обкладку и затем подвешивали к канделябрам или же к очень распространенным в христианских церквях металлическим люстрам-коронам. По всей вероятности, двинские небольшие чаши и были теми лампадами и светильниками, которые вставлялись в металлические подставки. В христианских храмах освещению и различным световым эффектам придавалось особое значение. Освещенный купол и особенно центральная люстра символизировали небесный свод. Известно, что византийские храмы украшались многочисленными люстрами-хоросами. Этот обычай существовал и в армянской церкви. Армянские средневековые историки при описании церковного интерьера или различных обрядов, связанных с церковной службой, неоднократно отмечали то впечатление, которое производило внутреннее освещение храмов⁶. Армянская царица Катрамиде для украшения кафедрального собора своей столицы Ани (в начале XI в.) не пожалела средств и выписала из Индии дорогую люстру, которая наряду с серебряным крестом считалась украшением собора⁷.

При раскопках в Ани храма Гагика (начало XI в.) была найдена бронзовая люстра сложной конструкции; к круглому венцу прикреплялись в два ряда держалки для 117 шкаликов и лампадок. Лампадки и шкалики были изготовлены из стекла разных цветов и имели различные размеры. Благодаря этому они давали освещение разной интенсивности⁸.

Остатки люстры были найдены также во дворце католикоса в Двине. Она состояла из металлического каркаса с 20 круглыми подставками для стеклянных лампадок и подвешивалась к штанге, выступавшей из боковой стенки⁹.

Дворец католикоса и кафедральный собор в Двине, несомненно, освещались подобными люстрами, которым, очевидно, и принадлежали описанные стеклянные чаши и лампадки. Стекло у этих чаш тонкое, прозрачное, сине-зеленоватого оттенка. Оно очень напоминает стекло стаканов описанной нами второй группы двинских стеклянных изделий.

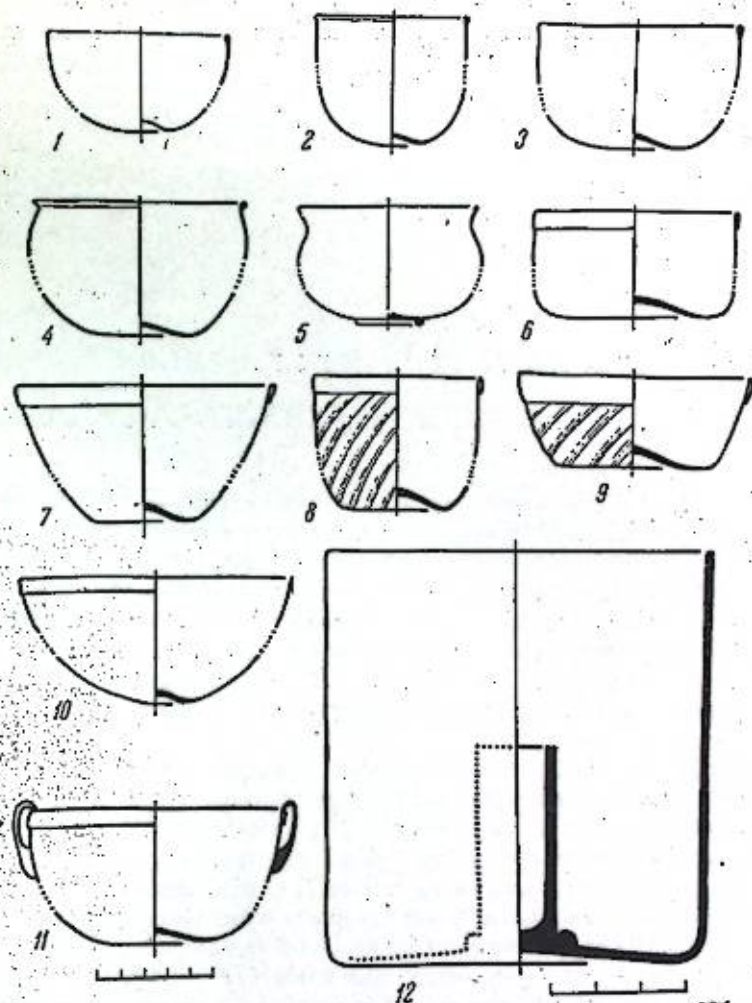

Рис. 7. Стеклянные лампы и светильники из раскопок Двина

Очень возможно, что и эти стеклянные предметы изготовлялись в Двине в тех же мастерских, где изготовлялись и кубки-стаканы.

На участке около кафедрального собора найден еще один тип осветительной посуды, представленный чашей с вертикальными стенками, в центре которой помещена трубка для свечи, нижней частью прикрепленная к дну (рис. 7, 12). Стекло чаши толстое, плохого качества; как правило, оно покрыто патиной. Считается, что высокие борта чаши не только защищали пламя от ветра, но и служили защитой от пожара, так как нижнюю часть чаши можно было наполнить водой. В средние века такие светильники-подсвечники были очень распространены. Они найдены в Самарре, в Иране, как из стекла, так и из глины¹⁰.

В отличие от предыдущих предметов лампадки для свечей встречаются в Двине в центральном квартале и на цитадели, что указывает на их широкое распространение с IX до XIII в.

Таким образом, раскопки последних лет позволили расширить представление об ассортименте стеклянных предметов в Двине и выделить еще две группы сосудов, относящихся к церковному обиходу. Кроме того, теперь можно более определенно говорить о существовании в Двине уже в IX в. местного стеклоделания с разнообразной техникой обработки.

¹⁰ С. I. L a m m. Указ. соч., № 148, 149.

⁵ С. I. L a m m. Das Glas von Samarra. Berlin, 1928, стр. 31—35.

⁶ Степанос Гаронский. Всеобщая история. СПб., 1885, стр. 185 (на арм. яз.); Аристархос Ластивертцы. Повествование. Ереван, 1963, стр. 55 (на арм. яз.).

⁷ Т. Горамани. Материалы по истории армянской архитектуры. Ереван, 1942, стр. 273—274 (на арм. яз.).

⁸ Н. Я. Марр. Ани. М.—Л., 1934, стр. 64—65.

⁹ К. Г. Кафарян. Указ. соч., стр. 46 (на арм. яз.).

Н. В. МИНКЕВИЧ-МУСТАФАЕВА

МАСТЕРСКИЕ РЕМЕСЛЕННОГО КВАРТАЛА БАЙЛАКАНА

Байлакан (городище Оренкала в Мильской степи) — первый из средневековых городов Азербайджана, где археологическими раскопками был открыт и частично исследован ремесленный квартал, расположенный на юго-западной окраине города, за пределами его крепостной стены и рва.

Здесь были выявлены остатки гончарных мастерских в виде разновременных обжигательных печей, относящихся к концу VIII—началу XIII в., и кузнечных мастерских XII—XIII вв.¹ В ремесленный квартал для производственных нужд были подведены каналы, сооруженные в IX в. и в XII—XIII вв.²

Неподалеку от обжигательных печей гончаров выявлены остатки построек, состоявших из взаимосвязанных бассейнов, чанов и четырехугольных помещений (рис. 8). Различаются два комплекса разновременных построек. Юго-восточная часть их более ранняя, а остальная возникла позднее, но разница во времени их существования, видимо, невелика. Возможно, что некоторые части более раннего комплекса использовались и позже, когда были сооружены постройки более позднего комплекса.

Ранний комплекс построек включал чаны (III—IX), четырехугольное помещение с наклонным полом со ступенькой (V), большой глубокий бассейн (II) и два колодецеобразных углубления (I и IV — см. план). Пространство между чанами VI—IX и помещением V имело вымощенный кирпичом и дважды оштукатуренный пол, который был сильно разрушен.

Колодецеобразные углубления I и IV, чаны VI—IX, бассейн II были впущены в землю, а помещение V и пол между чанами расположены выше последних на 40—80 см. Стены всех построек сложены из обожженного кирпича (20×20×4; 21×21×4 см). Оба колодецеобразных углубления, из которых I расположено выше соседнего IV, соединены двойкой: протоком в стене и керамической трубой, заложеной в той же стене ниже протока. Из углубления I вода могла переливаться также в бассейн II, в северо-западной стене которого сохранились остатки водовода из керамических труб, по которому вода шла в направлении с северо-запада на юго-восток. В чан VI вода могла поступать по трубе, уложенной в стене на высоте 90 см от пола, из чана VII, где она была закрыта куском кирпича, и по узкому протоку, устроенному на уровне пола в стене, общей для чанов VI и VII. Из чана VI вода могла выливаться по водоводу, видимо, ведущему в чан III. Одно колено трубы было обнаружено в стене между чанами III

¹ Н. В. Минкевич-Мустафаева. О ремесленном квартале Байлакана. СА, 1958, № 4, стр. 96—106.

² Н. В. Минкевич-Мустафаева. Некоторые итоги изучения ремесленного квартала Байлакана. Сб. «Археологические исследования в Азербайджане». Баку, 1965, стр. 159.

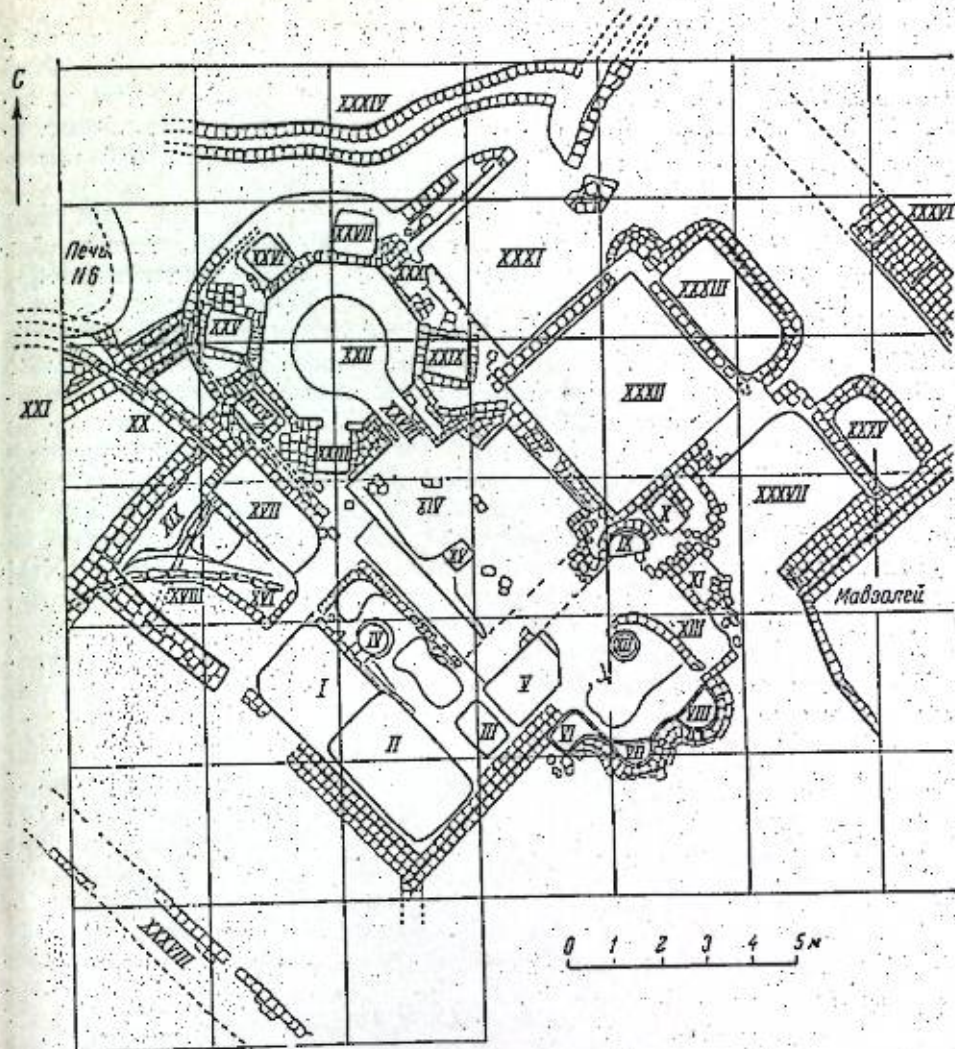

Рис. 8. Оренкала. План сооружений для переработки фруктов

I, IV — колодецеобразные углубления; II, XVII, XXIII, XXXV — бассейны для хранения воды; III, VI—IX, XXIII—XXVII, XXIX—XXX — чаны; X — разрушенная кладка; IX, XIII — кирпичная обкладка могил; V, XIV — помещение для двла; XII — очажок; XXII — восьмиугольный бассейн-дермални; XVI — площадка чана (?); XVIII—XX водоводы; XXI, XXXIV — отводы каналов

и VI. Как поступала вода в чаны VII—IX, установить не удалось из-за плохой сохранности верхних частей стен этих построек.

Стены и полы чанов III, VI—IX были многократно оштукатурены, иначе говоря, ремонтировались по мере надобности. Цвет штукатурки в чанах VI—IX сероватый с явной примесью золы. В чане III, углублениях I и IV, а также в бассейне II и помещении V цвет штукатурки стен и полов розоватый, похожий на известковый раствор с примесью цемянки.

Пространство между чанами VI и IX имело два разновременных пола, оштукатуренных белым раствором и отделенных друг от друга слоем красноватой осадочной глины толщиной в 10 см. Такие красноватые осадки и в настоящее время наблюдаются в отводах системы канала им. С. Орджоникидзе, по которому вода идет из р. Аракса, размывающей выше по течению, около ст. Джульфы, скалы красного туфа.

Второй комплекс построек состоял из восьмиугольного бассейна (XXII), сохранившегося на высоту 55 см, семи чанов, расположенных

в толще стены (XXIII—XXVII, XXIX—XXX) (рис. 9, а), протока в юго-восточной стене (XXVIII), четырех четырехугольных бассейнов в восточной стороне (XXXII—XXXIII, XXXV), продолговатого четырехугольного бассейна в юго-западной стороне XVII), помещения с наклонным полом со ступенькой (XIV) и круглого глиняного очажка, расположенного на разрушенном полу между чанами VI—IX.

Пол восьмиугольного бассейна в середине понижался на 5 см ниже уровня его краев, благодаря чему образовался сток, ведущий через проток, устроенный в юго-восточной стене бассейна (XXVIII), в соседнее помещение XIV. Четыре чана (XXIII, XXV, XXVII, XXIX) глубиной около 1 м имели полы на одном уровне с полом восьмиугольного бассейна и могли сообщаться с ним через протоки в узких перегородках, которые можно было закладывать кирпичами по мере надобности. В чане XXIII проток был открытым. Три других чана (XXIV, XXVI, XXX), полы которых глубже пола XXII бассейна на 50—80 см, отделены от него глухими кирпичными стенками, но соединены друг с другом при помощи керамических труб. По трубам водовода, уложенного в верхней части кладки стены между чанами XXV и XXIV, вода поступала в чан XXIV, из которого уходила по трубам в северном углу в чан XXV. В южном углу чана XXIV перед отверстием выводной трубы, расположенной на высоте 65 см от пола чана, был устроен небольшой своеобразный «карман» из массы известкового раствора и крупных кусков кирпича, позволявший поднимать уровень воды над полом чана до 88 см высоты, т. е. на 23 см выше отверстия трубы.

В северо-западной стене чана XXVI на уровне пола имеются отверстия вводной и выводной труб, уложенных под полом восьмиугольного бассейна. Вполне возможно, что выводная труба из чана XXVI вела в чан XXX, где выявлено отверстие вводной трубы. Вода из чана XXX уходила по потоку в северо-восточной стене в соседний бассейн XXXI. В кладку стен вокруг чанов XXIII—XXVI был заложен водовод из керамических труб; здесь на расстоянии 2,25 м друг от друга было выявлено два четырехугольных гнезда (12×16×20 см), тщательно оштукатуренные внутри и прикрытые сверху одним кирпичом. В гнездах эти трубы не соединялись; гнезда, надо думать, служили для прочистки труб. Полностью выявить водовод не удалось, так как стенки около чанов сильно разрушены в верхней части. Одно колено трубы, вело в помещение XIV с наклонным полом и ступенькой.

Бассейн XVII к юго-западу от восьмиугольного бассейна, по всей вероятности, служил для хранения воды. Он выявлен на глубину 1,40 м, но, видимо, был еще глубже; длина его 2,50 м, ширина 1,20 м; таким образом он вмещал свыше 4,2 куб. м воды. На высоте 85 см от пола в его северо-западной стене имелось отверстие для вводной трубы водовода, состоящего из 11 колен труб, уложенных в возведенной для этого кирпичной кладке. Вода в водовод (XX) поступала из узкого отвода канала, устроенного выше более раннего канала (XXI). В юго-западной стене бассейна XVII на высоте 90 см от пола было отверстие для выводной трубы другого водовода (XIX), от которого сохранилось несколько колен труб. Этот водовод шел резко под углом и для него в более ранней кирпичной стене, расположенной неподалеку, было грубо пробито отверстие, уровень которого был на 70 см ниже отверстия выводной трубы в бассейне XVII. При помощи этого водовода из бассейна XVII удалялась излишняя вода.

К сожалению, другие стены этого бассейна были сильно разрушены, и где была устроена другая выводная труба, через которую вода шла по водоводу в чаны, установить не удалось. Около бассейна XVII сохранился оштукатуренный пол и незначительных размеров стена четырехугольного небольшого чана или бассейна, сооруженного раньше, так как этот пол был использован для укладки на нем части еще одного водовода (XVIII), шед-

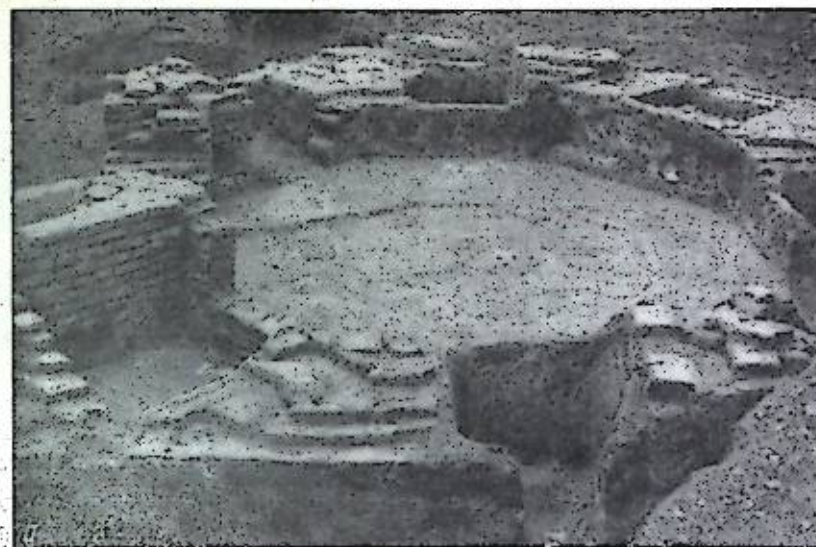

Рис. 9. Оренкала. Ремесленный квартал

а — восьмиугольный бассейн (XII) с чанами. Вид с запада; б — общий вид северо-западной части комплекса мастерских. Справа внизу: I, IV — кольцеобразно углубления; II — бассейн для воды; III, VI — чаны; V и XIV — даильни. На переднем плане — бассейн XVII для воды с водоводом XX; направо — водовод XVIII; влево — чан XXIV с «карманом» и труба водовода в стене. Вид с северо-запада

шего в направлении с востока на запад и не связанного с другими водоводами и бассейнами второго комплекса построек (рис. 9, б).

Стены бассейна XXXI, соединявшегося с чаном XXX, полностью не сохранились, но по выявленным остаткам кладок видно, что он был связан с каналом (XXXIV), расположенным к северу от восьмиугольного бассейна, от которого шел небольшой отвод в сторону бассейна XXXI. В помещении XXXII около стен были открыты остатки оштукатуренного пола, а в середине его — земля красноватого цвета, такая же, как и между чанами VI—IX. Стены соседнего бассейна XXXIII, выявленного неполностью, сохранились частично; северо-западная, толщиной 40 см, сохранилась на высоту до 1 м, а юго-восточная, толщиной 22 см, служила общей стеной для помещения XXXII и XXXIII и сохранилась в высоту до 30 см.

К юго-востоку от помещения XXXII находился еще один четырехугольный бассейн (XXXV), а к северо-востоку от бассейнов XXXIII и XXXV сохранилась часть стены толщиной 1 м (XXXVI). Это была, по-видимому, часть ограды, окружавшей весь комплекс построек мастерской. С противоположной стороны, к юго-западу от бассейна II, сохранились незначительные остатки другой стены (XXXVII) также толщиной в 1 м. К сожалению, следов стен с других сторон не сохранилось, но можно полагать, что мастерская была ограждена со всех сторон и, вероятно, только для отводов каналов были оставлены проемы в стенах.

Первая группа построек была немного больше углублена в землю, чем вторая, и сильнее разрушена. Наличие на разрушенном полу между чанами VI и IX глиняного круглого очажка (XII) с керамической трубой для доступа воздуха позволяет считать, что первый комплекс сооружен раньше, чем второй, связанный с восьмиугольным бассейном.

Оба комплекса построек созданы в XII—XIII вв., что хорошо подтверждается находками характерной для этого времени глазурованной полихромной керамики с гравированным рисунком³ и монетами атабеков эльдегизидов Абу-Бекра (1191—1210) и Узбека (1210—1225)⁴.

Назначение описанных комплексов из-за плохой их сохранности не вполне ясно. Сначала, исходя из плана восьмиугольного бассейна и связанных с ним построек, возникла мысль, что это развалины бани, но это предположение быстро отпало, так как нигде в наружных стенах не видно было следов обогревательных каналов и отсутствовала топка, необходимая для бани. Размеры чанов, не превышающие по площади 1 кв. м, также не соответствуют размерам помещений бань с центральным восьмиугольным залом⁵.

Наличие водоводов из керамических труб, связывающих бассейны и чаны и таким образом позволяющих их промывать, наталкивает на мысль о том, что это был комплекс построек производственного назначения; здесь происходил процесс, требующий систематической промывки чанов и бассейнов.

В археологической и этнографической литературе мы не встретили сведений о подобных памятниках. Некоторые соображения об устройстве отдельных помещений возникли при изучении виноделен Крыма и Средней Азии. Выше указывалось, что штукатурка, которой были обмазаны стенки и полы некоторых бассейнов (II, XII, XXXI, XXXIII), колодеобразных углублений (I, IV) и помещений с наклонным полом (V, XIV), была розоватого цвета.

С этим можно сопоставить четырехугольные винодельни II—IV вв. и IV—VI вв., открытые в Херсонесе Г. Д. Беловым; полы и стены виноделен были также оштукатурены розоватым раствором известки с примесью мелкотолченой цемьянки. По мере износа обмазка растворов возобновлялась: Г. Д. Белов выявил до шести-семи слоев такого раствора⁶.

Давильни, расположенные с чанами или цистернами, наблюдались также и в Херсонесе. Помещения V и XIV оренкалинского сооружения с наклонным и ступенчатым полом похожи на давилни для вина VII—VIII вв., выявленные в Пенджикенте⁷.

³ А. Л. Якобсон. Художественная керамика Байлакана (Оренкала). МИА, № 67, 1959, стр. 254—256 (группа 7А); стр. 262—264 (группа 7В).

⁴ Монеты из раскопок 1959—1964 гг. определены научным сотрудником Музея истории Азербайджана А. В. Рагимовым.

⁵ Бани с восьмиугольными помещениями на Апшероне известны в селах Балахны XIV в., Маштаги XVII в. (см. И. П. Шеблякин. Памятники азербайджанского зодчества эпохи Низами. Баку, 1943, стр. 32).

⁶ Г. Д. Белов. Херсонесские винодельни. ВДИ, 1952, № 2, стр. 227, 230, 232.

⁷ О. Г. Большаков и Н. Н. Негматов. Раскопки в пригороде древнего Пенджикента. МИА, № 66, 1958, стр. 190.

Расположенные неподалеку друг от друга гончарные печи и давилни винограда, а также остатки водоводов из керамических труб были обнаружены в Киргизии в рабадах средневековых городов Сарыга и Сулука, датированных XI—XII вв.⁸

Тщательная многократная штукатурка стен и полов помещений и чанов рассмотренных построек, наличие водоводов для их промывки, остатки известки на полу чана XXV, очажок, устроенный рядом с комплексом восьмиугольного бассейна, позволяют высказать предположение, что описанные постройки были мастерской для выдавливания сока из винограда и других фруктов и изготовления из них сладостей и вина.

У арабских авторов X в. Ибн-Хаукаля и ал-Истахри имеются данные о богатых плодородных садах Байлакана⁹. Ал-Мукаддаси отмечал, что в Байлакане выделявали отличные сладости (орехи в меду, леденец, варенье и др.)¹⁰. В анонимном географическом сочинении XIII в. говорится о том, что город Байлакан торговал хорошими гранатами и виноградом¹¹. Эти сведения косвенно подкрепляют мнение о том, что описанные комплексы построек были мастерскими для изготовления изделий из фруктов или вина. Восьмиугольный бассейн мог служить давилней. В чанах отстаивался сок ягод, их могли держать в известковом растворе до варки, что и теперь практикуют в Азербайджане при изготовлении варенья из инжира и других ягод. На очажке в котлах варили ягоды и вываривали до необходимой густоты соки. Чаны и бассейны, связанные с таким производством, должны были тщательно промываться, для чего и была устроена в толще стен сложная система водоводов из керамических труб.

В бассейне XXXI была найдена бронзовая четырехугольная печать от перстня (1,5 × 1,3 см) с надписью арабскими буквами «Аллах Мухаммед» (рис. 10). Надпись либо означала имя владельца печати Мухаммеда, раба Аллаха, либо такое сочетание слов имело значение амулета или обращения к богу и его пророку Мухаммеду для благословения в делах владельца перстня с печатью¹². Возможно, что печать принадлежала владельцу описанной мастерской.

Назначение двух колодеобразных взаимосвязанных углублений (I—IV), относящихся к первому комплексу, пока неясно. Чаны III, VI—IX могли служить отстойниками. Помещение V с наклонным ступенчатым полом могло быть давилней. Бассейн II, судя по его размерам, скорее всего использовали для хранения воды. Кирпичные стены около водоводов XVIII и XIX сооружены были раньше второго комплекса построек, так как

⁸ «Чуйская долина. Труды Семиреченской археол. экспедиции». МИА, № 14, 1950, стр. 20, 28, 43—44, 90, 93—94, 97.

⁹ Ибн-Хаукаль. СМОМПК, вып. XXXVIII, 1908, отд. I, стр. 85—92; Ал-Истахри. СМОМПК, вып. XXIX, 1901, отд. I, стр. 18—19.

¹⁰ Ал-Мукаддаси. СМОМПК, вып. XXXVIII, 1908, отд. I, стр. 9.

¹¹ Н. Д. Миклухо-Маклай. Географическое сочинение XIII в. на персидском языке. «Ученые записки ИВАН», т. IX, 1954, стр. 202.

¹² Н. В. Минкевич-Мустафаева и А. В. Рагимов. Перстни с печатями из Байлакана. «Доклады АН Азерб. ССР», т. XXI, № 9, 1965, стр. 89—91.

Рис. 10. Оренкала. Бронзовая печать из бассейна XXXI (увеличено в четыре раза)

кладка, на которой лежит водовод XX, разрушила кирпичную северо-западную стену и на западном ее углу сохранились следы раствора, в котором были уложены трубы водовода XVIII, также не связанного с более поздним комплексом построек для переработки фруктов или изготовления вина. Назначение этих кирпичных стен, сохранившихся на высоту до 1,75 м, также пока неясно.

Описанные мастерские, как и весь незащищенный рабад на юго-западной окраине Байлакана, сильно пострадали во время нашествия монголов, разрушивших город в 1221 г.¹³ Несмотря на сооружение Тимуром новых стен на территории города, окружавших сохранившуюся его часть¹⁴, рабад на юго-западной окраине не был восстановлен. На его месте образовалась кладбище с небольшими мавзолеями. Устройство могил и сооружение надмогильных мавзолеев на кладбище, выявленном в верхнем слое городища, еще больше способствовало разрушению мастерских рабада.

По обнаруженным в верхнем слое монетам, чеканенным хулагуидами¹⁵ и правителями династии Ак-Коюнулу¹⁶, можно полагать, что кладбище образовалось во второй четверти XIII в. и просуществовало до конца XV—начала XVI в.

Ю. А. ЗАДНЕПРОВСКИЙ

СРЕДНЕВЕКОВАЯ РАСПИСНАЯ КЕРАМИКА ФЕРГАНЫ

В ряде областей Средней Азии в период, предшествующий монгольскому завоеванию, наряду с ремесленной керамикой высокого качества была распространена лепная расписная посуда арханческого облика. Впервые обратил внимание на лепные сосуды из Афраснаба В. Л. Вяткин, сопоставивший их с керамикой трипольской культуры¹. В литературе, по-видимому, первым высказал сомнение относительно такой датировки афраснабских находок Б. П. Денике². Позднее было окончательно установлено, что никакого отношения к неолиту лепная посуда типа «афраснабского триполья» или «псевдотрипольская» не имеет и датируется она средневековым периодом — X—XII вв.³

В Ферганской долине средневековая расписная керамика найдена в разных пунктах. Наибольший интерес представляют материалы из Узгенского оазиса в Восточной Фергане. Большая коллекция добыта в слоях XI—XII вв. на Узгенском городище во время раскопок А. Н. Бернштама в 1945 г.⁴, Н. Н. Забелной в 1953 г.⁵ и Ю. А. Заднепровского в 1954 г.⁶

Эта керамика Узгена своеобразна. Сосуды сформованы от руки. Поверхность их покрыта светло-желтоватым или сероватым ангобом и залощена, роспись монохромная. Расписной орнамент встречается на сосудах различных форм: корчагах, кувшинах, кружках с петлевидными ручками, на вазо-видных сосудах и др. Узор наносился буро-коричневой или черноватой краской. Выделяется лишь фрагмент крупного сосуда с двухцветной росписью красноватой и коричневой красками. Судя по имеющимся фрагментам, орнамент покрывал почти всю поверхность сосуда, включая носик и ручку. В росписи преобладают криволинейно-растительные мотивы, свободно и причудливо заполняющие поверхность сосуда. Чаще всего встречаются следующие элементы: две взаимопересекающиеся волнистые линии («веревочка»), зигзагообразные линии, растительные побеги с завитками, волнообразный, а также меандровый узор и др. При монохромной росписи художественный эффект достигался контрастом светлого фона и темного

¹ В. Л. Вяткин. Афраснаб — городище бывшего Самарканда. Ташкент, 1928, стр. 38—40.

² Б. П. Денике. Прикладное искусство Средней Азии. «Художественная культура Советского Востока». М.—Л., 1931, стр. 54—55.

³ А. Н. Бернштам. К пересмотру формально-типологических схем. КСИИМК, вып. 29, 1949, стр. 19; В. Ф. Гайдукевич. Работы Фархадской археологической экспедиции в Узбекистане в 1943—1944 гг. КСИИМК, вып. 14, 1947, стр. 108.

⁴ А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. МИА, № 26, 1952, стр. 258—261.

⁵ Материалы Н. Н. Забелной не опубликованы и только частично использованы автором статьи.

⁶ Ю. А. Заднепровский. Археологические работы в Южной Киргизии в 1954 г. «Труды КАЗЭ», т. IV, 1960, стр. 226.

¹³ Ибн-ал-Асир. Тарих-ал-Камил, XII, 1958. Баку, 1940, стр. 140.

¹⁴ Г. М. Ахмедов. О «Тимуровской стене» города Байлакана. СА, 1964, № 1, стр. 273—278.

¹⁵ Монеты хулагуидов чеканены в Тебризе от имени Абу-Саида (1316—1335).

¹⁶ Монеты правителей династии Ак-Коюнулу чеканены от имени Якуба (1479—1490).

узора. Очень часто орнаментальные узоры образованы светлым фоном, выделенным на окрашенной поверхности. Обращают на себя внимание сложные, криволинейные фигуры с завитками, поверхность которых заштрихована сеткой. Следует отметить тщательность исполнения узора и большое разнообразие орнаментальных мотивов. Однако ввиду фрагментарности материала представить композиционное построение узора в целом невозможно.

Небольшое количество средневековой керамики с росписью найдено на городище Шурабашат, расположенном в 10 км к северо-западу от Узгена на правом берегу р. Яссы. В восточной части древнего поселения выявлены культурные слои средневекового периода. В комплексе с поливной и обычной для Узгена неполивной посудой оказались замечательные образцы расписной керамики.⁷ Один из них — это широкогорлый невысокий горшок с низкой горловиной и слегка отогнутой закраиной, выпуклым туловом, на небольшом низком поддоне. Композиция орнамента, выполненного коричневой краской, тесно связана с формой сосуда. Верхняя его часть (шейка) опоясана орнаментальным фризом геометрического узора. Тулово украшено светлыми крупными завитками и кругами, выделенными путем закрашивания фона и пространства между ними. Узкая светлая полоска отделяет шейку от тулова. Внутренняя поверхность поддона поделена перекрещенными линиями на сектора, в каждом из которых помещено по кружку-горошине. Края поддона, как и края венчика, также окрашены (рис. 11, 3; рис. 12, 3).

Другой сосуд — с широкой горловиной и сужающимся к дну туловом, на небольшом массивном поддоне. В верхней части тулова сохранились остатки небольшой петлевидной ручки с прямоугольной пятой. Форма сосуда отличается изяществом и легкостью. Вся поверхность его (кроме поддона) покрыта узором в виде вьющихся спиралью растительных побегов, нанесенных в виде тонких линий буро-коричневой краской по светлому фону. Края поддона и венчика окрашены. Обращает внимание плоская крышка с небольшой кнопковидной ручкой в центре, сплошь расписанная. Красновато-коричневой краской по светлому фону исполнен узор, состоящий из концентрических полос с зигзагообразной линией и заштрихованными выступами. Край бортика окрашен. Орнамент нанесен небрежно с неравномерным делением окружности. Декоративный эффект создается контрастом темных и светлых элементов узора (рис. 11, 5; рис. 12, 2).

По характеру украшения резко выделяется другая плоская крышка с массивной конической ручкой. В отличие от предыдущей крышки она не покрыта ангобом, поверхность ее красноватая. Узор в виде радиальных полос небрежно нанесен белой краской. Края крышки украшены косыми насечками. Своеобразие узора и цветовая гамма позволяют отнести эту крышку к особой разновидности расписной керамики (рис. 11, 6).

Наряду с лепной расписной посудой в Шурабашате обнаружено несколько образцов сосудов, изготовленных на гончарном круге и украшенных несколькими вертикальными полосами коричневой краски⁸.

Своеобразная расписная керамика открыта автором в 1964 г. на Кзыл-Октябрьском городище, находящемся в 6—8 км к северо-западу от Узгена, на левом берегу р. Яссы, почти напротив Шурабашата. Обращает внимание лепной кувшин (рис. 11, 2) с туловом биконической формы, с высокой горловиной, петлевидной ручкой и плоским дном. Тесто сосуда — с грубой примесью; поверхность его неровная, шероховатая и с трещинами. Сосуд асим-

метричен. Снаружи он покрыт красноватой краской и украшен узором в виде нескольких рядов звездочек-клякс, нанесенных белой краской при помощи штампа (на высокой горловине — два ряда звездочек, на верхней половине тулова — три). Нижняя половина сосуда не украшена. Подобные же звездочки помещены на плоской ручке. В месте соединения горловины и тулова проходит полоса горошин-перлов.

Второй, также лепной, плоскодонный кувшин резко отличается и по форме и орнаменту (рис. 11, 1; рис. 12, 1). Это сосуд с приземистым туловом, высокой конической горловиной, посаженной не в центре, а сбоку тулова. Кверху горловина слегка расширялась и заканчивалась фигурным сливом, который обломан. Возле основания ручки имеется в тулове отверстие и отпечатки некогда находившегося здесь носика. Поверхность кувшина покрыта бело-розоватым ангобом, заложена и украшена своеобразным узором, нанесенным коричнево-красноватой краской. Основание горловины и носика отдельно обведены кружевным узором из концентрических полудужек. Ниже на тулове располагается ряд «елочек», разделенных кружками. Горловина также расписана растительным узором в виде «елочек». На ручке имеется резной узор, косой крест и ямки, а также несколько горизонтальных полосок краски.

На городище Кзыл-Октябрь найдено еще несколько фрагментов с узором из звездочки, нанесенным белой краской, что позволяет говорить о типичности этого мотива. Здесь же представлена и другая разновидность этого узора, когда звездочка изображена более правильной и иной — буро-коричневой краской по беловатому фону. Еще один вариант орнамента представляет собой оригинальный узор в виде шеврона и примыкающего сбоку зигзага, исполненный белой краской (рис. 11, 4).

В Узгенском оазисе средневековая расписная посуда встречена на трех поселениях и представлена несколькими разновидностями. Керамика каждого из этих поселений своеобразна — и по форме, и по орнаменту, и по цветовой гамме. Мотивы росписи шурабашатских сосудов не выходят из круга узоров, встреченных в Узгене, однако они не находят прямых аналогий в узгенском комплексе, в котором не обнаружено сосудов с белой росписью, а также расписной станковой посуды, как в Шурабашате. Керамика из Кзыл-Октября отличается от узгенской, для которой не характерен узор в виде звездочки и шеврона, и где отсутствуют растительные мотивы, подобные росписи кувшина из Кзыл-Октября. По формам сосудов и орнаментальным мотивам посуда Кзыл-Октября не похожа также и на шурабашатскую, хотя в обоих поселениях встречен прием украшения керамики белой краской. В целом лепная расписная посуда каждого поселения своеобразна, несмотря на малочисленность находок, бросается в глаза однородность керамики и отсутствие привозной расписной посуды.

Рассматриваемая расписная керамика относится к одному времени — XI—XII вв., т. е. к домонгольскому периоду. В каждом случае дата устанавливается по комплексу находок. Следовательно, различие расписной посуды в поселениях Узгенского оазиса, расположенных очень близко друг к другу, нельзя объяснить хронологическими различиями.

Имеющиеся материалы позволяют предположить существование на каждом из этих поселений своего местного производства лепной расписной посуды и таким образом говорить о существовании в небольшом Узгенском оазисе по крайней мере трех центров домашнего гончарства. На основании приведенных фактов можно примерно определить ареал гончарных изделий местного (домашнего) производства. Конкретные археологические наблюдения относительно района сбыта продукции ремесленников Средней Азии пока весьма незначительны и поэтому данные по Узгенскому оазису заслуживают особого внимания. Очевидно, что лепная грубая посуда широко употреблялась в быту населения Узгенского оазиса, — как городского, так и сельского. Мастера должны были учитывать вкусы потребителя. Можно

⁷ Ю. А. Заднепровский. Работы Южно-Киргизского отряда в 1956 г. ТИИ АН Кир.ССР, V, 1959, стр. 158, 160, рис. 11, а, б; 12.

⁸ Там же, рис. 12. Сходные узоры на станковой посуде отмечены в керамике городища Карабулак; Ю. Д. Баруздин, Г. А. Брыкина. Археологические памятники Баткена и Айляка. Фрунзе, 1962, стр. 114, рис. 7, 5.

Рис. 11. Средневековая расписная керамика Ферганы
1, 2, 4 — городище Камл-Октябрь; 3, 5, 6 — городище Шурабашат

Рис. 12. Средневековая расписная керамика городища Шурабашат

полагать также, что лепную посуду изготовляли для нужд всего селения или самых ближайших селений. Судя по расположению городищ и отсутствию там привозной расписной посуды, распространение местной не выходило за пределы небольшого района радиусом 8—10 км. Это археологическое наблюдение очень близко к наблюдениям этнографов. Так, например, радиус района распространения глиняной посуды в горном Таджикистане составлял в среднем 15—20 км.⁹

Узген в домонгольский период являлся большим торгово-ремесленным центром, главным городом Ферганского удела караханидского государства. Нет сомнений, что изделия ремесленных гончарных мастерских Узгена, производивших поливную и другую посуду высокого качества, широко распространялись по всему Узгенскому оазису. Другое дело лепная расписная посуда, которая употреблялась главным образом на месте и, вероятно, не вывозилась. Во всяком случае в керамических материалах из Кзыл-Октября и Шурабашата полностью отсутствуют образцы расписной посуды, распространенной в самом Узгене. И это понятно: Шурабашатское средневековое поселение было небольшим рядовым сельским селением Узгенского оазиса. Вряд ли в нем существовало ремесленное производство посуды. Кзыл-Октябрьское городище представляет собой остатки небольшой военной крепости. Здесь также не выявлено наличие ремесленных мастерских.

⁹ Е. М. Пещерева. Гончарное производство Средней Азии. ТИЭ АН СССР, т. XLII, 1959, стр. 18.

Поэтому можно предполагать в этих поселениях только домашнее гончарство, но не ремесленное (товарное) гончарное производство, которое было развито в Узгене.

Вопрос о сосуществовании домашнего и ремесленного керамического производства, а также вопрос о причинах возрождения традиции изготовления лепной посуды с росписью в XI—XII вв. уже привлекали внимание исследователей. В литературе высказан ряд предположений. А. И. Тереножкин, основываясь на факте нахождения лепной посуды в точно датированных слоях Тараза, пришел к заключению об одновременном существовании в предмонгольский период ремесленного и домашнего производства глиняной посуды¹⁰. Это положение было поддержано А. Н. Бериштамом, который сопоставил афрасиабские сосуды с «женской» керамикой, изученной этнографами в горном Таджикистане¹¹.

Попытку объяснения широкого распространения лепной посуды в рассматриваемое время сделал Б. А. Литвинский, писавший следующее: «На основании выдвинутого нами положения о массовом притоке в этот период сельского таджикского населения в города, вызванном рядом социально-экономических причин, мы утверждаем, что расписная керамика в керамических комплексах Хульбука, Самарканда и др. — следствие и свидетельство переселения в города в X в. и, особенно, в XI—XII вв. крупных масс крестьянства, принесшего с собой излюбленные формы и приемы гончарной техники»¹².

Возражая против столь категорического утверждения, мы уже обратили внимание на отсутствие археологических материалов по керамике сельского населения и на факт отсутствия таджикского населения в ряде районов Средней Азии, где известна расписная керамика XI—XII вв.¹³

Еще дальше пошел Б. Я. Ставский, который считает: «... расписную керамику конца X—XII вв. одной из характерных особенностей древне-таджикской культуры» и предполагает, что «находки ее в Кухистане свидетельствуют о принадлежности большой группы археологических памятников верхнего Зеравшана этого периода прямым предкам современных горных таджиков»¹⁴.

Вновь опубликованные материалы позволяют возвратиться к вопросу о распространении расписной средневековой керамики на территории Средней Азии. Эта керамика встречается на ряде поселений в Южном, Северном и Центральном Таджикистане, в долине Зеравшана (Афрасиаб, Кулдортепе), в Ташкентском оазисе, на средней Сырдарье, в Северной Киргизии (в долине Таласа). В имеющихся публикациях полностью отсутствуют указания на находки расписной керамики в Хорезме и Южной Туркмении. Если это действительно так, то намечаемый ареал в общем совпадает с границами караханидского государства XI—XII вв.¹⁵

Почти во всех случаях исследователи датируют расписную керамику XI—XII вв.¹⁶ И только находки на Кулдортепе отнесены к концу X в.

¹⁰ А. И. Тереножкин. Литература по археологии в Узбекистане. ВДИ, 1939, № 1, стр. 190—191.

¹¹ А. Н. Бериштам. К пересмотру формально-типологических схем; М. М. Дьяконов. Работы Кафирниганского отряда. МИА, № 15, 1950, стр. 179; см. также: Е. М. Пешерева. Указ. соч., стр. 234.

¹² Б. А. Литвинский. Археологическое изучение Таджикистана советской наукой. ТИИАЭ АН Тадж.ССР, XXVI, 1954, стр. 62.

¹³ Ю. А. Заднепровский. Указ. соч. Труды КАЗЭ, т. IV, 1960, стр. 245.

¹⁴ Б. Я. Ставский. Основные этапы освоения земледельческим населением горных районов верхнего Зеравшана (Кухистана). «Материалы по этнографии», вып. I, 1961, стр. 48.

¹⁵ «Очерки истории СССР. Период феодализма IX—XIII вв.», М., 1953, карта 3.

¹⁶ Нам удалось найти в литературе только одно указание о находке в Хорезме более поздней керамики, украшенной мазками красно-коричневой краски: на городище XV—XVII вв. в Ургенче. В других районах Средней Азии существование в столь позднее время расписной керамики пока никем не отмечено (см.: Н. Н. Вактур-

У нас пока нет никаких данных о существовании расписной керамики в саманидский период IX—X вв. Она неизвестна в раннесредневековых комплексах в Согде и Кашкадарье, например в Пенджикенте. Все это позволяет предполагать, что расписная керамика не была характерной для материальной культуры предков таджикского народа и поэтому нет серьезных оснований связывать распространение ее в XI—XII вв. с появлением в городах масс «сельского таджикского населения».

Вопрос о причинах возрождения традиции изготовления лепной расписной посуды является сложным и не может быть решен однозначно. Необходимо обратить внимание на истоки растительной орнаментации этой керамики, которые, по всей вероятности, восходят к предшествующему тюркскому периоду. Растительные узоры, по заключению А. Н. Бериштама, занимали большое место в орнаменте карлукской керамики Семиречья¹⁷. Эти мотивы широко использовались и для украшения металлических изделий, таких, как предметы Кочкорского клада¹⁸.

Вероятно, не случайно растительные мотивы становятся излюбленными в орнаменте поливной керамики караханидского времени. Некоторые исследователи справедливо ставят вопрос о влиянии культуры кочевых народов на появление некоторых групп поливной керамики этого времени¹⁹.

Все сказанное, принимая во внимание также время и ареал расписной керамики XI—XIII вв. на территории Средней Азии, приводит к предположению о какой-то связи появления этой керамики с влиянием тюркского кочевого населения. Но этот вопрос нуждается в дополнительном изучении.

Рассматривая истоки орнаментации средневековой керамики Ферганы, нельзя не обратить внимания на некоторое сходство ее с расписной керамикой шурабашатского периода (последние века до н. э.)²⁰. В орнаменте керамики древней Ферганы отмечается переход от господствующих геометрических мотивов, характерных для чустской культуры и для актамо-ай-латанского периода, к растительным узорам, получившим распространение впервые в шурабашатское время.

Такой переход обычно считают закономерным в развитии орнамента. Причины смены и широкого распространения растительных мотивов еще не раскрыты, хотя в литературе высказано предположение, что такого рода мотивы ближе к мировоззрению земледельческих народов²¹. Во всяком случае по ферганской керамике можно наблюдать эволюцию орнамента.

Узоры в виде звездочек, встреченные в слоях домонгольского периода на городище Кызыл-Октябрь, являются излюбленными мотивами украшения и в современной керамике Ферганы и других районов Средней Азии. Подобные узоры имеются на поливном сосуде XIX—начала XX в. из Ура-тубе, нижняя половина которого украшена тремя рядами звездочек²². Очень широко используется мотив звездочки гончарами Риштана в наши дни²³. Тот факт, что этот мотив существует до сегодняшнего дня, еще раз свидетельствует об устойчивой и непрерывной традиции развития культуры земледельческого населения Ферганы.

ская. Хронологическая классификация средневековой керамики Хорезма (IX—XVII вв.). ТХЭ, IV, 1959, стр. 332, рис. 32, 1, 2.

¹⁷ А. Н. Бериштам. Историко-археологические очерки... стр. 155—157; ср. также орнамент керамики «болотных городищ» Приаралья (С. П. Толстов. Города гузов. СЭ, 1947, № 3, рис. 13—14).

¹⁸ А. Н. Бериштам. Историко-археологические очерки... стр. 89—94.

¹⁹ Б. В. Веймарн. Искусство Средней Азии. М.—Л., 1940, стр. 172, прим. 16.

²⁰ Ю. А. Заднепровский. Древнеземледельческая культура Ферганы. МИА, № 118, 1962, табл. LII, 1; LIX, 3; LXII, 6.

²¹ О. А. Сухарева. К истории развития самаркандской декоративной вышивки. «Литература и искусство Узбекистана», кн. 6, 1937, стр. 128; Н. А. Белниская. Декоративное искусство горного Таджикистана. Душанбе, 1965, стр. 47—50.

²² «Народы Средней Азии и Казахстана», т. I, М., 1962, рис. 6 на табл. к стр. 396.

²³ Н. Бурдуков. Гончарные изделия Средней Азии. СПб., 1904; Л. Жадова. Современная керамика Узбекистана. М., 1963.

Г. В. БОРИСЕВИЧ

РОЛЬ МАКЕТА В РЕКОНСТРУКЦИИ
ДРЕВНЕРУССКОГО ЖИЛИЩА

Завершающий этап археологического изучения древних поселений составляет систематизация материалов раскопок и реконструкция быта и культуры, среди которых важное место занимает реконструкция жилища. Особый интерес представляют сам процесс создания реконструкций и принципы выбора аналогий для их обоснования.

Решение последней задачи связано с воссозданием верхних частей зданий, которые не всегда могут быть полностью обоснованы только археологическими данными. Необходимо привлечение исторических сведений и описаний, синхронных с исследуемым памятником, дополненных этнографическими параллелями.

В 1963—1966 гг. было археологически изучено неукрепленное поселение VII в. около хутора Тетеревского Житомирской области. В нем было открыто 18 сооружений различного назначения: жилые каморы, стоящие отдельно или соединенные с хозяйственной постройкой, отдельно стоящие хозяйственные постройки и, кроме того, были зафиксированы следы от столбов навесов и ограждений¹.

Все жилые помещения имеют прямоугольный план, приближающийся к квадрату со сторонами от 3 до 4 м. В углах — следы от опорных столбов. В нежилых постройках, соединенных с каморой, были применены аналогичные конструкции.

В отдельно стоящих хозяйственных постройках конфигурация плана отходила от прямоугольной и имела криволинейные очертания, близкие к овалу, полуовалу и многоугольнику (рис. 13, 1, 2). На углах многоугольников обнаружены следы столбов. В геометрических центрах овалов или многоугольников на расстоянии 1,5—2 м стояли центральные, более мощные по диаметру столбы.

Покрытие этих построек можно реконструировать следующим образом: центральные столбы, вероятно, соединялись мощной балкой, на нее и на центральные столбы с периметральных опор укладывались пучки балоков. Все это вместе составляло несущий каркас здания (рис. 13, 2). На балки укладывались прогоны, которые, вероятно, крепились лозой к балкам. Поверх прогонов настилалась кровля из тростника или травы. Овальные стены в материке оставили неглубокие канавки от близко расположенных ямок, вероятно, следов плетня. Изогнутый плетень, вкопанный в землю, представлял собой относительно жесткую систему в маленьких по площади постройках. Этим объясняется отсутствие столбов на криволинейных участках стен. В полуовальных стенах столбы нахо-

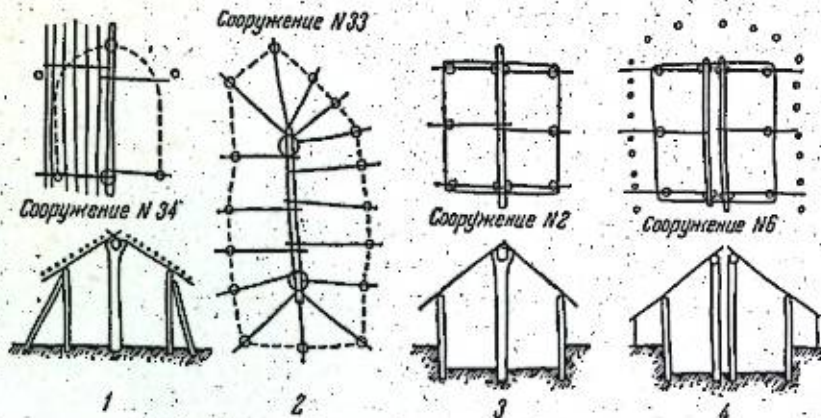

Рис. 13. Тетеревка I. Конструктивные схемы построек

1, 2 — несущий остов хозяйственных построек; 3, 4 — несущий остов полуземлянок карнизного типа

дятся в месте поперечного диаметра овала и на прямолинейных участках. В некоторых случаях сохранились остатки опор за периметром стен сооружений, которые можно считать подпорками столбов несущего каркаса или плетня, защищающего от ветра и случайных нагрузок (рис. 13, 1).

Древние плетневые постройки имеют много общего по конструкциям с хозяйственными постройками Украины² и простейшими постройками народов степной полосы и Кавказа³.

Несущий остов жилых камор и углубленных в землю хозяйственных сооружений осуществлялся по тому же принципу, что и в отдельно стоящих хозяйственных постройках. Укрепление стенок полуземлянок сооружений явно недостаточно надежно предохраняло от осыпания краев ямы. Отсутствие следов стен позволяет предположить, что они были сделаны из плетня, но без обмазки. На селище не было ни одной землянки.

Колебание уровня пола от поверхности земли от 30 см до 1 м в жилых помещениях, применение угловых столбов малого диаметра и средние размеры стоящего человека (1,70—1,80 м), а также более чем вероятный способ отопления «по-черному», говорят о жилых каморах, как легких хижинах. Они имели теплый земляной пол, опущенный до уровня промерзания грунта (рис. 13, 3).

Помещения с плетневыми стенами, пригодные для жилья, на зиму должны утепляться. Самый простой и наиболее вероятный способ — обкладка стен хворостом, тростником, камышом и т. п. Эта обкладка одновременно была и запасом топлива, и корма для скотины на зиму⁴. Для этого приема характерен большой вынос крыши, который легко осуществляется путем увеличения консоли балки, лежащей на столбах, а также дополнительным креплением утеплителя вертикально стоящими жердями, воткнутыми в землю. Следы их, повторяющие контуры ямы каморы, обнаружены в материке (рис. 13, 4).

Реконструкция древней архитектуры основана на археологических находках и аналогиях, которые позволяют воссоздавать недостающие части.

Научная аналогия основывается на объективном сходстве двух различных по своей природе систем, поэтому аналогия уместна тогда, когда

¹ Е. Э. Бломквист. Крестьянские постройки русских, украинцев и белогуспен. «Восточно-славянский этнографический сборник». М., 1956, стр. 197, рис. 41.

² С. А. Токарев. Этнография народов СССР. М., 1958, стр. 186, 188, 191, 249, 259.

³ На Украине этот способ утепления стен применяется в деревнях до настоящего времени.

⁴ И. К. Фролов. Поселение Тетеревка I. КСИА, вып. 110, 1967, стр. 30—35.

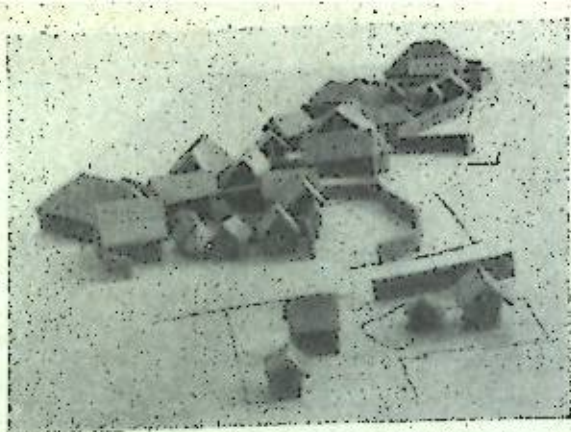

Рис. 14. Рабочий макет застройки древнерусского селища VII в. Тетерева I

уже выяснены принципиальные вопросы их сходства и различия и точно определены границы соответствия⁵.

Прямое перенесение отдельных типов существующих построек в качестве готовой реконструкции древних сооружений только на основании сходства конструкций, прослеживаемых при раскопках, без учета целевого назначения строений может привести к ошибкам. Так, например, из-за сходства плана древнерусской землянки с планами современных погребов без учета размеров человека реконструированное поселение IX в. получилось похожим на огромный «курганый могильник», который «оживляла только печной дым между жилищами, да люди»⁶. Здесь нарушен принцип аналогии, и древние жилые сооружения отождествляются с современными постройками другого функционального назначения⁷.

Использование современных образцов народного зодчества для реконструкции древних построек возможно и необходимо. Неизменность и архаичность их образа, его устойчивость в значительных хронологических пределах проявляется целиком и полностью в хозяйственных постройках с элементарным планом, выражая целиком их утилитарные признаки (например, амбары, овины, погреба, бани и т. д.). Традиционность облика такого сооружения имеет материальную основу. Ее определяют, во-первых, строительные материалы и их свойства (распространенность их в природе, размеры примененного строительного леса, его несущая способность и т. д.); во-вторых, комплекс применяемых инструментов и орудий труда (они определяют обработку материалов, конструкции, крепление деталей, отделку и качество работ, технологию) и, в-третьих, назначение и характер использования помещений, функция зданий (они определяют этажность построек и кубатуру помещений). Строительный объем постройки определяется совокупностью этих признаков. Более изменчивы, чем хозяйственные постройки, обычные жилища. В них в процессе развития общественного быта и практики строительства появляются новые конструкции и бытовые узлы, которые также постепенно становятся устойчивыми. Домостроительные традиции состоят, таким образом, в передаче и развитии технических и других знаний от поколения к поколению.

Совпадение древних функциональных схем с аналогичными функциональными схемами «живой старины» позволяет представить себе общий

⁵ В. А. Штофф. Роль моделей в познании. Л., 1963, стр. 53.

⁶ И. И. Ляпушкин. Городище Новотроицкое. МИА, № 74, стр. 194—210.

⁷ В. А. Штофф. Указ. соч., стр. 30—50.

Рис. 15. Вариант реконструкции фрагмента селища Тетерева I

вид большей части древних сооружений как строительных типов, передававшихся по традиции.

В поселениях феодального периода меньшую часть построек составляют специализированные типы сооружений, как, например: терема, повалуши, вежи и т. д., которые трудно выявить только на основании чертежей раскопок. Они в местах, доступных для археологических обследований, могли быть построены по правилам возведения традиционной группы сооружений и в своих нижних частях иметь сходные функциональные и конструктивные связи. Эта группа сооружений на определенных этапах развития феодального зодчества перестала быть традиционной и не дошла до наших дней в неизменной объемной форме в составе крестьянского жилища. Эти сооружения могут быть выявлены только в результате градостроительного и планировочного анализа части города или поселения, группы дворов или отдельного хозяйства.

Широкие вскрытия территорий древнерусского города и исчерпывающие раскопки маленьких поселений ввели в науку новый тип археологических источников — планировку древних поселений.

Реконструкция планировки и застройки имеет не меньшее значение, если не большее, чем реконструкция отдельного сооружения. Эти задачи плодотворно могут быть решены только на макетах.

Некоторый опыт моделирования на рабочих макетах уже накоплен в Новгородской, Черниговской и Житомирской экспедициях при реконструкции различных градостроительных образований: части посада Новгорода X—XV вв.⁸, княжеского замка XI в. Любеча⁹, древнеславянского поселения VII в. Тетерева I¹⁰.

Создание объемной модели поселения в этой стадии исследования сразу же выявляет основные архитектурно-планировочные задачи древних зодчих, что значительно упрощает сам процесс реконструкции и

⁸ Г. В. Борисевич, В. П. Тюрин, Г. П. Чистяков. Опыт реконструкции деревянной жилой застройки Новгорода. «Архитектурное наследие», № 15, 1963, стр. 28—37.

⁹ Б. А. Рыбаков. Киевская Русь. «История СССР», т. I. М., 1966, стр. 529.

¹⁰ Реконструкция Г. В. Борисевича и И. К. Фролова. И. К. Фролов. Поселение Тетерева I, стр. 30—35.

позволяет в общем виде решить ряд вопросов, связанных с взаимным расположением построек. Воссоздание высот в объемной форме, сделанное на основе точного генерального плана, заставляет с максимальным вниманием произвести анализ чертежей раскопок, позволяет уточнить с большой вероятностью местоположение входов и дает возможность лучше представить себе хозяйственно-бытовые коммуникации.

В ходе исследования возникает в строгой последовательности целая цепь отдельных промежуточных реконструкций и поясняющих схем составных частей и узлов, определяющих основные параметры построек. Они непосредственно вытекают из археологического и исторического материала и определяют границы научной фантазии. Сам процесс создания рабочего макета становится частью исследования древней архитектурно-планировочной среды.

Рационально выбранный материал и масштаб макета в пределах своих возможностей и свойств максимально отображают сходство с оригиналом в полном соответствии с известными научными сведениями об объекте исследования. Материал макета должен быть удобен для работы и легко поддаваться обработке, чтобы в нем можно было осуществлять изменение объемов зданий, форм кровель, уменьшение или увеличение высот, членение фасадов и т. д. Сложность решения объемов здания и их частей, в особенности технически неудовлетворительный водоотвод с крыш, часто указывают при этом методе на сомнительность проверяемого варианта и на необходимость разработки более простого объемно-пространственного решения или на одновременность изучаемых построек. Масштаб имеет не менее важное значение, так как он определяет степень обобщения и сходства модели и оригинала, а также соответствие пропорций. Модель в этом случае обладает условностью, свойственной современному планировочному макету (рис. 14). Тем не менее она позволяет произвести оценку полученных в процессе моделирования системы вариантов и выбрать наиболее типичный.

Фотографирование макета является составной частью исследования поселения, дающего реконструкцию его в целом и по частям, по комплексам¹¹. По готовым фотографиям и рабочим схемам очень просто осуществляются образные графические реконструкции или создается подробный демонстрационный макет, если есть достаточные основания для детальной разработки. Этот прием позволяет с максимальной точностью передать пространство с фоном из конкретных построек, максимально включая их в реконструкцию, позволяя найти наиболее характерные точки наблюдения (рис. 15).

Построение макета как способ исследования — творческий процесс, который содержит элементы научной фантазии, ограниченной рамками приводимых аналогий, наблюдений, фактов. Модель на конкретном примере упорядочивает сведения о древней планировке и застройке. Углубленное изучение материала стен, конструкций и деталей, выяснение назначения и использования строений на основе разработки макета позволяют наглядно представить каждую постройку в естественном окружении. Чем больше фактов, свойств и аналогий включено в реконструкцию, чем полнее изучены фактические данные археологии, тем точнее реконструкция и тем ближе она к типичному оригиналу прошлого. Мелкие отклонения модели в некоторых частях от действительности на отдельных постройках не могут значительно исказить общую типичную картину древней застройки; если правильно учтены все условия.

II. ПОЛЕВЫЕ И ЛАБОРАТОРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

В. И. РАСПОПОВА

БРОНЗОВЫЕ СЕРЬГИ ПЕНДЖИКЕНТА

Бронзовые серьги из Пенджикента — хорошо датированная коллекция вещей, представляющая значительный интерес для средневековой археологии Средней Азии.

За время раскопок в Пенджикенте с 1947 по 1966 г. включительно найдено 24 бронзовых серьги как целых, так и во фрагментах. Все они, за исключением одного экземпляра, литые. По форме их можно разделить на следующие группы:

I. Несомкнутое кольцо с отростком в верхней части и колечком внизу, к которому прикреплялась подвеска. На отросток надевалась бусинка; на данной серьге (рис. 16, 1) бусина — жемчужная. Серег такого типа найдено четыре (рис. 16, 1—4)¹.

II. Несомкнутое кольцо, на которое надевалась подвеска (таких найдено три экземпляра: рис. 16, 5—7).

III. Несомкнутое кольцо с утолщением посередине, разрыв в кольце находится над утолщением (найден три экземпляра: рис. 16, 8—10).

IV. Несомкнутое кольцо с утолщением посередине и с отростком у разрыва в кольце (найден два экземпляра, рис. 16, 11—12).

V. Несомкнутое кольцо с разрывом наверху и с утолщением, которое переходит в неподвижную «подвеску» в виде двух шариков, отлитую вместе с серьгой (рис. 16, 13).

VI. Несомкнутое кольцо; в отличие от серег первой группы утолщение — посередине; к нему примыкает колечко для подвески (найден два экземпляра, рис. 16, 14, 15). На одной из этих серег подвеска сохранилась².

К разновидности этой группы относится фрагмент серьги (рис. 16, 16), у которого имеется не одно колечко для подвески, а два — одно за другим. Через них продевалась колечко подвески.

VII. Несомкнутое кольцо с биконическим утолщением, внизу от утолщения отходит отросток, который, вероятно, служил для прикрепления бусинки (найден два экземпляра, рис. 16, 17, 18).

Как сказано, одна серьга (рис. 16, 14) найдена вместе с подвеской. Подвеска цельнолитая удлиненной конической формы с колечком сверху и стерженьком внизу. Под колечком — утолщение. На стерженьке, видимо, надевалась бусинка. Найден еще один экземпляр точно такой же подвески (рис. 16, 19)³.

¹ Серьга (рис. 16, 4) при реставрации частично развалилась.

² А. М. Беленицкий. О раскопках городища древнего Пенджикента в 1956 г. «Археологические работы в Таджикистане в 1956 г., вып. IV. Труды АН Тадж.ССР», т. XCI, 1959, стр. 99, рис. 8.

³ А. М. Беленицкий. О работе Пенджикентского отряда ТАЭ в 1959 г. «Археологические работы в Таджикистане, вып. VII. Труды Ин-та истории АН Тадж.ССР», т. XXXI, 1961, стр. 86—87, рис. 9.

¹¹ Г. В. Борисевич, В. П. Тюрин, Г. П. Чистяков. Указ. соч., рис. 1, стр. 4—16.

Шифр	Объект	Место находки	
I группа			
T-II-60 VII-81	VII	Помещение 6; 30 см над полом у северной стены	Помещение 6 входит в один комплекс с помещениями 1—8; на полу их найдены монеты Тургара II типа
T-II-63 XIII-30	XIII	Помещение 45, в верхнем слое завала	Верхний слой завала датируется фельсом, найденным в 20 см ниже прилолки двери
T-II-63 XIX-31	XIX	Помещение 4, из завала	Помещение 4 входит в тот же жилой комплекс, что и помещение 16. В помещении 16 на верхнем полу найдено два фельса
T-II-57 XII-15	XII	кв. II, яр. 3	Найдена в слое, который датируется временем не позже начала VIII в. ⁴

II группа			
T-II-53 VIII/3-1	Цитадель VIII	Помещение 2 Усадьба 3, к востоку от помещения 3, в завале	Найдена вместе с монетой Тургара ⁵ Северная часть здания 3 погребла от пожара не ранее 760—761 гг. ⁶
T-II-63 XIII-28	XIII	Помещение 40 в дерновом слое	В дерновом слое одного из помещений комплекса, в который входит помещение 40, найдена монета Тургара
T-II-63 XIII-25	XIII	Помещение 38, в завале у восточной стены	В завале помещения найдены монеты Вархумана, Бидиана и пенджикентской царицы

III группа			
T-II-64 XXI-3	XIX	Помещение 1, в 20 см над полом	На полах помещений жилого комплекса, в который входит помещение 1, найдены монеты Тургара и фельсом
T-II-65 III-53	III	Помещение 144, глубина 1 м, северо-восточный угол	В завале этого помещения найдены фельсом

IV группа			
T-II-55 IX-30	IX	Помещения 4 и 5, возле северо-восточного угла нижнего этажа на полу	Помещения 4 и 5 входят в тот же жилой комплекс, что и помещение 127, на полу которого найдена монета Да'уда сына Гур'аза ⁸
T-II-53 IX-10	IX	Помещение 2, глубина 25—30 см в завале	В завале помещения 2 на глубине 3,15 м найдена монета ал-Джунайда ⁹

V группа			
T-II-53 VIII/9-47	VIII усадьба 9	Помещение 3 в завале на 25 см выше уровня пола	В доме 9 в помещении 1, которое служило передней и соединяло все остальные помещения дома ¹⁰ , на суфе найдена монета А ал-Аш аса ¹¹

VI группа			
T-II-56 III-63	III	Помещение 82, к востоку от него, в завале	К востоку от помещения 82, в завале, в 10 см над полом найдена монета Тургара ¹²

Шифр	Объект	Место находки	
<i>(Продолжение)</i>			
T-II-54 VI-213	VI	Помещение 21, в завале, на глубине 4,8 м	Поздний этап жизни помещения 21 датируется монетой Тургара ¹³
T-II-61 XIII-12	XIII	Помещение 26, над полом в юго-восточном углу	На полу помещения найдена монета ал-Джунайда
VII группа			
T-II-64 XIII-18	XIII	Помещение 49, у южной стены, на глубине 10 см выше репера	В комплексе, в который входит помещение 49, не найдено монет моложе первой четверти VIII в. (чекана пенджикентской царицы)
T-II-62 XVII-11	XVII	Помещение 12, над полом среди гумусных прослоек	В комплексе, кроме помещения 12, входит еще помещение 11. Из этих помещений происходит две монеты чекана пенджикентских цариц и монета Бидиана
Подвески			
T-II-59 XIII-82	XIII	Помещение 25, завал, на глубине 3,4 м	В завале помещения найдены монеты Тургара и фельсом
T-II-62 XVI-41	XVI	Помещение 31а, в завале кирпичей на 10 см выше пола	Помещение 31а входит в один комплекс с помещением 10, на полу которого найдена монета Тургара
T-II-64 XIII-12	XIII	Помещение 52 в юго-западном углу на глубине 70 см от репера	В завале помещений этого комплекса найдены монеты царицы, а в дерновом слое — монета Тургара
T-II-62 XII (в) -2	XII верхнее здание	Помещение 17, в завале	В жилом комплексе, в который входит помещение 17, на полах найдены фельсом
T-II-56 I-3	I	Помещение 3, на глубине 1,70 м (под дном хума)	Монет найдено не было
T-II-58 VI-29	VI	Улица к западу от помещения 40 у южного среза входа в помещение 40, на 2 м выше помещения 40	В комплексе, в который входит помещение 40, в завале над верхним полом был найден клад из пяти серебряных аббасидских монет — подражаний Бухар-худатам

⁴ Б. И. Маршак. Отчет о работах на XII объекте за 1955—1966 гг. МИА, № 124, 1964, стр. 224—227, 237.

⁵ А. И. Тереножкин. Раскопки в кухендизе Пенджикента. МИА, № 15, 1950, табл. 42, в, стр. 83.

⁶ О. Г. Большаков и Н. Н. Негматов. Раскопки в пригороде древнего Пенджикента. МИА, № 66, 1958, стр. 168.

⁷ В. Л. Воронина. Архитектура древнего Пенджикента. МИА, № 124, 1964, стр. 57, рис. 5.

⁸ О. И. Смирнова. Монеты древнего Пенджикента. МИА, № 66; 1958, стр. 227, 237, № 437.

⁹ О. И. Смирнова. Каталог монет с городища Пенджикент. М., 1963, № 938.

¹⁰ О. Г. Большаков и Н. Н. Негматов. Указ. соч., стр. 179.

¹¹ О. И. Смирнова. Каталог..., № 837.

¹² Там же, № 192.

¹³ Б. Я. Ставиский. Раскопки квартала жилищ знати в юго-восточной части Пенджикентского городища (объект VI) в 1951—1959 гг. МИА, № 124, 1964, стр. 176.

Интересны подвески, состоящие из бронзового стерженька, заканчивающегося наверху глухой петлей. На стержень надеты бусины: в одном случае — крупная коралловая и на конце мелкая жемчужина (рис. 16, 20), в другом — бусина синего стекла с белыми глазками, нижняя бусинка не сохранилась (рис. 16, 21); в третьем — бронзовая и стеклянная бусины (рис. 16, 22; но эта подвеска, видимо, сохранилась не полностью); в четвертом случае — крупная стеклянная бусина и на конце мелкая жемчужина (рис. 16, 23). По всей вероятности, к этой же категории вещей можно отнести и бронзовую литую подвеску шаровидной формы с колечком сверху для подвешивания и маленьким шариком внизу (рис. 16, 24). Эти подвески могли принадлежать к различным группам серег. При изготовлении серег стерженек подвески, вероятно, пропускался сквозь колечко серьги, затем он закреплялся наглухо и на него нанизывались бусины. Бронзовые цельнолитые подвески надевались на колечко серьги. Колечко, как показывает одна из серег (рис. 16, 14), несомкнуто.

Серьги Пенджикента найдены в хорошо датированных монетами жилых комплексах. Благодаря этому впервые значительную коллекцию серег из оседлого поселения Средней Азии можно датировать с точностью почти до полувека. Пенджикентская коллекция серег, как и коллекции многих других предметов из этого городища, может поэтому стать эталоном при датировке подобных вещей. Для обоснования даты серег целесообразно привести стратиграфические данные относительно каждой из них и указать сопровождающий нумизматический материал (см. стр. 52—53).

Приведенные данные показывают, что появление серег I группы в Пенджикенте относится ко времени не позже начала VIII в., они бытовали до конца существования города, т. е. до 70-х годов VIII в. Серьги II группы относятся к середине — второй половине VIII в. Серьги III группы появляются не позже первой трети VIII в. и бытуют до конца существования города. Серьги IV группы найдены в комплексах третьей четверти VIII в. Единственная серьга V группы найдена в доме с монетой чекана 761—762 гг. Серьги VI группы появились не позже середины VIII в. и бытовали до гибели Пенджикента. Серьги VII группы, видимо, следует относить к первой четверти VIII в.

Подвески к серьгам, состоящие из бусин, и имитирующая их литая подвеска появляются в Пенджикенте не позже середины VIII в. и бытуют до конца существования Пенджикента.

Таким образом, большинство бронзовых серег связано с последним периодом жизни Пенджикента, хотя вполне возможно, что бытование отдельных вещей было длительным.

Находки серег при раскопках других памятников. Когда мне неизвестны, но они встречались на соседних территориях Средней Азии: в Фергане, в Семиречье, в Хорезме и в низовьях Сырдарьи. К VI типу серег относятся серьги из грунтового погребения в урочище Хозинахона¹⁴ и с городища Кайноват¹⁵ в Фергане, две серьги с городища Ак-Бешим в Чуйской долине¹⁶.

Е. Е. Неразник сопоставляет серьгу, найденную в Якке-Парсане, с серьгой VI типа из Пенджикента (рис. 16, 14)¹⁷. Однако серьга

¹⁴ Б. А. Латынин. Некоторые итоги работ Ферганской экспедиции 1934 г. «Археологический сборник Гос. Эрмитажа», вып. 3, 1961, стр. 158—159, рис. 29, 2, 3.

¹⁵ Т. Г. Оболдуева. Отчет о работе первого отряда археологической экспедиции на строительстве Большого Ферганского канала. «Труды Ин-та истории и археологии АН Узб. ССР», т. IV, 1951, табл. VI, 12.

¹⁶ Л. Р. Кызласов. Остатки замка VI—VII вв. на городище Ак-Бешим. СА, 1958, № 3, стр. 156—157, рис. 6, 1; он же. Археологические исследования на городище Ак-Бешим в 1953—1954 гг. «Труды КАЗЭ», т. II, 1959, стр. 216, рис. 45, 24.

¹⁷ Е. Е. Неразник. Раскопки Якке-Парсана. «Материалы Хорезмской экспедиции», вып. VII, М., 1963, стр. 30, табл. 14, 6.

Рис. 16. Бронзовые серьги Пенджикента

1—4 — серьги I группы; 5—7 — серьги II группы; 8—10 — серьги III группы; 11—12 — серьги IV группы; 13 — серьга V группы; 14—16 — серьги VI группы; 17—18 — серьги VII группы; 19—24 — подвески к серьгам

из Якке-Парсана не находит прямых аналогий в Пенджикенте и поэтому связывать ее с этой группой нельзя.

Близка к VII группе пенджикентских серег серьга с такыров Беркут-калы, но в отличие от них у последней разрыв в кольце находится над утолщением, притом отросток гораздо длиннее¹⁸. Серьгу V группы напоминает изданная С. П. Толстовым серьга из Беркут-калы¹⁹. Две фрагментированные серьги с такыров Беркут-калы, состоящие из кольца с надетым на него «колесиком», от которого отходит подвеска, очень близки к серьге из кургана 3 второй группы Курая на Алтае²⁰.

¹⁸ С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948, рис. 73.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же. Ср.: Л. А. Евтюкова и С. В. Киселев. Отчет о работах Саяно-Алтайской археологической экспедиции в 1935 г. «Труды ГИМ», вып. XVI, 1941, стр. 97, рис. 17.

Вероятно, к этой же группе относится серьга из Куюк-калы, но ее описание отсутствует, а воспроизведение недостаточно четко²¹.

В замке 28 Беркут-калинского оазиса найдена бронзовая подвеска от серьги, представляющая собой шарик с колечком, прикрепленным к нему для подвешивания; подвеска отдаленно напоминает подвеску из Пенджикента²². Замок датируется VII—серединой VIII в.²³

Фрагмент серьги с верхнего горизонта «Большого дома» Джеты-Асар 3 затруднительно отнести к какому-либо типу из-за плохой сохранности вещи²⁴.

Некоторые исследователи объясняют появление серег с подвесками в Средней Азии связями ее с Хазарией и подвластными ей землями²⁵. Однако те и другие серьги имеют существенные отличия. Серьги салтово-маяцкой культуры имеют более удлиненные пропорции, чем среднеазиатские, отросток в верхней части их расположен ближе к середине, подвеска — другой формы²⁶.

Салтовские и среднеазиатские серьги находят аналогии в сибирском материале. Некоторое влияние алтайских образцов на развитие серег салтово-маяцкой культуры в раннее время отметил Н. Я. Мерперт²⁷.

Серьги из Пенджикента VII группы близки к серьгам из кургана 5 Катанда II на Алтае, которые, однако, отличаются более длинным отростком внизу и наличием отростка на верхней части кольца. Этот курган по инвентарю А. А. Гаврилова относит к ранним катадинского типа²⁸. Интересно, что этот тип серег встречается не только в сибирском тюркском погребении. Найденная в тюркском погребении на Тянь-Шане в кургане 69 Аламышик бронзовая серьга близка к VII пенджикентской группе, но отличается от нее отсутствием ребра утолщения²⁹. А. Н. Бернштам датировал это погребение временем не ранее VIII в. Пользуясь классификацией А. А. Гавриловой, это погребение следует отнести к VII в. и во всяком случае ко времени не позже начала VIII в.

Таким образом, наиболее полные аналогии серьги Пенджикента находят в Фергане и Семиречье, более отдаленное сходство наблюдается с материалом из тюркских погребений Средней Азии и Сибири. Существенно отличаются от пенджикентских серьги из Хорезма, которые в свою очередь ближе к серьгам салтово-маяцкой культуры, чем пенджикентские.

Сделанное сравнение коллекции пенджикентских серег показало, что соотношения тех и других — гораздо сложнее, чем это представлялось по отдельным находкам. Серьги Средней Азии не столь близки к серьгам салтово-маяцкой культуры, как это казалось раньше.

²¹ Е. Е. Неразник, Ю. А. Раппопорт. Куюк-кала в 1956 г. Полевые исследования Хорезмской экспедиции в 1954—1956 гг., вып. 1. М., 1959, рис. 9.

²² Е. Е. Неразник. Сельские поселения афригидского Хорезма. М., 1966, рис. 67, 6.

²³ Там же, стр. 143.

²⁴ А. М. Левина. Керамика и вопросы хронологии памятников джеты-асарской культуры. «Материальная культура народов Средней Азии и Казахстана». М., 1966, стр. 66—68, рис. 13, 15.

²⁵ Б. Я. Ставиский. О международных связях Средней Азии в V—середина VIII в. (в свете данных русской археологии). «Проблемы востоковедения», 1960, № 5, стр. 117.

²⁶ См. последнюю обобщающую работу о салтово-маяцкой культуре: С. А. Плетнева. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. М., 1967, стр. 197, табл. 4, 36.

²⁷ Н. Я. Мерперт. О генезисе салтовской культуры. КСИМК, вып. XXXVI, 1951, стр. 30.

²⁸ А. А. Гаврилова. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.—Л., 1965, стр. 61 и сл., рис. 7, 4, 5.

²⁹ А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. МИА, № 26, 1952, стр. 83, рис. 45.

А. А. ТАЛИС

РАСКОПКИ БАКЛИНСКОГО ГОРОДИЩА В 1961—1965 гг.

Баклинское городище находится в Бахчисарайском районе Крымской области, на второй гряде Крымских гор, над долиной, расположенной между течением рек Альмы и Бодрака, в 2,5 км к северо-востоку от Скалистого. Это городище в ряду других так называемых пещерных городов юго-западной Таврики известно давно: оно упоминается еще П. Кеппе-ном в 1837 г. Однако раскопкам этот памятник никогда не подвергался. Лишь в 1929 г. Н. А. Эрнст произвел здесь небольшую шурфовку, на основании которой ошибочно датировал городище позднесредневековым временем.

В настоящей публикации излагаются некоторые результаты раскопок, проведенных на Баклинском городище экспедицией Государственного Исторического музея, работавшей в течение трех раскопочных сезонов совместно с Бахчисарайским историко-археологическим музеем¹.

Описываемый памятник состоит из цитадели и примыкавшего к ней поселения. Раскопками выяснено, что Баклинское городище было укреплено боевыми кладками и высеченными в скале пещерными сооружениями, несомненно, боевого назначения.

Оборонительные наземные сооружения состояли из двух линий стен. Более древняя кладка состояла из двух панцирей с забутовкой между ними (минимальный размер камней панциря — 50×60×50 см, максимальный — 100×80×70 см), толщина порядка 1,5 м.

Позднейшая кладка является утолщением первой. Пространство между ними (шириной 30—40 см) залито известковым раствором. Эта кладка сложена из массивных хорошо отесанных блоков известняка размером 90×60×40 см, но есть еще массивнее. Известковый раствор, скрепляющий кладку, очень хорошего качества.

Юго-восточный фланг боевых стен упирался в обрыв. Здесь выявлены следы какого-то сооружения, замыкавшего оборону: башни или боевой площадки.

Среди оборонительных сооружений, высеченных в скале, интересен тоннель, связанный с казематом. Из каземата, кроме тоннеля, был выход прямо вверх, в цитадель.

В северном углу цитадели выявлены остатки прямоугольной надвратной башни. Ее мощный фундамент выложен из плит, пространство между которыми заполнено крупным бутом и залито известковым раствором.

На юго-западном участке цитадели раскопок не производилось, однако границы цитадели прослежены. Здесь также были боевые ком-

¹ В состав экспедиции Государственного Исторического музея входили Д. А. Талис (руководитель экспедиции), В. С. Дедюхина и С. П. Маркелова.

плексы. Некоторые пещеры имели люки, которыми они сообщались с поверхностью, другие — ступенчатые выходы на склон горы.

Первый строительный период на раскопанном участке городища представлен винодельческим комплексом, который находился под навесом на деревянных столбах. В этот комплекс входили цистерны, тарапаны, чаши, водоотводные желобы. Второй строительный период обозначается слоем зеленовато-серой глинистой земли, который перекрывает часть сооружений винодельческого комплекса. В этом слое сохранились кое-где остатки кладок. В третий строительный период входят кладки боевых стен и башен.

Наиболее ранние находки относятся к концу III в. н. э. и к IV в. н. э. Это конические грузила из необожженной глины, имеющие аналогии в Неаполе Скифском, ребрчатые ангобированные амфоры со сложно профилированными ручками, многочисленные аналогии которым имеются на городищах позднего античного времени². Удалось склеить одну амфору, которая сочетает в себе форму венчика, профиль ручек, характер обработки поверхности, структуру теста, присущие амфорам II—III вв., с такой относительно более поздней чертой, как шаровидная форма тулова³. Датировка этой амфоры IV в. н. э. представляется наиболее вероятной. К этому же времени можно отнести и обломки корчажек⁴.

Надпись на обломке мраморной плиты не читается, но эпиграфические особенности начертаний букв не выводят за пределы IV в. н. э., а скорее относятся к III в. н. э. Для средневекового времени такие начертания букв совершенно неизвестны⁵. Интересной находкой этого же времени являются обломки глиняных расписных плит, или кирпичей, выполнявших роль мозаичных плиток.

Поскольку все эти вещи найдены в слое зеленовато-серой глинистой земли, то тем самым определяется дата первого строительного периода — винодельческого комплекса — вторая половина или середина III в. н. э.

Наиболее поздний материал, который встречен в этом слое, — это обломки амфор с густым и частым рифлением, датируемые IV—VI вв. н. э. Это и определяет дату *ante quem* по первой оборонительной линии (рис. 17, 1, 2, 7, 8).

Датой *post quem* является время сооружения второй оборонительной линии. Кладка этой стены перекрывала цистерны, а потому наиболее поздний материал из цистерн определяет время, не ранее которого была сооружена вторая линия обороны. Из этого материала наиболее характерны следующие вещи. Обломки стенок сосудов с гребенчатым, линейно-волнистым орнаментом и горшков, покрытых сплошным рифлением. Время бытования обоих типов сосудов — VIII—IX вв., возможно, начало X в. К этому же времени следует отнести обломки кувшинов со сливом того типа, который известен из раскопок Херсонеса и Скалистенского могильника. Не противоречат этой дате и обломки черепицы с горизонтальным верхним срезом из плотной красной глины с большим количеством включений черного и коричневого цвета. Полнковой керамики в материале цистерн не было найдено вовсе, хотя в слое IX—X вв. на других участках городища обломков белоглиняной полнковой керамики встречено немало (рис. 17, 9, 10).

Таким образом, утолщение боевой стены было построено не ранее IX в. н. э. и, соответственно, первая линия обороны была сооружена позже IV—VI вв. и ранее IX в. Но этот промежуток времени можно значительно сузить, ибо материал, залегающий под этой первой клад-

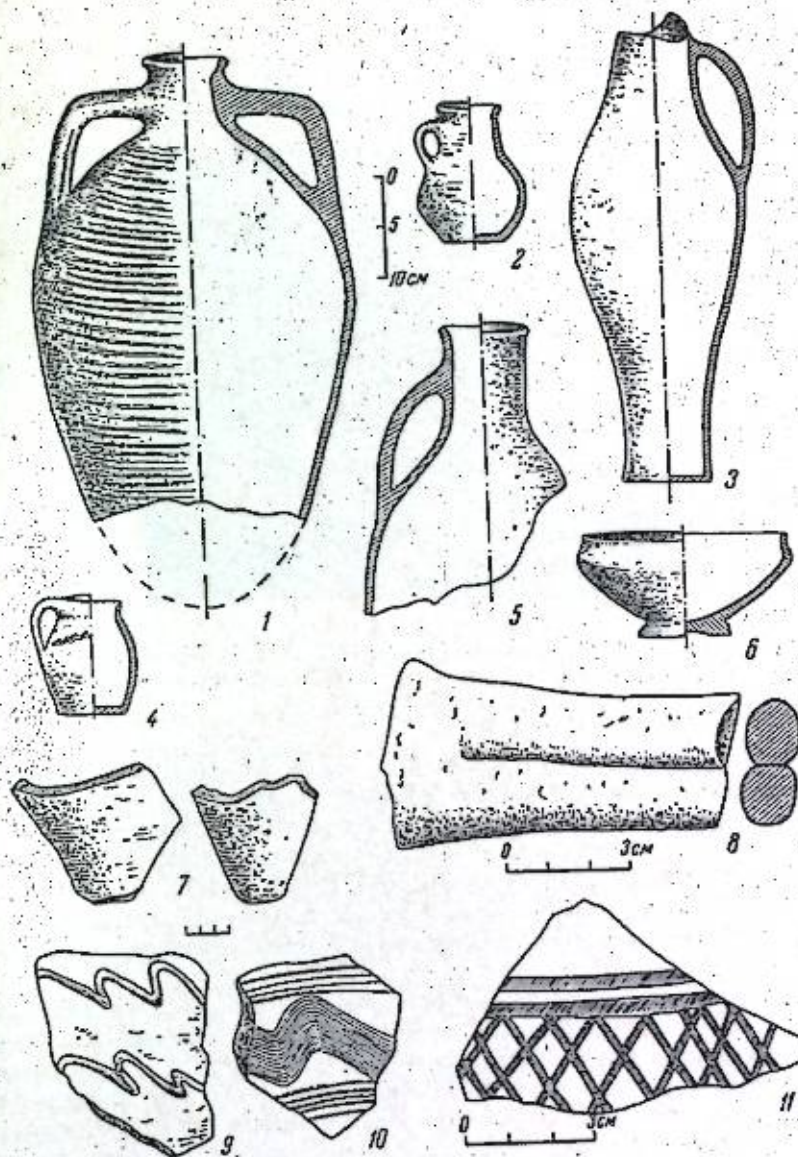

Рис. 17. Керамика Бакинського городища

1, 2, 7, 8 — вторая половина III—IV вв. н. э.; 3 — высокогорный кувшин с плоской ручкой. Из слоя IX—X вв., 4—6 — из слоя XII—XIII вв.; 9, 10 — обломки лепных горшков (VIII—IX вв.); 11 — обломок черлощеного кувшина (VIII—X вв.)

кой, дает не только *terminus ante quem* по, но и ближайшую дату. Кладка, которая подстилается слоем, близка по времени к наиболее позднему материалу из слоя.

Итак, первая линия обороны была воздвигнута не ранее VI в., вторая линия обороны — во второй половине IX—начале X в.

В пределах больших строительных периодов были переделки и перепланировки, что, в частности, прослеживается и по примыкавшим к оборонительным стенам кладкам помещений.

Так, ко времени, предшествующему сооружению стены, относится помещение с кладкой, выложенной в технике квадратной кладки. Во время функционирования оборонительной стены помещение продолжало существовать, и здесь находилась кладовая с пифосами, которые были наполнены зерном.

² И. Б. Зеев. Керамическая тара Боспора, МИА, № 83, 1960, стр. 36, табл. XI, 101, 102, 6.

³ См. И. Б. Зеев. Указ. соч., табл. XXVIII, 96, 97.

⁴ Там же, табл. XXXIX, 98, а, 98, б, 99, 6.

⁵ Датировка надписи принадлежит Э. И. Соломоник.

Рис. 18. Бакинское городище. Кладка 4. Строительный шов отделяет часть ее в технике «квадровой кладки».

После разрушений конца IX или X в., в XI—XII вв. здесь вновь были произведены перестройки, о которых говорит сохранившаяся часть кладки, выстроенная в технике, близкой к технике стен церкви в Лаках и так называемой базилики Леонтия в Херсонесе⁶ (рис. 18). Последний строительный период следует здесь отнести к XIII в.; в результате строительства ранее существовавшие стены помещений оказались частью новых сооружений. Все сооружения этого участка раскопок погибли, судя по поливной керамике, вероятнее всего, в XIV в.

Среди материала осыпи, под обрывом, который являлся результатом сброса с городища, преобладает керамика VIII—IX вв., что говорит об усилении строительной деятельности в X в.

Наступившее в это время оживление обозначается и большим количеством привозной константинопольской поливной белоглиняной керамики. К этому же периоду относится и очень редкая находка клейменной средневековой амфорной ручки, датируемой по аналогии с клейменными амфорами из дворца в Манганах в Константинополе второй половиной IX—первой половиной XI в.⁷

Интересны еще не законченные раскопки здания, стоявшего вне цитадели. Его длина 19 м. В непосредственной близости от здания в скале высечены гробницы.

Здание это погибло в сильном пожаре не позднее X в., так как в верхнем слое, перекрывающем обломки черепиц, упавших с крыши, были найдены фрагменты сосудов, хорошо датирующиеся VIII—X вв. (рис. 17, 11), и много черепицы с метками.

Раскопанный жилой комплекс относится к двум последним периодам существования городища.

Дом состоял из двух небольших помещений: одно $3,75 \times 4$ м; другое — $3,25 \times 3,5$ м. Максимальная высота сохранившихся стен — 140 см.

⁶ А. Л. Якобсон. Церковь в селе Лака. ПИДО, 1934, № 11—12; В. Ф. Гайдукевич. Минимая базилика Лаврентия-Леонтия. МИА, № 34, 1953.

⁷ См.: Д. А. Талис. Средневековая клейменная амфорная ручка из раскопок Бакинское городища. «Археологический сборник. Труды ГИМ», вып. 40, 1966.

Рис. 19. Бакинское городище. Жилой комплекс. Помещение I

Кладка состоит из камней разной величины, а иногда прослеживаются отличия и в самой технике кладки.

В стенах помещений наблюдается кладка «в елочку». Камни, входившие в кладку этих стен, как правило, небольшого размера, с лицевой стороны подтесанные (рис. 19).

В последний период своего существования дом являлся двухэтажным, что устанавливается высотой лестницы, которая вела в верхний этаж (90 см). Нижние этажи обоих помещений являлись нежилыми; в помещении I нижний этаж представлял собой углубленное в землю помещение, в которое вела каменная лестница из трех ступеней. В помещении II пол нижнего этажа находился на уровне наружного пола. Очагов ни в одном из помещений не было. В помещении I пол подвального помещения был устлан брусьями, почти квадратными в сечении. Здесь, очевидно, хранили зерно, так как непосредственно на этом настиле были выявлены большие скопления зерен пшеницы. На полу второго помещения деревянного перекрытия не было.

Этим помещениям предшествовали сооружения другого строительного периода, которые представлены, в частности, кладовой с пифосами. Горловины пифосов находились в желтоватом глинистом слое, который залегал под деревянным полом.

Следует отметить, что хронологически эти два строительных периода довольно близки.

В верхнем слое найдены многочисленные обломки сосудов, которые удалось реставрировать (рис. 17, 4, 5, 6). Керамика имеет близкие аналогии в формах кувшинов, горшков, мисок с найденными в соответствующих слоях Херсонеса, где она датируется XIII—XIV вв.⁸ Но хотя формы сосудов и близки херсонесским, бакинские выполнены на ручном круге, а некоторые образцы лепные. Вместе с тем в слое найдены и предметы херсонесского импорта — амфоры и обломки красноглиняной поливной керамики.

⁸ А. Л. Якобсон. Средневековый Херсонес. МИА, № 17, 1950, стр. 111, рис. 68—69.

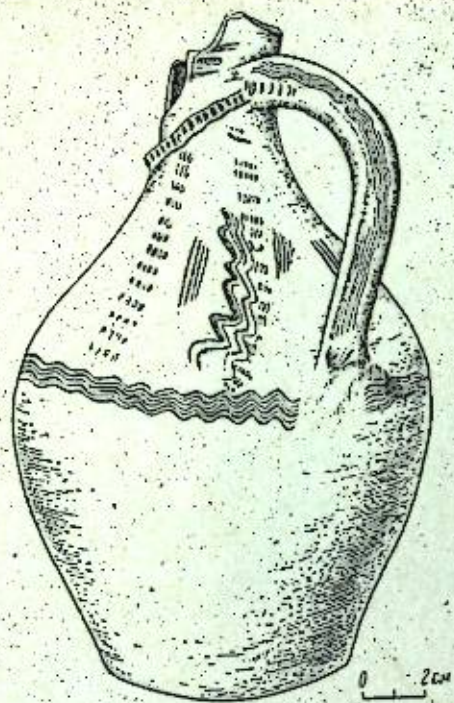

Рис. 20. Бакинское городище. Кувшины из раскопок верхнего слоя

В слое, стратиграфически предшествовавшем верхнему, были найдены сосуды, подобные сосудам вышележащего слоя в форме и в технике выполнения. Отметим кувшины с ойнохоевидным венчиком и штампованным орнаментом в виде четырехчастного круга. Подобного типа кувшины известны в Херсонесе и в Закавказье и могут датироваться XII—XIII вв. К этому же времени необходимо отнести и обломки сероглиняных рифленых амфор с ручками, почти горизонтально отходящими от горла и под прямым углом спускающимися вниз.

Круг аналогий не исчерпывается только позднесредневековым Херсонесом, но связывает этот памятник с другими городищами горной Таврики, прежде всего с Эски-Керменом⁹.

Особенно характерна орнаментика сосудов — чаще всего в виде врезной многорядной или одинарной волнистой линии, которая связывает этот орнамент с украшениями, бытовавшими в Таврике в VIII—IX вв., и

указывает на генетические связи с керамикой Саркела и некоторых других цимлянских городищ¹⁰.

Вместе с тем наличие сосудов своеобразной формы, не находящихся прямых аналогий с синхронными изделиями в других районах, указывает на существование собственных, достаточно долго развивавшихся традиций изготовления керамики (рис. 20).

В верхнем слое описываемого жилого дома был найден большой и очень интересный комплекс железных орудий: зубатки, кайла, мотыжки, топоры, двойное орудие секира-кайло (рис. 21). Набор орудий указывает на занятие обитателей этого дома — это был, очевидно, мастер-каменотес, обитавший около боевых стен и следивший за их состоянием. Важна находка секиры-кайла — сельскохозяйственного орудия, применявшегося в специфических условиях горно-лесной местности.

Интересную находку представляет крица типичной двурогой формы, с большим содержанием неотшлакованных углистых включений, весом 7,5 кг.

Описанное жилище погибло в сильном пожаре, судя по керамике, в XIII—XIV вв.

Подведем некоторые итоги раскопок. Поселение, возникшее здесь во второй половине III или в начале IV в. н. э., было неукрепленным по меньшей мере в течение полутора, а то и двух столетий. Это является указанием на благоприятную политическую ситуацию, существовавшую тогда в рассматриваемом районе Таврики.

⁹ Несколько сосудов издано А. Л. Якобсоном (Указ. соч., рис. 49, 50, 52, 54, 55). Н. И. Реников. Эски-Кермен в свете археологических разведок 1928—1929 гг. ИГАИМК, т. XII, вып. 1—8, 1932, стр. 169, рис. 87. Большая часть материала из раскопок Эски-Кермена не издана.

¹⁰ См.: С. А. Плетнева. Керамика Саркела—Белой Вежи. МИА, № 75, 1959, стр. 221, рис. 9.

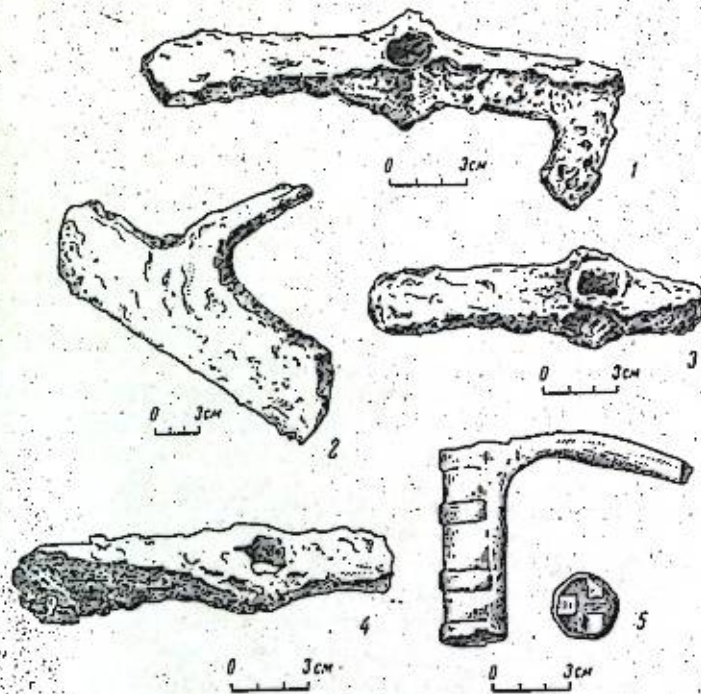

Рис. 21. Бакинское городище. Железные изделия из раскопок верхнего слоя

1 — секира-кайло; 2 — зубатка; 3 — кайло; 4 — топор; 5 — замок

Крепость стратегически расположена плохо, именно: в радиусе досягаемости стрел, пущенных сверху, с горного плато, нависающего над крепостью, откуда она видна как на ладони.

Строительство здесь укреплений было обусловлено необходимостью в убежище. Как убежище крепость расположена удобно, ибо горная гряда, с которой ее можно обстреливать, прикрывала крепость с севера.

Особенности местоположения Бакинское городища не позволяют связывать возникновение крепости с деятельностью византийской администрации и причислить памятник к *limes tauricus*, ибо он выстроен с нарушением основного фортификационного принципа: не подставлять крепость под обстрел сверху.

Вместе с тем наличие в технике строительства ряда приемов, восходящих к византийским образцам, может указывать на участие в строительстве в известные периоды и херсонесских или византийских строителей.

Большое количество белоглиняной поливной керамики IX—X вв. на Бакинском городище, а это керамика не херсонесская (там ее в это время не производили), а константинопольская, свидетельствует о связях с Константинополем, вероятно через Херсонес.

Город погиб скорее всего в XIV в., в результате сильного разрушения и пожара.

Э. А. СИМОНОВИЧ

ПОСЕЛЕНИЯ VI—VII вв. НА ЧЕРНИГОВЩИНЕ

На склоне первой надпойменной террасы правого берега р. Малотечи, небольшого притока р. Десны, между селами Стахорщина и Кудлаевка Новгород-Северского района Черниговской области открыто поселение без явных признаков укреплений. Территорию селища с запада ограничивает овраг; с севера — невысокий уступ берегового склона; на юге поселение прорезает ложбина, возможно, позднего происхождения, поскольку и за нею на поверхности встречаются обломки лепной посуды; с востока склон пологий. Находки встречаются, начиная от обрыва берега на юг на расстоянии до 80—100 м. Обломки керамики на поверхности мелкие и немногочисленные, а кости древних животных не встречаются. С остатками поздней усадьбы, возможно, связаны отдельные фрагменты сероглиняной гончарной посуды XVII—XVIII вв.

На площади древнего поселения были заложены три траншеи: две в северной стороне (№ 1 и № 3) над обрывом берега и одна (№ 2) в глубине, южнее, возле конца оврага, ограничивающего поселение с запада.

Мощность культурного слоя во всех траншеях не превышала 0,20—0,25 м. Подстилающим был желтый песок, переходящий на глубине 0,45—0,50 м в плотную красноватую супесь. В северных траншеях № 1 и № 3 на площади 10 × 2 м было небольшое число мелких и невыразительных обломков лепной керамики. Две округло-цилиндрические плоскодонные ямы диаметром 1,20 и 0,50 м при глубине 0,60 и 0,21 м лишены были каких-либо находок.

Самые интересные материалы дала южная траншея № 2, превращенная в раскоп площадью 66 кв. м. Культурный слой там оказался более насыщенным обломками керамики. В северной части траншеи зачисткой была выявлена большая сужающаяся книзу яма, размерами 1,50 × 1,32 м при глубине 0,62 м. Она содержала 30 обломков лепной посуды, угольки и в верхних слоях заполнения — железное кольцо (рис. 22; рис. 23, 14).

На юг от ямы было прослежено пятно полуземлянки. С ее заполнением связано большинство сделанных на поселении находок. Постройка была ориентирована по странам света и имела форму почти правильного квадрата со сторонами 4,80 м с выступом на месте входа в юго-восточном углу. Стенки почти отвесные. Пол довольно ровный, утрамбованный, залегал на глубине 0,75 м от современной поверхности, углублен в материк на 0,25—0,45 м. Угловых столбов не было, крыша, по-видимому, поддерживалась столбом в центре, где была выкопана округлая цилиндрической формы столбовая яма глубиной 0,38 м. Вероятнее всего, кровля была шатровая. Опоры шатра упирались в почву и не были прослежены.

¹ Поселение было обнаружено в урочище Левкин Бугор во время работ Южно-ского отряда ИА АН СССР 1966 г., произведены пробные раскопки, вскрыто 106 м².

В центре ближе ко входу, где было черное углистое заполнение, находился очаг округлой формы. Его место отмечено прожженным участком пола, углями и обломками двух дниц лепных сосудов. Небольшие ямки вокруг очага скорее всего были связаны с внутренним устройством жилища. Овальная яма в северо-западном углу имела плоское дно и бедное заполнение (два обломка керамики). Это, видимо, была хозяйственная яма. Под западной стенкой, где прослежены неглубокие ямки, на полу была найдена часть лепного горшка, профиль которого восстанавливается полностью (рис. 24, 3). В пределах постройки найдено много керамики: в первом слое заполнения — 302 фрагмента, во втором — 151 фрагмент и на полу полуземлянки — 71 фрагмент. Некоторые находки достаточно выразительны и позволяют составить представление о господствовавших формах посуды. Все венчики принадлежали лепным нелощеным горшкам, миниатюрным и крупным, сделанным из глины преимущественно с примесью мелкозернистого песка. Кроме горшков, встречены обломки двух сковородок или крышек (рис. 28, 8).

Цвет поверхности серовато-желтый и коричневатый. Видны следы, оставленные при заглаживании пальцами². Края венчиков небрежно сделанные, слегка отогнутые. Нижняя часть сосудов обработана грубее. Наиболее распространенным было заглаживание низа горшка вертикальными полосами щепочкой либо пучком травы, потому нередко края дниц — неровные, с закраинами. Дно снаружи иногда имеет негладкую поверхность от подсыпки песка, на котором лепили сосуды. Сосуды без орнамента, техника формовки — ленточная. Наряду с полностью восстанавливаемым горшком были баночные тюльпановидные сосуды, с почти цилиндрическими донцами и стенками, слегка расширяющимися вверх. Во всех случаях края сосудов, округлые или слегка угловатые, в профиле не были утоплены. Их от тулова отделял легкий перегиб, с постепенным переходом в пологие плечики. Максимальный диаметр венчика горшка был около 23 см.

Кроме обломков посуды, в пределах жилища было найдено 11 глиняных пряслиц или их обломков. За исключением одного уплощенно-округлого, все они биконические, более или менее вытянутые, с большими отверстиями. Они были от желтоватого и серого до темно-коричневого, почти черного цвета. Сделали их из глины с примесью песка, но иногда более тонкого состава, чем в сосудах. Поверхность пряслиц шероховатая или заглаженная. Некоторые из них не вполне симметричны (рис. 23, 1—13).

Два небольших железных ножа, один из которых имел сильно сточенное лезвие и обломок кремня, возможно от кресала, — вот все, что еще было обнаружено в пределах полуземлянки (рис. 23, 15—16). Форма постройки, находки из железа и глины, в частности баночные формы горшков, позволяют отнести поселение на Левкином Бугре приблизительно к VI—VII вв. н. э.

Близкую по форме керамику дали разведки 1965 г. в поселении Фостровичи Новгород-Северского района, в урочище Селище, расположенном в условиях, сходных с Левкиным Бугром, где найдены обломки лепной керамики третьей четверти I тысячелетия н. э. В северной же части поселения были встречены многочисленные фрагменты гончарной посуды эпохи Киевской Руси. Лепная посуда древнего периода принадлежала баночным горшкам с полого спускающимися плечиками и почти тюльпановидными формами сосудов. Форма дниц и обработка поверхности нижних частей сосудов напоминает керамику из Левкиного Бугра, но имеет примеси шамота (рис. 24, 10, 11, 14, 16). Некоторые случайные находки из ближай-

² А. В. Кирьянов и Н. А. Кирьянова обнаружили на двух обломках сосудов отпечатки растительных волокон, на внутренней поверхности одного из сосудов — отпечаток зерна, видимо, мягкой пшеницы.

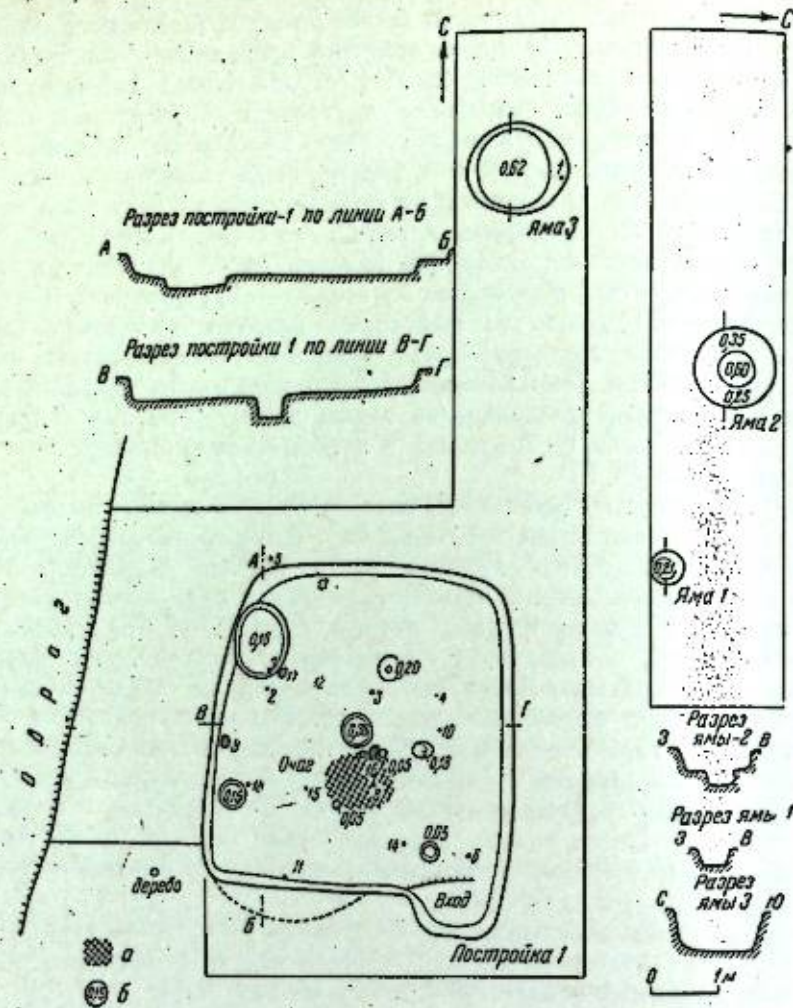

Рис. 22. Поселение Левки Бугор

Планы траншей: 1 — траншея № 2; 2 — траншея № 1; а — прожженный песок на месте очага; б — яма

ших областей Левобережья, возможно, относятся к тому же периоду. Лепной горшок, найденный в районе г. Конотопа³, чрезвычайно близок сосудам Акатовского могильника под г. Смоленском⁴ и находкам на городище Колочин I на Гомельщине⁵. Другой лепной горшочек, из с. Трифонова, найденный в районе обнаружения Харьевского клада, хранится в Путивльском музее и находит аналогии в среднеднепровских материалах Потясинья⁶ (инв. № 1405). Ближе всего сосуду из полуземлянки сосуд из поселения Большие Будки в Посулье⁷, но он сделан из глины с примесью шамота.

³ Хранится в местном музее, инв. № 404.

⁴ Е. А. Шмидт. Некоторые археологические памятники Смоленщины второй половины I тысячелетия н. э. МИА, № 108, 1963, стр. 61, рис. 11, 2.

⁵ Э. А. Симонович. Городище Колочин I на Гомельщине. МИА, № 108, 1963, стр. 119, рис. 17, 7.

⁶ Д. Т. Березовец. Поселения уличей на р. Тясмине. МИА, № 108, 1963, стр. 161, рис. 9, 6.

⁷ Разведки В. А. Ильиной и А. И. Тереножкина в 1966 г. Подобные формы горшков известны в Стецовке I (Среднее Приднепровье) (см.: В. П. Петров. Поселение Стецовка. МИА, № 108, 1963, стр. 224, рис. 8, 2) и на поселении у с. Скибницы (Южный Буг) (см.: П. И. Хавлюк. Раннеславянские поселения в средней части Южного Побужья. СА, 1961, № 3, стр. 190, рис. 4, 2, 3).

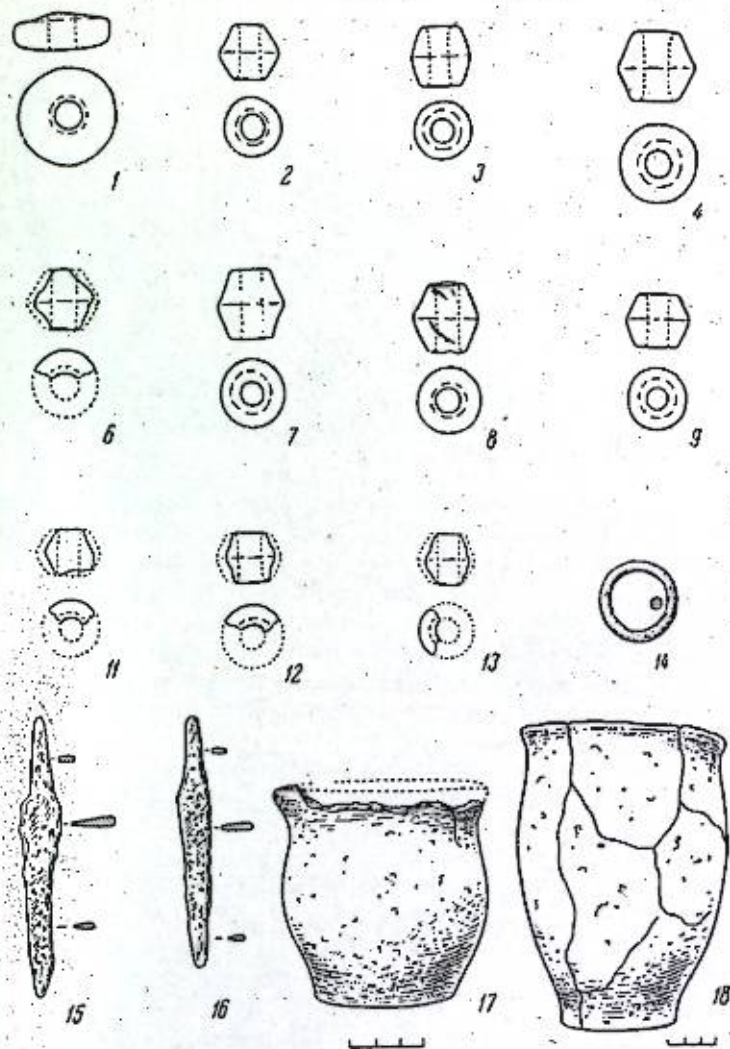

Рис. 23. Поселение Левки Бугор. Находки из раскопок

1-13 — гонимые пряслицы; 14 — железное кольцо; 15, 16 — железные ножи; 17 — лепной сосуд из с. Трифоново; 18 — лепной сосуд из района г. Конотопа

Основным же публикуемым материалам, полученным из Новгород-Северского района, имеются параллели в областях Белоруссии, Брянщины, Смоленщины, Западной Украины и Среднего Поднепровья. Тюльпановидные горшки и днища с неровными выступами по краю вполне аналогичны керамическим материалам из Акатова, Кветунь-Макоорзно, Колочина I и Тушемли⁸. Более определенно указать направление культурных и торговых связей населения, оставившего памятники в районе г. Новгород-Северского, в настоящее время невозможно, так как не получено никаких данных об их существовании вообще. До сих пор было совершенно не ясно, что представляло собой черниговское Подесенье в середине I тысячелетия

⁸ Е. А. Шмидт. Некоторые археологические памятники, стр. 61, рис. 11; Л. В. Артишевская. Могильник раннеславянского времени на р. Десне. МИА, ч. 108, 1963, стр. 90, рис. 3, 8; Э. А. Симонович. Городище Колочин I, стр. 128, рис. 23; В. Д. Баран. Раннеславянское поселение, стр. 363, рис. 9; П. Н. Третьяков. Древние городища Смоленщины. Сб. П. Н. Третьяков, Е. А. Шмидт. Древние городища Смоленщины. М.—Л., 1963, стр. 69, рис. 29.

А. А. БОБРИНСКИЙ

ГЛИНЯНЫЙ НОЖНОЙ ГОНЧАРНЫЙ КРУГ ИЗ АРМЕНИИ

В фондах Государственного музея истории Армении (Ереван) хранятся четыре образца различных по конструкции глиняных гончарных кругов, обнаруженных при раскопках в Двине. Три из них представлены целыми экземплярами ручных гончарных кругов. От одного круга — четвертого — сохранилась лишь верхняя часть. Однако по некоторым деталям в устройстве его тоже оказалось возможным связать с определенным типом гончарного круга.

Этот обломок круга обнаружен в раскопках 1962 г.¹ От него сохранился рабочий диск и часть стенок корпуса (рис. 25, 1, 2, 3). Диаметр диска 34 см, толщина 5 см. Торец его немного скошен к центру верхней плоскости. Корпус представлял собою полый цилиндр, сужавшийся книзу. Диаметр его под рабочим диском 28 см. Стенки корпуса сохранились на высоту 10—12 см. Они имеют толщину около 2 см. Под самым диском в цилиндрическом теле корпуса при изготовлении орудия было вырезано специальное окошко прямоугольной формы шириной 9,5 см. В центре диска находится сквозное конусовидное отверстие диаметром на выходе к нижней стороне 6 см, к верхней — 2 см. На верхней плоскости вокруг отверстия поверхность диска оказалась сколотой. Корпус украшен под диском одиночной волнистой линией, а немного ниже — наlepным валиком с зашипами. Цвет обломка коричневатокрасный. Руководитель раскопок в Двине К. Г. Кафадарян, любезно предоставивший эту находку для публикации, датирует ее IX—X вв.

При ее осмотре выяснилось, что на стенках конусовидного отверстия, расположенного в центре диска, имеются многочисленные царапины в виде концентрически замкнутых окружностей или различной длины дуг этих окружностей.

¹ Фонды археологического отдела Государственного музея истории Армении, шифр хранения: 2243 : 302
Д: 1962 г.

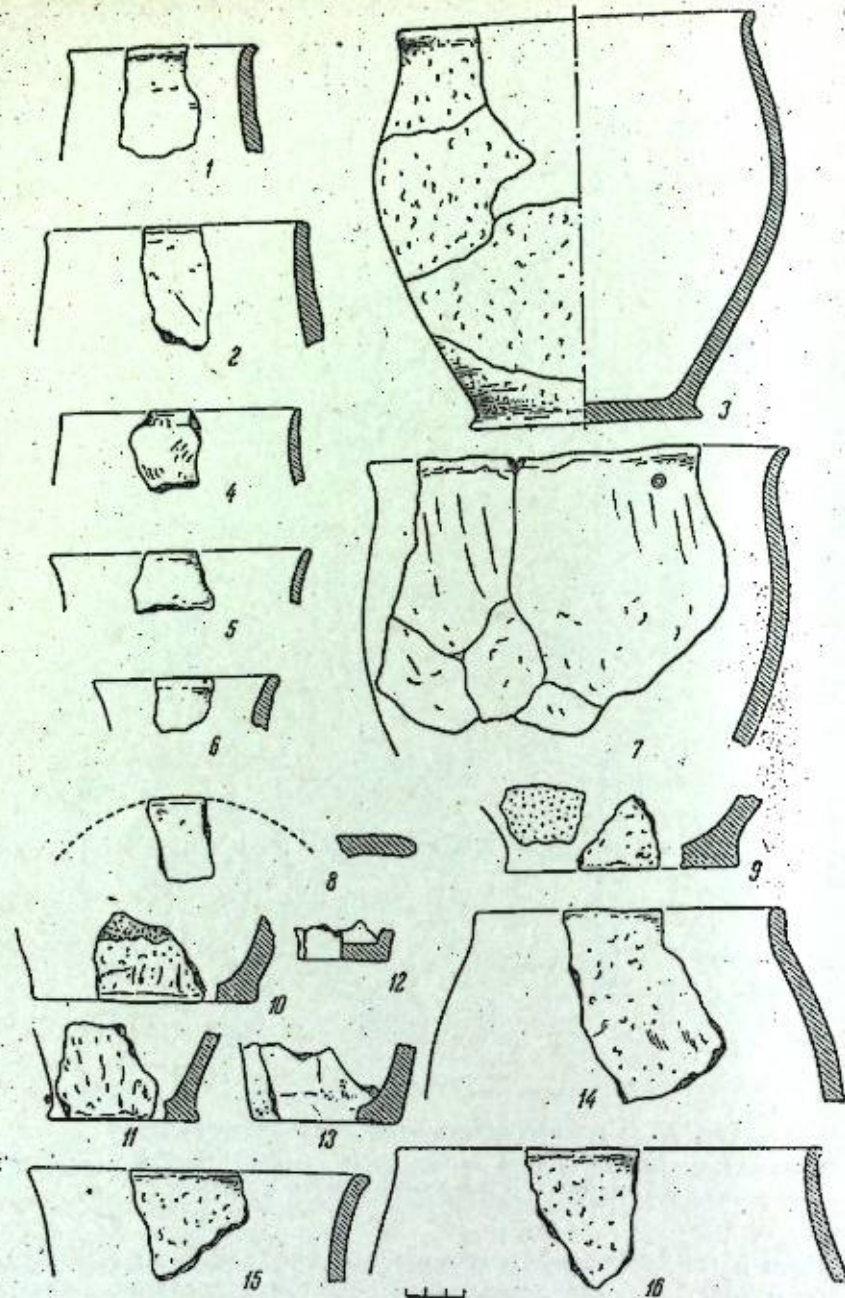
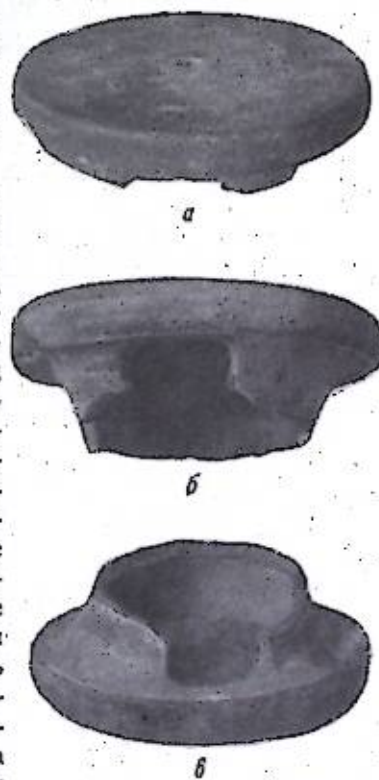

Рис. 24. Лепная посуда.

1—9, 12, 13 — поселение Левкий Бугор; 10, 11, 14, 16 — Форостовичи

тия н. э. Обнаружение первых следов поселений оседлых племен третьей четверти I тысячелетия н. э., безусловно предшествовавших роменским, опровергает предположение И. И. Ляпушкина о существовании полукочевого населения на Левобережье и отсутствии следов оседлости⁹. Новые раскопки и сборы являются, таким образом, еще одним звеном в цепи памятников лесной зоны, отражающих историю племен в I тысячелетии на территории Подесенья.

⁹ И. И. Ляпушкин. Днепровское лесостепное Левобережье в эпоху железа. МИА, № 104, 1961, стр. 182, 352.

Рис. 25. Обломок верхней части глиняного гончарного круга с окошком из раскопок в Двине
а — вид сверху; б — вид сбоку; в — вид снизу

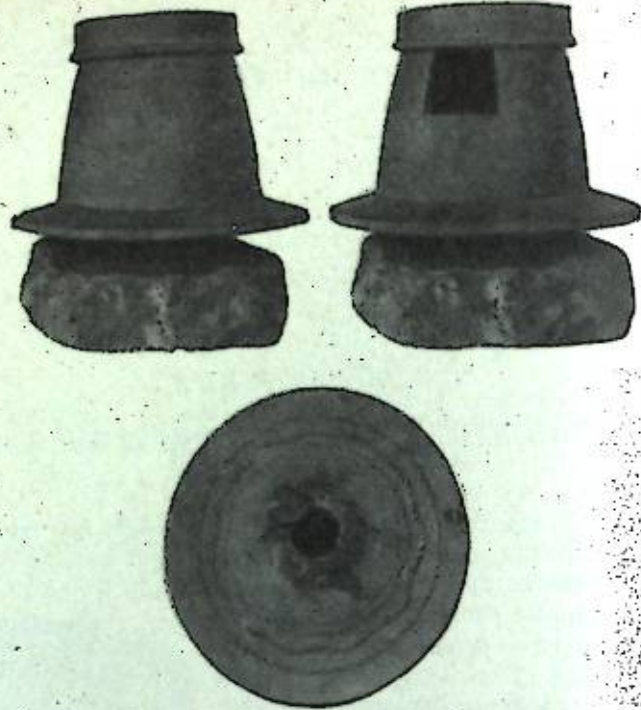

Рис. 26. Этнографический образец глиняного гончарного круга с окошком (с. Мегри, южная часть Армении)

Такие следы могли образоваться только при вращении круга в результате длительного трения стенок отверстия о неподвижную ось с заостренным концом.

Сколы вокруг отверстия на выходе его к рабочей плоскости свидетельствуют о том, что первоначально в центре нижней плоскости диска было сделано небольшое углубление для верхнего конца оси. Оно играло роль опорного подшипника. Круг, одетый на ось, должен был опираться всей своей массой на верхний конец оси, помещенной в такое углубление. При вращении орудия из-за постоянного трения стенок углубления об ось первоначальные размеры и форма опорного подшипника менялись. Постепенно он становился все более глубоким, пока под тяжестью круга не оказался продавленным насквозь. Именно с таким продавливанием связано образование сколов вокруг отверстия на выходе его к рабочей плоскости.

Удерживать равновесие при вращении это орудие практически могло только имея два подшипника — опорный и скользящий. Второй подшипник должен был располагаться в нижней части корпуса.

Эти наблюдения позволяют заключить, что находка представляет собою верхнюю часть изношенного глиняного гончарного круга, который имел неподвижную ось, два подшипника (опорный и скользящий), полый корпус, украшенный орнаментом и снабженный сбоку специальным окошком.

Из раскопок в Двине происходит и целый экземпляр глиняного диска с полым корпусом от ручного гончарного круга меньшего размера, который сходен с рассматриваемой находкой. Однако между ними есть и различия, причем одно из них весьма существенное. В корпусе целого диска от ручного круга нет специально вырезанного окошка, какое есть в верхней части корпуса обломка. Окошки служили для точной и быстрой установки орудия на ось. Таких своеобразных приспособлений для установки не известно ни у одного ручного круга, найденного в раскопках или зафиксированного этнографически на территории СССР и за его преде-

лами, хотя и из раскопок, и по данным этнографии мы знаем немало разных по конструкции ручных гончарных кругов. Это обстоятельство позволяет предположить, что рассматриваемая находка не является частью ручного круга.

Для ее интерпретации большой интерес представляет целый образец глиняного гончарного круга с такими же конструктивными признаками, хранящийся в фондах этнографического отдела музея истории Армении (рис. 26) и доставленный сюда в 1932 г. из с. Мегри (на юге Армении), где им пользовались местные гончары².

Он состоит из трех частей: плоского каменного основания круглой формы с грубо обитыми боковыми сторонами и сквозным отверстием в центре для укрепления нижнего конца оси, деревянной цилиндрической оси с заостренным верхним концом³ и глиняного тела самого круга, вращавшегося на такой оси.

Глиняное тело орудия изготовлено с помощью другого гончарного круга и затем обожжено. Диаметр его рабочего диска около 20 см, толщина 4,5 см. Торец немного скошен к центру верхней плоскости и опоясан у нижнего края валиком высотой около 1 см. Сразу под валиком начинается круглое полое тело корпуса, диаметром около 24 см, которое книзу расширяется до 27 см. Внизу на расстоянии 25 см от рабочего диска к корпусу примазан второй диск диаметром около 40 см. Толщина его у корпуса около 3,5 см. Он имеет небольшой наклон к краям, у которых становится толщиной 1,5 см. Нижняя сторона большого диска у краев плоская, но ближе к центру имеет выпуклую форму. В центре этой выпуклой части сделано сквозное отверстие для оси диаметром 5,5 см. Оно обклеено мешковиной, пропитанной дегтем. В самом теле подшипника под рабочим диском имеется специально вырезанное при формовке окошко. Оно расширяется немного книзу. Ширина его у верхнего края 7 см, у нижнего — 8,5 см, высота 7,5 см. На уровне окошка корпус опоясывают два валика, украшенные защипами. На нижней стороне большого диска тоже имеется орнамент в виде валиков с защипами и волнистой линии. При осмотре следов износа было замечено, что на верхней стороне большого диска оказался стертый первоначальный рельеф следов, тогда как на нижней стороне следы износа совершенно отсутствуют. Здесь сохранился рельеф следов, образовавшийся при изготовлении круга. Эти особенности важны для установления способов приведения орудия во вращательное движение. Если бы оно приводилось в движение рукой, которой вращали нижний диск, то мы наблюдали бы стертость первоначального рельефа не только на верхней, но и на нижней стороне диска. Однако этого нет. Следы износа оказались лишь на верхней стороне, и это дает основание для заключения, что круг приводился в движение толчками ноги. Перед нами, таким образом, один из любопытнейших этнографических образцов ножного гончарного круга.

То обстоятельство, что и на обломке круга, обнаруженного в Двине, имеется окошко — деталь, не свойственная ручным кругам, позволяет предположить, что рассматриваемый здесь обломок является верхней частью ножного круга, аналогичного по своему устройству этнографическому образцу глиняного ножного круга из южных районов Армении. От сохранившегося до наших дней орудия двинская находка отличается

² Согласно устному сообщению сотрудников Музея, круг был приобретен этнографической экспедицией под руководством С. Д. Лисициана. Номер хранения: 3332 (старый номер — 324).

³ Каменное основание, на котором смонтировано орудие, по-видимому, было доставлено вместе с кругом, а конусовидная ось изготовлена в музее при подготовке орудия к экспозиции. Однако точных сведений о происхождении этих двух деталей и их соответствии первоначальным оригиналам, какие были у круга, не сохранилось.

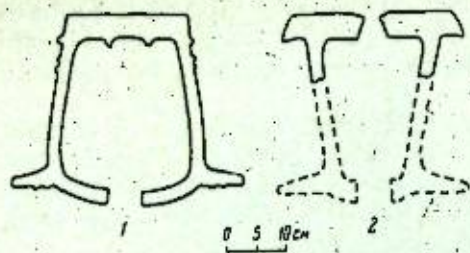

Рис. 27. Очертания глиняных гончарных кругов в разрезе

1 — этнографический образец; 2 — археологический образец и предполагаемая реконструкция его формы

были сохранены некоторые признаки, указывающие на его эволюционную связь с ручными кругами. Он очень низок, а на нижней стороне большого диска, по-видимому, имел шаровидную выпуклость — деталь, которой характеризуются именно ручные круги, известные на Кавказе по данным этнографии и обнаруженные в Армении при раскопках Кармир-Блур⁵.

Однако у нас нет оснований рассматривать это орудие как одно из изобретений средневековых армянских мастеров керамики. Своим происхождением оно, по-видимому, связано со странами зарубежного Востока, где было известно задолго до появления в IX—X вв. на территории Армении. Об этом, в частности, свидетельствуют рельефы на стенах храма в святилище Осириса, расположенного на о. Филе в Верхнем Египте. На восточной и западной стене здесь имеются два изображения ножных кругов с такими же коническими корпусами, как и у армянских орудий, но относящихся к III в. до н. э.⁶

⁵ В этой связи хотелось бы заметить, что интерпретация одного из глиняных дисков грибовидной формы, найденного в Двине в 1949 г., как детали от ножного гончарного круга с подвижной осью, предложенная К. Г. Кафадаряном, вызывает возражение (см.: К. Г. Кафадарян. Двин и его раскопки с 1937 по 1950 г. Ереван, 1952). При осмотре этого диска выяснилось, что он имеет в торце глухое конусовидное отверстие, на стенках которого сохранились многочисленные следы вращения диска на неподвижной оси. Такие следы могли возникнуть только при использовании диска в качестве детали ручного, а не ножного круга. Вообще же грибовидные диски такого же вида действительно применялись в качестве рабочего стола для формовки у ножных кругов с подвижной осью. Но они глухо крепились при этом на оси, для чего отверстие в них делалось обычно не круглое, не конусовидное, а квадратное или многогранное.

⁶ А. А. Бобрянский. Гончарный круг с мраморным диском из городища Роксоланы. СА, 1966, № 3, стр. 238—239, рис. 3, 4.

⁶ A. Pieth. 5000 Jahre Töpferscheibe. Thorbecke (1960), стр. 48, рис. 72, 73.

В. А. КУЗНЕЦОВ

РАСКОПКИ НИЖНЕ-АРХЫЗСКОГО ГОРОДИЩА

В 1963—1964 гг. было продолжено археологическое исследование Нижне-Архызского городища X—XII вв., начатое в 1960 г.¹

В 1963 г. основной раскоп был заложен в пределах Подгорной улицы² города, идущей параллельно подошве хребта Ужум, где расположены были две постройки, представлявшие всхолмления с массой битого камня под дерном. Одновременно был вскрыт небольшой участок улицы, прилегающей к постройкам.

Средняя ширина улицы составляет 3 м; следов вымостки не прослежено.

Здания со стороны улицы были отделены каменной оградой с закругленным углом (рис. 28). Ширина ограды 0,60 м, сохранившаяся высота до 1,0 м, следов проемов нигде не было.

Здание А в плане представляет вытянутый, четырехугольник, ориентированный с северо-запада на юго-запад. Длина здания 10,10 м, ширина 6,70 м (внешний обмер), ширина стен 0,60 м. В западной и юго-западной частях высота стен достигала 1,70 м. Кладка сухая, следов штукатурки нет. Внутри здание было разделено на три помещения, имеющих общую площадь около 68 кв. м.

Помещение I находилось в северном углу здания. Размеры внутри 5,55 × 2,60 м. Пол (земляной) открыт на глубине 1,0 м, на полу у юго-восточной стены лежала большая плоская плита, возможно служившая столом. Около нее обнаружена плита с чашеобразным углублением 0,33 × 0,26 м — ступа и курант. Все это позволяет считать помещение I хозяйственным.

Помещение II, вероятно, было жилым (рис. 28). Пол его земляной. Никаких сооружений хозяйственного назначения не обнаружено (в том числе и остатков очага). В завале на глубине 0,75 м найден обломок глиняного котла с внутренним ушком (рис. 29, 6). На том же уровне и несколько глубже обнаружены сломанное железное шило и обломок синего стеклянного браслета, круглого в сечении (рис. 29, 5). На полу помещения найдены два обломка мельничных жерновов; в завале и на земляном полу — фрагменты керамики, кости животных, железные шлаки, обломок стенки тонкого стеклянного сосуда, железное колечко.

Помещение III расположено в южном углу здания. Размеры его 2,10 × 2,05 м, стены выложены вперевязь со стенами здания. Следов проемов нет, высота стен — до 0,80 м.

¹ Работы проводились Зеленчукским отрядом Северокавказской экспедиции ИА (начальник экспедиции Е. И. Крупнов).

² Наше условное наименование улицы, объясняющееся ее топографическим положением.

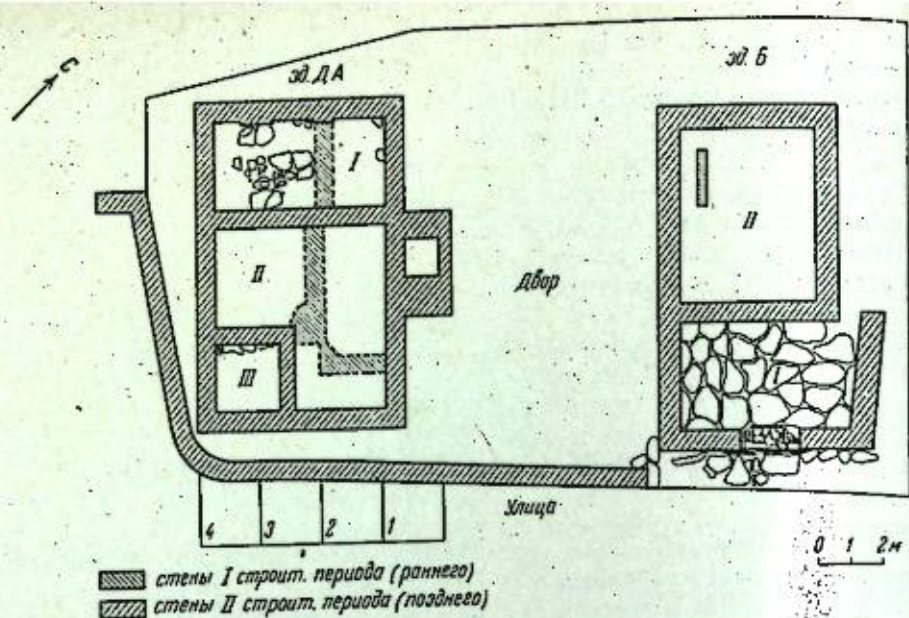

Рис. 28. Нижне-Архызское городище. План раскопа с остатками зданий

Можно полагать, что маленькое помещение III играло роль домашней кладовки. Здесь необходимо обратить внимание на один примечательный факт — ни в одной из стен здания (несмотря на более чем 1,5 м высоту) нет дверных проемов. Это наводит на мысль, что проемы были выше, а мы вскрыли нижнюю глухую часть здания — подклет. В пользу такого предположения говорит и каменное крыльцо, пристроенное к северо-восточной стене (рис. 28). Аналогичная картина наблюдалась в 1962 г. при раскопках церкви № 4³. Вероятно, кладовая была выделена лишь в подклете, перекрытом деревянным полом большого жилого помещения II. При высокой влажности местного климата поднятие пола жилого помещения было весьма вероятным.

Здание Б расположено на расстоянии 6,5 м к северо-востоку от здания А. Состояло из двух помещений (рис. 28). Длина здания 10,5 м, ширина помещений неодинакова. К южному углу здания почти вплотную подходит ограда, а образовавшийся промежуток закрыт тремя большими валунами.

Юго-восточная стена помещения I фасадом обращена на улицу. В ней сделан проем шириной 1,82 м, поднятый над полом помещения на 0,22 м. Перед входом — вымостка из плит, а вдоль стены пять валунов. В северном углу открыт второй вход, но очень узкий — 0,68 м. Он вел во двор. Размеры помещения I 5,25 × 3,35 м. Пол его выложен плоскими плитами. При расчистке пола найдены: обломок ручного мельничного жернова с отверстием для ручки у края, фрагменты керамики, кости животных, железные шлаки, осколок донца стеклянного сосуда (рис. 29, 8), каменные «колесики» (рис. 29, 1).

Ничтожное количество находок и то, что помещение I не было подклетом, дает основание считать его приспособленным для хозяйственных нужд. Обращает на себя внимание то, что со стороны улицы помещение имело необычно широкий вход, тогда как средняя ширина дверных проемов на городище не достигает и 1 м. Полагаем, что описанное помещение было предназначено для содержания крупного рогатого скота, на что указывает и каменный пол, удобный при очистке помещения от навоза.

³ В. А. Кузнецов. Раскопки аланских городов Северного Кавказа. КСИА, вып. 98, 1964, стр. 112.

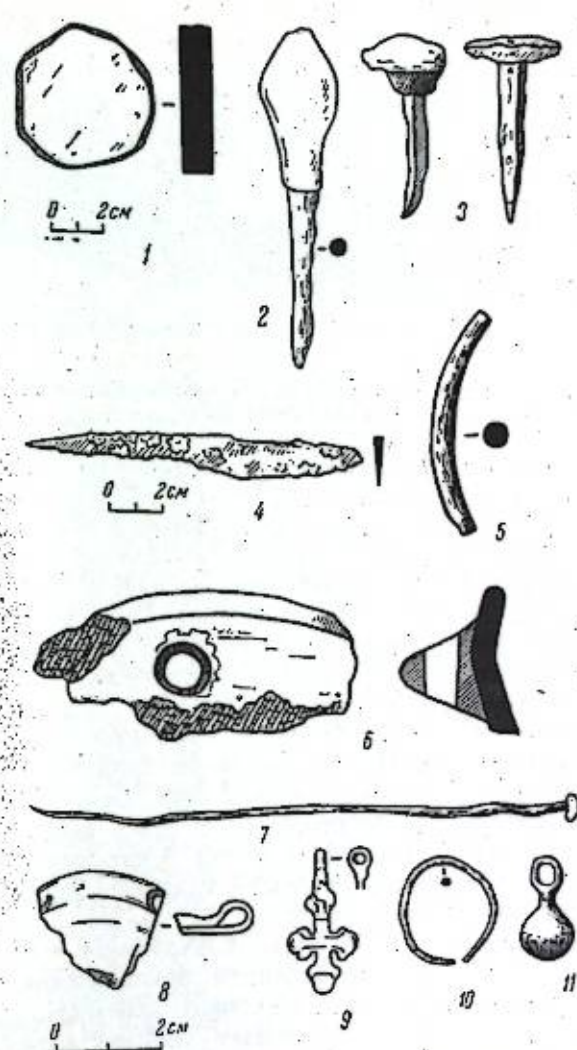

Рис. 29. Нижне-Архызское городище. Находки из раскопок

Помещение II жилое. Его внутренние размеры 5,20 × 4,30 м, стены сохранились в высоту до 1,05 м. Кладка сухая. Дверных проемов нет, нет и следов очага. При разборке каменного завала и земляного пола помещения найдены: фрагменты керамики, кости животных, круглые каменные «колесики», каменные оселки, фрагменты стеклянных браслетов. Около южной стены на полу найден железный палешник от примитивного деревянного плуга⁴. Длина 19,5, ширина — 6 см (рис. 30). В южной части помещения найдена бронзовая булавка с серебряной головкой (рис. 29, 7). Точные аналоги ей можно указать в материалах Змейского катакомбного могильника XI—XII вв.⁵

Раскопанные нами здания сравнительно незначительны по размерам и, возможно, принадлежали отдельным семьям, находившимся в определенной родственной связи между собой. На это указывает общая ограда и общий двор. Интересной деталью зданий является наличие подклетов.

Оборонительная стена, открытая в 1963 г., отделяла центральную часть города от северной части. Стена тянется от подошвы хребта Ужум

⁴ Орудие определено А. В. Кирьяновым.

⁵ В. А. Кузнецов. Змейский катакомбный могильник (по раскопкам 1957 г.). «Материалы по археологии и древней истории Северной Осетии», т. I. Орджоникидзе, 1961, стр. 22, табл. XII, 9.

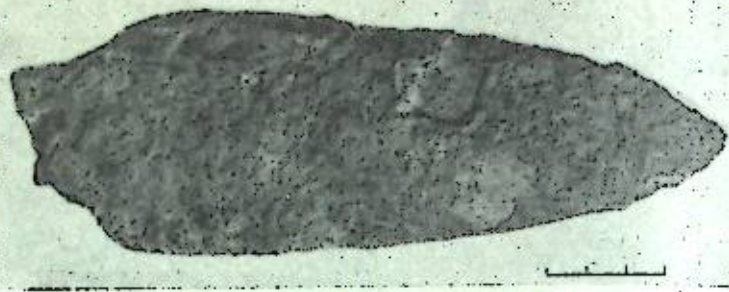

Рис. 30. Нижне-Архызское городище. Железный палешник из помещения II, здания „Б“

до реки почти на 200 м, имея направление с севера на юг. Кое-где высота стены сохранилась до 1,10 м, ширина 0,75—0,82 м, кладка сухая.

В 1964 г. было раскопано здание, пристроенное к оборонительной стене города у северного Зеленчукского храма. Оно оказалось руинами древнехристианской церкви (№ 11 по нашей нумерации). По своему плану и технике кладки церковь ничем не отличается от небольших капелл, исследованных в Нижнем Архызе в прошлые годы: одна апсида подковообразной формы, обращенная на восток, квадратный (4×4) притвор, небольшой наос с двумя входами с севера и юга, сухая кладка стен из битого и подтесанного камня с щебеночной забутовкой посередине. Алтарная преграда отсутствовала. Новым элементом является так называемое «горнее место» — сплошная каменная вымостка высотой около 0,60 м, занимающая большую часть апсиды. Пол в наосе был выложен плохо подогнанными плоскими плитами. Под полом в юго-западном углу центрального помещения обнаружен небольшой каменный ящик с совершенно истлевшим детским скелетом и без вещей.

При раскопках церкви № 11 были обнаружены: обломок плоской средневековой черепицы с прямым бортиком, обломок стеклянного сосуда светло-зеленого цвета и пластинка от железного клепаного креста.

К северной стене притвора примыкает упомянутая оборонительная стена. Кладка впритык, связи между стенами нет; судя по сочленению, оборонительная стена возводилась позже церкви. Ширина стены 1,70 м, далее в наилучше сохранившихся участках она достигает 2,0 м ширины и от церкви № 11, делая острый угол, направляется в глубь Церковной балки, доходя до подошвы горы. На скалистом склоне горы Три сосны (против горы Церковной), примерно на высоте 50 м обнаружены руины небольшого четырехугольного здания. По местонахождению здание приурочено к стене и могло быть боевой и наблюдательной башней, позволявшей вести фланкирующий обстрел вдоль стены.

В центральной части города были исследованы руины большого каменного здания, расположенного около раскопа 1962 г. и в 17 м к западу от раскопа В. М. Сысоева 1895 г., ориентировано здание с северо-востока на юго-запад, длина 13,70 м, ширина в среднем 5 м (западная стена сильно деформирована и оползла). Таким образом, общая площадь здания составляет около 70 кв. м. В плане оно представляло вытянутый прямоугольник с единственным входом в восточной стене. Кладка стен сухая и довольно небрежная, ширина стен 0,70—0,73 м, в высоту стены сохранились до 0,77 м. Пол помещения земляной. При разборке завала найдены кости животных, фрагменты керамики, осколки стекла, обломок железного шила, фрагмент темно-зеленого стеклянного браслета, треугольного в сечении.

Судя по очень незначительному числу находок и отсутствию подклета, а также большой площади здания, не разделенной на отдельные помеще-

Рис. 31. Нижне-Архызское городище. Фрагмент надгробья с арабской надписью

ния, это было хозяйственное сооружение. В пользу такого предположения говорят отсутствие очага и грубая кладка стен.

Датировка исследованных в 1963—1964 гг. зданий определяется по керамике и стеклянным браслетам XI—XII вв. По последним наблюдениям на Северном Кавказе (в Тмутаракани) стеклянные браслеты были наиболее распространены в XI в.⁶ Выше мы упоминали другой хорошо датированный предмет — булавку с серебряной головкой, точно повторяющую формы булавок из Змейского катакомбного могильника XI—XII вв. К тому же времени — XI—XII вв. — следует отнести и церковь № 11. Основанием для ее датировки является архитектурно-стилистическая и конструктивная общность церкви № 11 с другими нижнеархызскими церквами, из которых церковь № 10 датирована арабскими куфическими надписями серединой XI в.⁷

Под каждым из описанных выше зданий были обнаружены более или менее сохранившиеся остатки стен от более ранних построек (рис. 28). Имеющийся материал не дает оснований для хронологического отделения нижнего строительного яруса от верхнего. Как и раньше, мы относим нижний строительный ярус к X—XI вв., считая жизнь на городище непрерывной.

В 1964 г. на могильнике, расположенном в лесу у подошвы Церковной горы, нами было вскрыто пять каменных ящиков. Все скелеты почти полностью истлели, но по остаткам можно было установить христианский обряд погребения — вытянуто на спине, головой на запад. Инвентарь чрезвычайно немногочисленный — несколько маленьких стеклянных бусинок, бронзовое височное кольцо из проволоки, бронзовые литые бубенчики и натальный крестик (рис. 29, 9—11). На основании этих находок могильник может быть суммарно датирован X—XII вв. Интересно отметить, что около могильника расположены две церкви: № 5 и 7, — из которых последняя, очевидно, играла роль кладбищенской часовни.

В заключение упомянем случайно найденный в кустах у шоссе на дороге, ведущей из станции Зеленчукской в Архыз (левый берег р. Б. Зеленчук), обломок серой песчаниковой плиты с выбитой на ней арабской надписью и элементами растительного (?) орнамента (рис. 31). По заключению Л. И. Лаврова, на плите была высечена популярная мусульманская формула: «Нет божества кроме бога, Мухаммед посланник бога»⁸.

⁶ Ю. А. Шапова. Стеклянные изделия средневековой Тмутаракани. «Керамика и стекло древней Тмутаракани». М., 1963, стр. 103.

⁷ Л. И. Лавров. Новые материалы по арабской эпиграфике на Северном Кавказе. СМАЭ, т. XXI, 1963, стр. 267—269, рис. 1—2; В. А. Крачковская. Два фрагмента арабских надписей из Нижнего Архыза. «Эпиграфика Востока», XVI, 1963, стр. 131—134.

⁸ Письмо Л. И. Лаврова от 17 сентября 1964 г. От датировки надписи Лавров воздержался.

А. Е. АЛИХОВА

ГОНЧАРНЫЕ ГОРНЫ ГОРОДА МОХШИ-НАРУЧАДЬ
(Наровчат Пензенской области)

Первый исследователь золотоордынского города Мохши А. А. Кротков в своей рукописи¹, на материалах которой В. И. Лебедевым написана книга «Загадочный город Мохши»², говоря о топографии города, высказал мнение, что на месте бывшего собора стояла в XIV в. соборная мечеть.

Примерно 100 лет назад при постройке собора натолкнулись на остатки монументального сооружения, от которого сохранились большие облицовочные хорошо обработанные, с резным орнаментом глыбы белого камня³. По мнению А. А. Кроткова, это была соборная мечеть. Частые же находки монет около нее исследователь принял как указание на наличие здесь базарной площади.

В 1956 г. на краю бывшей соборной площади против больницы при прокладке водопровода на дне глубокой траншеи был обнаружен горн. Его детально обследовала директор музея М. Е. Афиногенова. В 1957 г. были предприняты раскопки этого горна и продолжены в 1959 г.⁴ Здесь был найден производственный комплекс, состоявший из двух горнов, выходящих жерлами топок в одну общую большую околотопочную яму (рис. 32). Эти горны были расположены на расстоянии 56 м к северу от места предполагаемой мечети того же времени, обнаруженной при постройке собора в XIX в.

Горн № 1 оказался очень хорошей сохранности (рис. 33, 1). Это объясняется тем, что он был углублен в материковую глину на 2 м, поверх которой залегает культурный слой толщиной в 1,2 м. Однако горн был примерно наполовину разрушен при прокладке траншеи. Это двухкамерный горн с опорным столбом в середине нижней камеры, соединенный коротким устьем (длиной 30 см) с околотопочной ямой. Устье топки овальной формы размером 24 × 35 см. Горн имел цилиндрическую форму диаметром в 2 м. Стенки этой камеры, слабо обожженные, толщиной в 10—20 см, сливаются с окружающей ее материковой глиной. Ее верхняя часть, расположенная в культурном слое выше глины, после того как горн был заброшен и больше чем наполовину засыпан, прогнулась внутрь. Высота верхней камеры 1,1 м.

Стены нижней камеры и опорный столб были выложены из кирпича, границы между отдельными кирпичами трудно прослеживаются (наме-

¹ А. А. Кротков. Наровчат и его окрестности в историко-археологическом отношении. Архив Наровчатского краеведческого музея, д. 21.

² В. Лебедев. Загадочный город Мохши. Пенза, 1958.

³ Там же, стр. 28.

⁴ Раскопки были организованы ИА АН СССР, Мордовским НИИЯЛИЭ, Управлением культуры Пензенского Облисполкома и Пензенским Педагогическим институтом им. Беллинского.

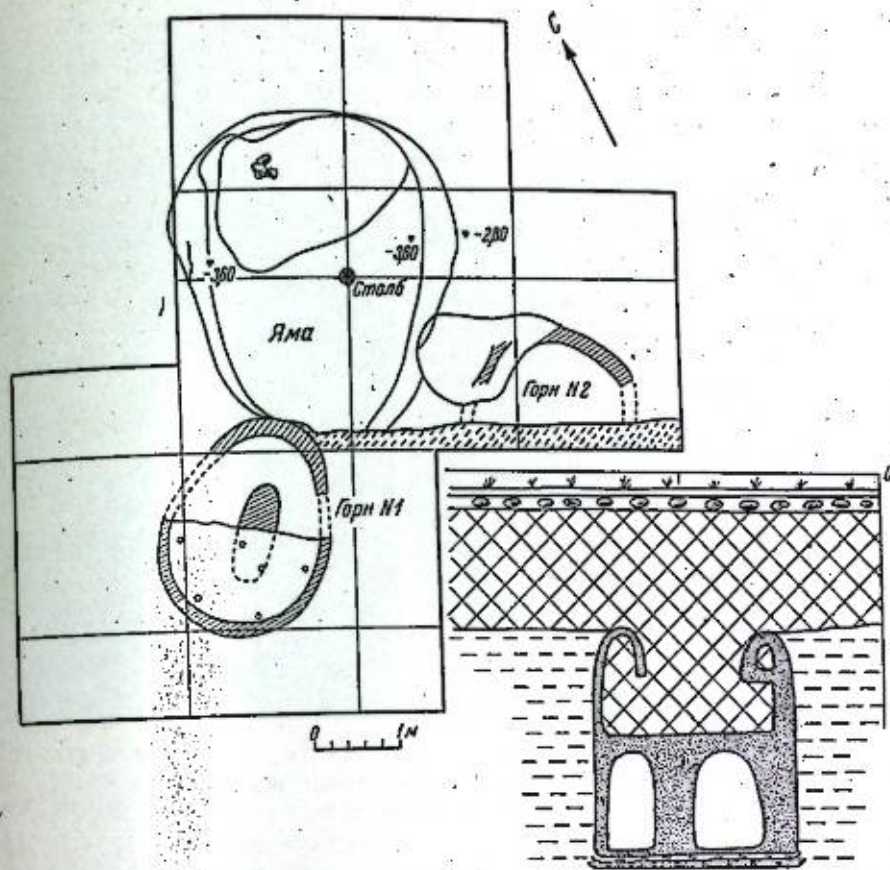

Рис. 32. Производственный комплекс. Г. Мохши-Наручадь

1 — план расположения горнов; 2 — разрез горна № 1

чается 10 рядов кирпича толщиной в 5—7 см и длиной в 22 см). Свод выведен при помощи трех рядов выступающих кирпичей, поверх которых лежал ряд кирпичей пода, обмазанных снаружи глиной. Горячий воздух передавался в верхнюю камеру при помощи продухов диаметром в 5 см. В сохранившейся части их было семь.

Опорный столб стоял не строго в середине нижней камеры. В связи с этим ширина кольцевого хода нижней камеры колеблется от 40 до 75 см при высоте в 1 м. Ширина опорного столба 50 см, а длина сохранившейся части 65 см. Толщина пода нижней топочной камеры 8 см. Ниже прослеживалась золистая прослойка в 4 см и под ней слой обожженной глины в 8 см. По мнению Б. А. Рыбакова, тонкий слой золы под горном следует рассматривать как теплоизоляцию⁵.

Горн № 2. От этого горна сохранилась лишь небольшая часть боковой стенки на высоту 1,95 м и жерло топки (рис. 33, 2). О внутренней конструкции и общей форме горна судить крайне трудно, так как разрушению подверглась вся его внутренняя часть. Однако можно предположить, что он был построен по одному образцу с горном № 1. Он был углублен в материковую глину. В сохранившейся части прослеживалось жерло, никаких следов кирпичной кладки не прослеживалось. Небольшой уступ в разрушенной стенке, расположенный на высоте 1 м от пода, с внутренней стороны горна, вероятнее всего является остатком перегородки, делившей горн на две камеры — верхнюю и нижнюю.

⁵ Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М., 1948, стр. 350.

Рис. 33. Горны Г. Мохши-Наручады
1 — горн № 1; 2 — горн № 2

Жерло топки, как и в соседнем горне, было устроено в глине, отделявшей горн от околотопочной ямы. Судя по длине жерла, расстояние это было равно 65 см. В жерло топки в противоположность соседнему горну были вмазаны обломки шлакированного кирпича и пода от старого разрушенного горна и часть квадратного кирпича толщиной в 5 см и длиной в 24 см. Устье топки было сверху прямоугольной формы размером 30 × 55 см. В направлении горна топка расширялась внизу до 50 см, а наверху до 74 см при высоте в 65 см.

Устья топок обоих горнов выходили в общую околотопочную яму с южной стороны, располагаясь на расстоянии 1,6 м одно от другого.

Околотопочная яма овальной формы, в нижней части (в плане) кверху слабо расширялась. Ее глубина от современной поверхности 4,1 м. На глубине 2,8 м ее размер был 3,7 × 3,9 м. Судя по профилю, спуск в яму был с северо-западной стороны — в верхней части по земляным ступенькам, а ниже, очевидно, по приставной лестнице. Крыша над ямой опиралась на центральный столб диаметром в 15 см.

В яме было встречено большое количество находок. До глубины 2 м шел культурный слой XVII—XIX вв. Ниже заполнение ямы состояло исключительно из золотоордынского материала. Особенно много находок было на глубине 2,8 м. Среди них были татарские монеты середины XIV в. и примерно половина монет с чеканом «Мохши» без дат.

Присутствие горнов в непосредственной близости от предполагаемой мечети, а может быть и крупного мавзолея, рядом с базарной площадью ставит вопрос об их одновременности, но о последовательности их бытования пока говорить трудно.

А. Я. БРЮСОВ

ФИНСКОЕ ПОГРЕБЕНИЕ X—XI вв. в дер. ПОГОСТИЩЕ КИРИЛЛОВСКОГО РАЙОНА ВОЛОГДСКОЙ ОБЛАСТИ

Хорошо известно, что север Европейской части СССР издавна была заселена финскими племенами, предками эстов, карел, вепсов и т. д. Они оставили заметный след своего пребывания в русском языке и во многих чертах быта. К сожалению, их памятники, относящиеся ко II тысячелетию н. э., очень редко изучаются, в то время как славянские городища, селища и могильники X—XIV вв. привлекают к себе неустанный интерес.

Ввиду этого я хочу описать одно богатое финское погребение, которое встретилось мне во время моих работ на севере и относится, по-видимому, к X—XI вв.

Я производил раскопки в дер. Погостище, находящейся на левом берегу р. Модлоны против впадающей в эту реку с правой стороны р. Ухтомки (не путать с р. Ухтомкой, впадающей в Белое озеро). Место это было чрезвычайно выгодно для поселения, так как связывало его водными путями со многими пунктами, имевшими значение в то время.

Обе Ухтомки сходятся своими верховьями у оз. Волоцкого, а весной даже сливаются; таков путь на запад, в Волгу и к Балтийскому морю. Модлона впадает в оз. Вожа, из которого р. Свиديو, оз. Лача и р. Онегой можно попасть в Белое море. Различными реками к югу можно попасть в Кубенское озеро.

Понятно, что благодаря этому здесь издавна возник узел торговых путей. Недаром недалеко от дер. Погостище на том же левом берегу Модлоны находится участок, который называется «Гостинный Берег», а местные жители объясняют это название так: «Здесь гости-купцы товары перегружали». Недалеко от Погоста находится Волок-Славенский. А сама деревня раньше была складочным и перегрузочным пунктом зерна. По берегу стояли большие сараи, вдоль которых был устроен деревянный помост; к этому помосту от р. Модлоны были проведены широкие копаны через довольно широкий и сильно болотистый луг. Следы этих сооружений были обнаружены во время раскопок.

В настоящее время деревня опустела. Большая часть изб не занята, многие развалились. Оставшиеся жители заняли лучшие дома. Один такой дом, принадлежавший ранее какому-то купцу, занял Н. И. Махалов. Когда я приехал в Погостище, Н. И. Махалов сообщил мне, что при копке им в подвале дома ямы для установки подпорного столба он наткнулся на два человеческих черепа, которые находились на глубине около 1 м. Были ли там другие находки, Н. И. Махалов не обратил внимания. Естественно было думать, что Н. И. Махалов наткнулся на погребение. Но какого времени? И какого народа? В Погостище есть мезолит-

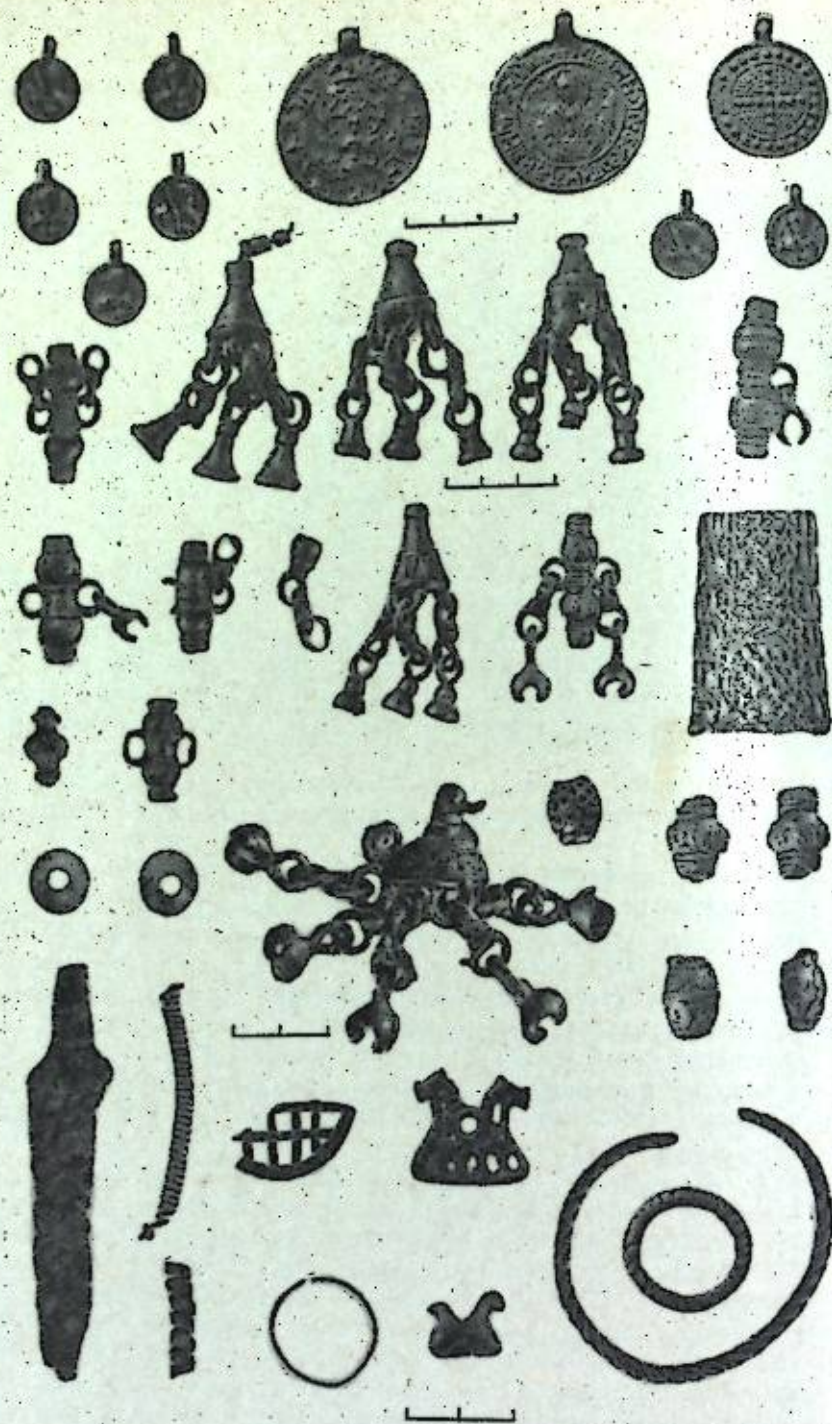

Рис. 34. Дер. Погостище. Вещи из финского погребения

тическая стоянка, в Погостище есть и неолитическая стоянка, могли быть и русские сравнительно поздние захоронения.

Решено было заложить траншею параллельно стене дома, в подвале которого были найдены черепа. В 3 м от стены была проложена траншея длиной 10 м и шириною в 1 м. Она пролегла почти рядом и параллельно центральной улице деревни. До глубины 1,20 м шел большой наброс щепы, обломков досок и прочих остатков от строительства дома. Ниже

начиналась плотная нетронутая глина, с трудом поддававшаяся лопате. Глубина траншеи была доведена до 1,45 м. Никакого погребения не было обнаружено.

Тогда была заложена вторая траншея, параллельная первой, в 4 м к востоку от нее; она пришлась прямо по центральной улице деревни. Величина ее была та же. Почва представляла собою плотно утрамбованную глину. Здесь на глубине всего 0,45 м в 2,50 м от южного края траншеи и было обнаружено погребение.

Костяк находился в вытянутом положении, головой на восток, причем голова упиралась в восточную стенку траншеи, а ноги уходили под западную стенку. Это заставило сделать в западной стенке прирезку в 1×1 м. Сохранность костяка очень плохая; от головы сохранился только кусочек затылочной части, левая половина совсем не сохранилась; остальные кости сохранились только частично; но пяточные кости сохранились, и это позволило измерить длину костяка — 1,55 м. Погребение, судя по сопровождающим его украшениям, женское. Но оно оказалось, вопреки предположениям, не мезолитическим, не неолитическим, не славянским, а финским (рис. 34).

Вокруг костяка были замечены темные полосы тлена от гроба, о наличии которого можно было также судить по находкам крупных кузнечных железных гвоздей. На костяке было найдено большое количество различных украшений, рассыпанных в области груди и ниже, преимущественно бус и подвесок от ожерелья. За затылком оказались превращенные в подвески маленькие круглые бронзовые образки и два змеевика. На правой руке — бронзовый ложновитой браслет. У пояса клинок железного ножа. Всего 300 предметов, не считая железных гвоздей.

Судя по обломку бронзовой решетчатой подвески и по массивной бронзовой подвеске-уточке с рядом привесок, погребение это относится к XI в. Оно представляет интерес как первый финский могильник, обнаруженный в этом районе.

Надо сказать, что эта северная часть деревни составляет по преданию самую древнюю часть ее. По-видимому, дер. Погостище сменила здесь более древнее финское поселение.

В. А. МОГИЛЬНИКОВ

ИССЛЕДОВАНИЕ МАЛОТЕБЕНДИНСКИХ КУРГАНОВ

В 3 км к северу от дер. М. Тебендя Усть-Ишимского района, по дороге в дер. Саургачи, на невысокой надлуговой террасе, вдоль берега пойменного заросшего озера Атак протянулась с севера на юг цепь из 40 курганов; форма курганов круглая или овальная, диаметр 8—18 м, высота 0,3—1,7 м. В центре большинства насыпей находятся воронки — следы старых грабительских шурфов. Все насыпи задернованы и поросли более или менее крупными деревьями и кустарниками. Впервые эта курганная группа упоминается С. К. Паткановым¹, данные которого использовала И. А. Талицкая при составлении археологической карты Приобья². В 1961 г. при осмотре Тебендинских курганов было установлено, что эта группа относится к числу немногих сравнительно хорошо сохранившихся больших курганных могильников Омского Прииртышья.

В 1966 г. был раскопан один из курганов, расположенный почти в середине цепочки. Его насыпь имела овальную форму, диаметр 10—11 м и высота 0,6 м. Большая часть насыпи была задернована, на западном склоне ее росли крупные березы. Следов ограбления кургана в виде ям от шурфов не преследовалось.

Насыпь сложена из чернозема, по цвету не отличающегося от погребенной почвы. В центре кургана темный слой насыпи от погребенной почвы отделялся прослойкой песка, смешанного с черноземом, представляющей выкид из могильной ямы. Максимальная мощность выкида 0,26 м (рис. 35). В кургане обнаружено три погребения.

Погребение 1, впускное, находилось на глубине 0,3 м от поверхности кургана. Контуры могильной ямы в черноземе насыпи не прослеживались. Захороненный лежал на спине, вытянуто головой на ЮЮВ. Костяк плохой сохранности. В анатомическом порядке лежали кости ног. Верхняя часть костяка, по-видимому, потревожена грабителями. Нижняя челюсть находилась на месте. Черепная коробка, лежавшая сводом вниз, сравнительно хорошей сохранности, найдена около центра кургана, на глубине 0,3 м от поверхности насыпи, в 1,6 м к западу от ног погребенного, вблизи которых находились три глиняных сосуда. Один из сосудов стоял вертикально (рис. 36, 1), а два других — лежали на боку (рис. 36, 2, 3). В 0,15 м от сосуда найдены два круглопроволочных браслета из белой бронзы (рис. 37, 1, 2) и бронзовая бляшка. С правой стороны, у изголовья, лежал железный боевой топор (рис. 38, 8), кусок бронзовой оковки (рис. 37, 5), железный трехлопастный наконечник стрелы и бронзовая бляшка с изображением медведя. Три бронзовые подвески (рис. 37, 9, 10)

¹ С. К. Патканов. Краткий отчет о поездках в Тобольскую губернию с археологическими целями в 1887—1888 гг. ОАК за 1882—1888 гг. СПб., 1891, стр. СССХVI.

² И. А. Талицкая. Материалы к археологической карте Нижнего и Среднего Приобья. МИА, № 35, 1953, стр. 270, № 137.

найжены в области шеи. Вблизи них, с левой стороны погребенного и в области груди, лежали бронзовые браслеты (рис. 37, 3, 4) и железные трехлопастные наконечники стрел. Слева от таза и бедренных костей находились железные нож и тесло, а несколько глубже, в насыпи под погребением, боевой топор (рис. 38, 9) с отломанным бойком и железное шило. На 0,7 м к западу от погребенного, на 0,2 м глубже уровня его залегания, найден глиняный сосуд (рис. 38, 4), лежавший на боку.

Погребение 2 располагалось в центре кургана, в подпрямоугольной яме размером 2,35 × 1,45 м, ориентированной с ССЗ на ЮЮВ и углубленной в материк на 0,2—0,4 м от уровня древнего горизонта. Стенки могильной ямы несколько наклонные, дно плоское (рис. 35). Кости почти не сохранились. По наличию черепа в северной части могилы (рис. 35) можно говорить о северной или ССЗ ориентировке погребенного. В юго-восточном углу ямы найдены наременное кольцо (рис. 37, 7) и сердцевидная бронзовая бляшка типа хорошо известных на поясных наборах VIII—IX вв.³ Около центра могилы встречены железные кольчатые удила (рис. 38, 1), три железных трехлопастных наконечника стрел (рис. 38, 2—4). Фрагменты глиняного сосуда с антропоморфными изображениями (рис. 39) находились в середине и у южного края могильной ямы. Беспорядочное расположение инвентаря и остатков костей человека указывает, что погребение 2 было разграблено.

Погребение 3 залегало в 1,8 м к ЗЮЗ от погребения 2. Могильная яма подпрямоугольной формы размером 2 × 0,9 м, при глубине около 0,35 м от уровня древнего горизонта, ориентирована с ССЗ на ЮЮВ. Костяк почти полностью истлел. В южной части могилы сохранилась нижняя челюсть с бронзовой подвеской (рис. 37, 8) около нее, а в северной части — раздавленный глиняный сосуд (рис. 36, 5), стоявший, очевидно, в ногах погребенного. Ориентирован головой на ЮЮВ.

Из плана кургана видно, что все три погребения расположены в один ряд, тянущийся с ЗСЗ на ЮЮВ. Могильные ямы ориентированы с ССЗ на ЮЮВ. Основное погребение 2 ориентировано головой на ССЗ, два впускных 2 и 3 — диаметрально противоположно. Погребение 1, судя по наличию в его инвентаре оружия, являлось погребением мужчины-воина. Мужским было, очевидно, основное погребение 2, располагавшееся в наибольшей могиле, и также снабженное оружием — наконечниками стрел и предметами конского убора. Погребение 3 было, вероятно, женским. Его сопровождали бронзовая подвеска (рис. 37, 8) и глиняный сосуд (рис. 36, 5). Близость инвентаря и погребального ритуала рассмотренных погребений позволяет считать, что захоронения в данном кургане совершены в течение относительно небольшого отрезка времени. Погребение 1, по-видимому, относится к VIII—IX вв. Встреченные среди инвентаря этого погребения трехлопастные наконечники стрел имеют аналоги в материале из кочевнических погребений⁴ и поселений этого периода⁵. К этому же времени в Сибири относится представленный в погребении тип мотыжки с уплощенным лезвием⁶. Топор с обушком (рис. 38, 9) по аналогии датируется VIII—X вв.⁷ Инвентарь показывает хронологическую близость погребений 1 и 2. Железные трехлопастные наконечники стрел из погребения 2 идентичны стрелам из погребения 1. Простые коль-

³ А. А. Спицын. Древности камской чуди по коллекции Теплоуховых. МАР, вып. 26. СПб., 1902, табл. XVII, 30.

⁴ С. А. Плетнева. Печенег, торки и половцы в южнорусских степях. МИА, № 62, 1958, рис. 3—5; М. П. Грязнов. История древних племен Верхней Оби. МИА, № 48, 1957, табл. VI, 3, 9; VII, 3.

⁵ И. И. Ляпушкин. Памятники салтово-маяцкой культуры. МИА, № 62, 1958, рис. 16.

⁶ М. П. Грязнов. Указ. соч., табл. VII, 16.

⁷ В. А. Оборин. Некоторые проблемы изучения родановской культуры. УЗПУГ, т. II, вып. 3, 1956, рис. 1, 39.

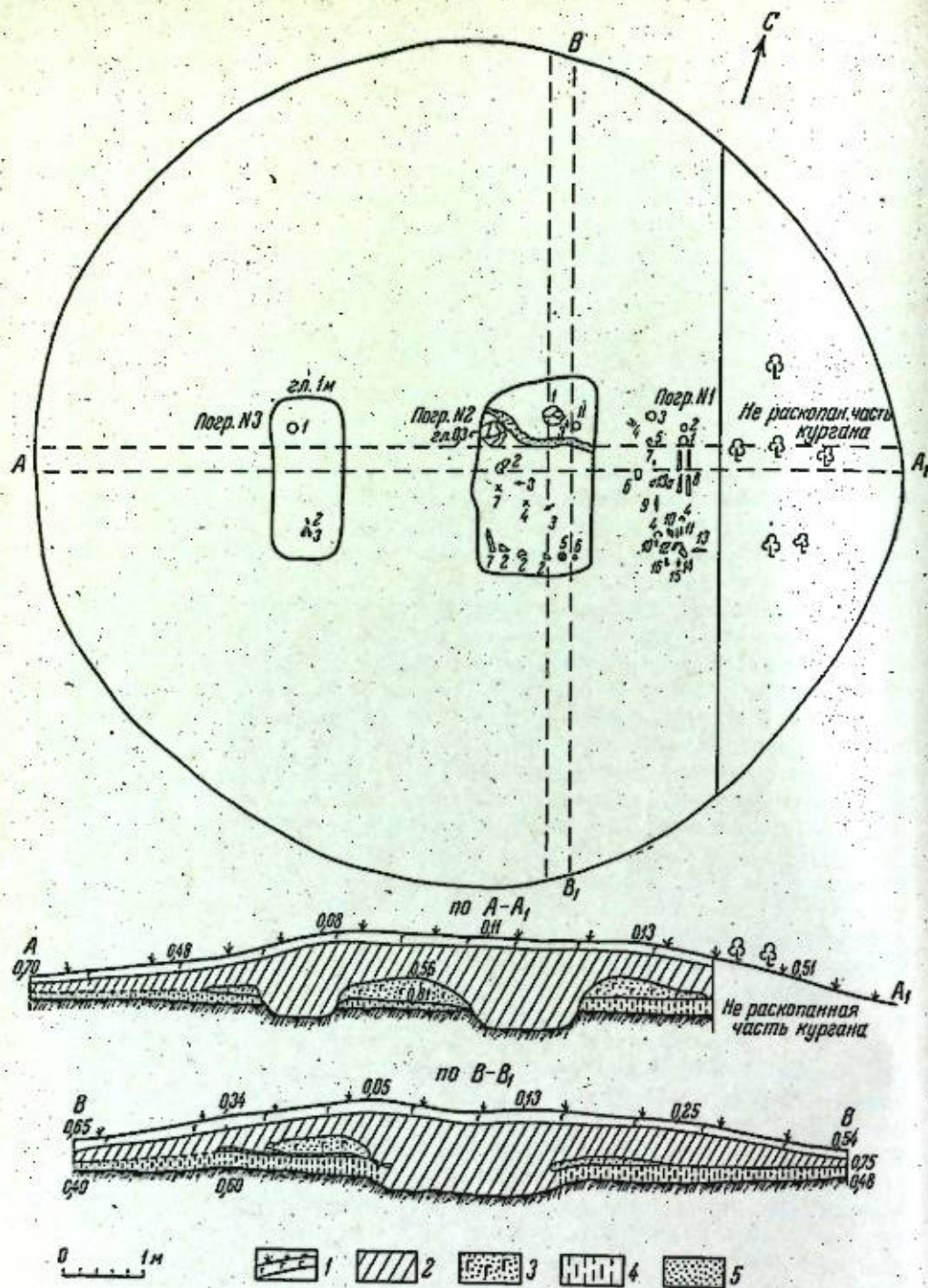

Рис. 35. Курган у с. Малая Тебендя. План и разрезы

Условные обозначения: 1 — слой дерна; 2 — насыпь; 3 — песок с черепками; 4 — погребенная почва; 5 — материковый песок

чатые удила, бронзовая сердцевидная бляшка и наременное кольцо находят аналогии в материале памятников VIII—IX вв.⁸ Подвеска из погребения 3 (рис. 37, 8) позволяет датировать его IX—X вв.

⁸ М. П. Грязнов. Указ. соч., табл. IV, 5; А. Х. Халиков и К. А. Безухова. Материалы к древней истории Поволжья. Горький, 1960. рис. 34, 5; 45, 6; А. А. Спицын. Указ. соч., табл. XX, 30, XXIII, 17.

Рис. 36. Керамика из кургана у с. Малая Тебендя

1—3 — погребение № 1; 4 — из насыпи; 5 — погребение № 3

Материал, добытый при раскопках кургана, представляет существенный интерес для изучения культуры племен таежного Прииртышья в эпоху средневековья. Керамика погребений (рис. 36) находит полные аналогии в керамике с синхронных городищ указанного района — Новоникольские I и IV, Аксеновское, Белоярское и др. Это подтверждает высказанную нами ранее точку зрения о наличии курганного обряда погребения у племен южной части Прииртышской тайги⁹ в отличие от захоронений на грунтовых могильниках у племен более северных районов Приобья¹⁰.

Для курганных могильников таежного Прииртышья конца I—начала II тысячелетия н. э. типично преобладание северной ориентировки захоронений с отклонениями от нее на запад и восток. Значительно реже встречается диаметрально противоположная ориентация, как в рассмотренном нами случае.

Преобладание северной ориентировки с отклонениями от нее прослежено также на грунтовых могильниках Нижнего Приобья этого

⁹ В. А. Могильников. Население южной части лесной полосы Западной Сибири в конце I—начале II тысячелетия н. э. Автореферат канд. дисс. М., 1964.

¹⁰ Т. J. Arne. *Varsoff Gorodok*. Stockholm, 1935; Б. Н. Городков. Поездка на Салым. «Ежегодник ТГМ», вып. XXI, II отд. Тобольск, 1913, стр. 1—100.

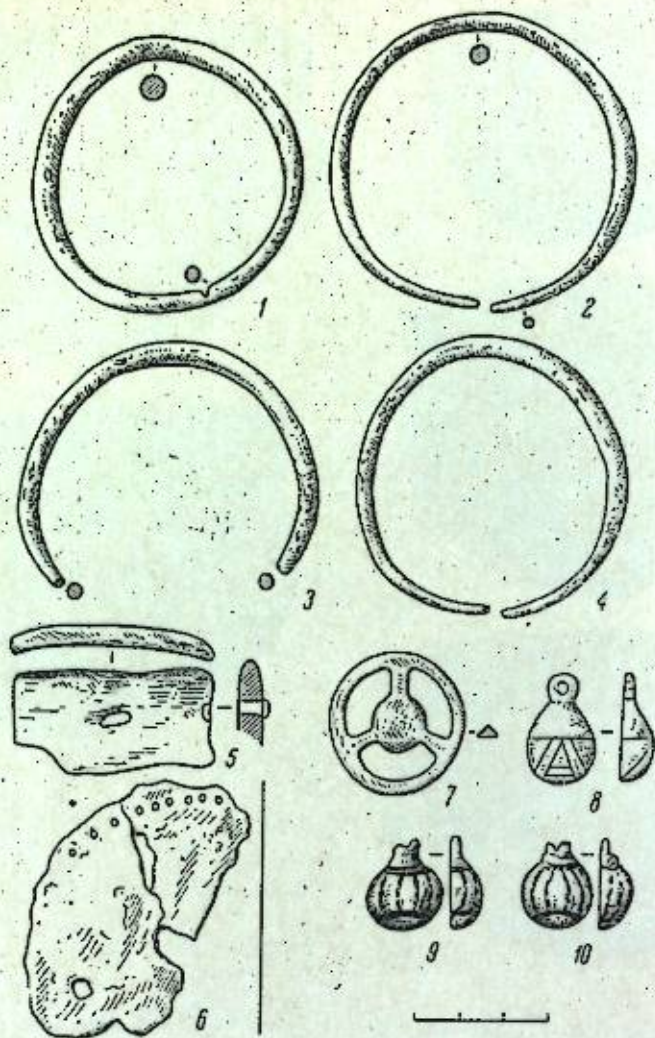

Рис. 37. Бронзовые вещи из кургана у с. Малая Тебендя
1—6, 9, 10 — погребение 1; 7 — погребение 2; 8 — погребение 3

времени¹¹ и более поздних хантыйских погребений¹², что сближает северную и южную группы населения Приобья. Эта близость дополняется составом погребального инвентаря, включающего керамику, украшения и орудия труда, тождественные в обоих районах. Особый интерес представляет идентичность формы и орнамента ряда типов глиняной посуды племен на севере Приобья и юге тайги, которая наряду с общими чертами погребального обряда несомненно свидетельствует о том, что лесное Прииртышье к северу от р. Тары и Нижнее Приобье во второй половине I—начала II тысячелетия н. э. было населено древними хантами¹³, разделявшимися на северную и южную группы.

При наличии ряда общих черт в материальной культуре природные особенности обширных районов их обитания и различные этнические контакты обусловили специфику хозяйства и идеологии северной и южной

¹¹ Т. Я. Агее. Указ. соч., стр. 12.

¹² С. И. Руденко. Предметы из остяцкого могильника возле Обдорска. Материалы по этнографии, т. II. СПб., 1914.

¹³ В. Н. Чернецов. Нижнее Приобье в I тысячелетии н. э. МИА, № 58, 1958, стр. 180.

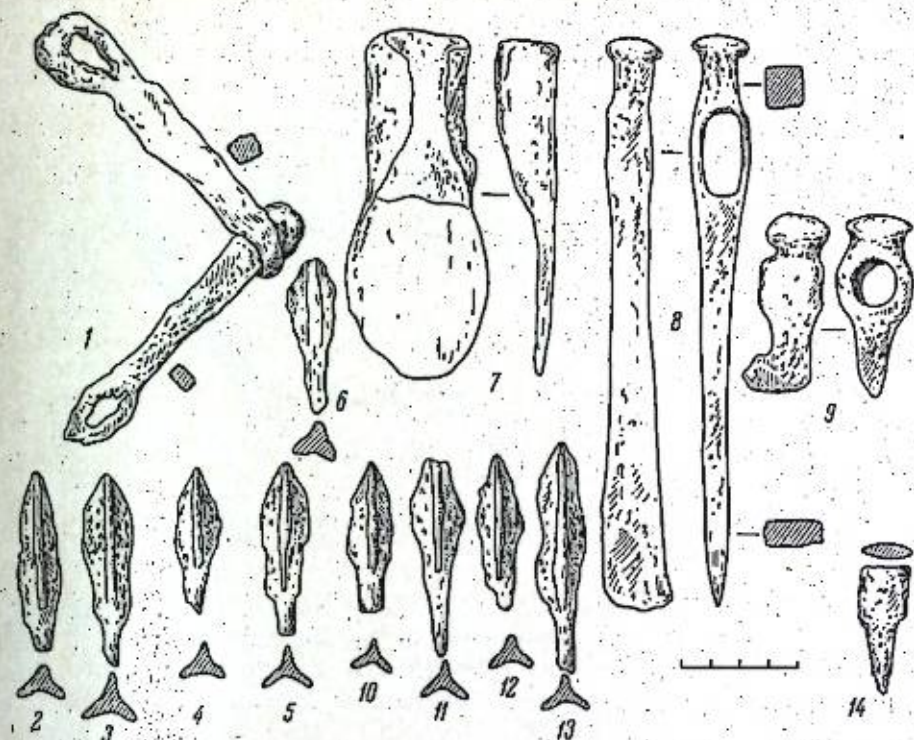

Рис. 38. Железные вещи из кургана у с. Малая Тебендя
1—7 — погребение 2; 8—14 — погребение 1

групп хантыйских племен. Проявлением этого в области идеологических воззрений является отмеченный выше обряд захоронения умершего под курганными насыпями на юге и в грунтовых могильниках — на севере. Следует отметить, что появление обряда захоронения под курганами у древних хантов Прииртышской тайги восходит, по-видимому, к эпохе раннего железа, когда лесостепные скотоводческие племена саргатской культуры с курганным обрядом погребения во второй половине I тысячелетия до н. э. проникают по широкой долине Иртыша далеко на север, до Тобольска, и даже ниже устья Аремзянки. По Оби или через Васюганье они доходят до Сургута. В дальнейшем в первой половине I тысячелетия н. э. это население, судя по характеру материальной культуры, смешалось с лесными аборигенными племенами, которые переняли от него некоторые обычаи, в том числе курганный обряд погребения, распространившийся в южной части тайги. В этой связи интересно, что северный предел проникновения саргатского населения в Прииртышье в районе Тобольска почти совпадает с северной границей распространения древнехантыйских курганов второй половины I—начала II тысячелетия н. э. Контакт с лесостепным населением не ограничился восприятием отдельных идеологических воззрений. Гораздо большую роль играли явления экономического порядка. Osteологический материал второй половины I—начала II тысячелетия н. э., а также фольклор иртышских хантов свидетельствуют о довольно развитом скотоводстве древних хантов лесного Тарско-Тобольского Прииртышья. Надо полагать, что скотоводство, воспринятое здесь еще в эпоху бронзы, с приходом во второй половине I тысячелетия до н. э. скотоводческого лесостепного населения получает толчок к дальнейшему развитию, чему благоприятствовало обилие пастбищ в пойме Иртыша. По-видимому, с коневодческими традициями, воспринятыми от степных племен, связано и месторасположение курганных могильников. Так боль-

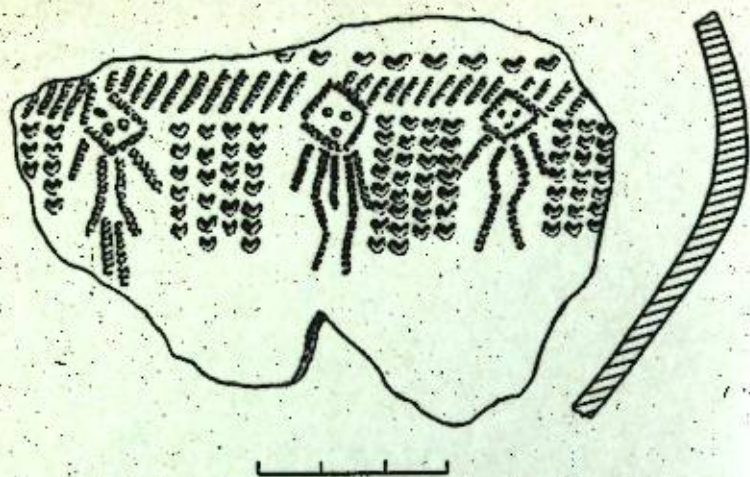

Рис. 39. Курган у с. Малая Тебендя. Фрагмент сосуда из погребения 2

шинство известных нам курганов лесной зоны Омского Прииртышья второй половины I—начала II тысячелетия н. э. (Эбаргуль, Утыма, Утузы, Айткулдово и др.) находится на сравнительно невысоких надпойменных террасах, приуроченных к широкой пойме с ее лугами и озерами, т. е. местам, с которыми связана жизнь скотовода. Такая топография напоминает местоположение курганов племен саргатской культуры, сооружавшихся вблизи открытых пространств, служивших пастбищами для скота.

Приведенный выше материал иллюстрирует специфику культуры древних угров Прииртышья. В оформлении этнографических особенностей южной ветви хантов определенную роль сыграло лесостепное население, в какой-то степени наслоившееся на более или менее единый древний прахантыйский субстрат, поглотивший пришельцев, но в то же время перенявший ряд элементов их культуры.

Во II тысячелетии н. э. в связи с появлением татар значительная часть хантов Тарско-Тобольского Прииртышья отодвигается далее на север в низовья Иртыша и Конды, образуя здесь особую этническую группу, отличающуюся многими этнографическими чертами от северных хантов нижнего Приобья¹⁴.

¹⁴ С. К. Патканов. Стародавняя жизнь остяков и их богатыри по былинам и сказаниям. «Древняя старина», вып. III, 1891, стр. 96.

В. В. СЕДОВ

КАЗИХИНСКИЕ КУРГАНЫ НА р. ВЕЛИКОЙ

Один из старейших кривичских районов — бассейн верхнего течения р. Великой — весьма насыщен курганными могильниками, содержащими длинные погребальные насыпи. Таких могильников здесь насчитывается не менее 60—70. Пожалуй, на кривичской территории нет больше участка, столь плотно насыщенного длинными курганами. Между тем эти памятники здесь почти не подвергались раскопочным исследованиям. Поэтому в 1966 г. Кривичский отряд Института археологии АН СССР совместно с Себежским краеведческим музеем начал систематическое изучение длинных курганов в бассейне Великой.

Исследованный в 1966 г. могильник расположен южнее дер. Казихи (Максютинский сельсовет Себежского района), на расстоянии 1,5 км от р. Великой. Впервые Казихинский могильник был обследован А. А. Спицыным в 1928 г. во время его поездки по Себежскому краю¹. В 1952 г. могильник был осмотрен экспедицией Ф. Д. Гуревич, насчитавшей здесь 24 круглых и длинных кургана². В настоящее время в составе могильника имеется 43 кургана, среди которых 19 длинных. Последние вместе с шестью круглыми в плане насыпями составляли южную, древнейшую часть могильника (рис. 40, в). Все длинные курганы, за исключением одного, вытянуты вдоль дороги, идущей из дер. Борки в дер. Кицково. Аналогичное положение (в стороне от водоемов, на сухопутных дорогах при вытянутости валообразных насыпей вдоль последних) характерно для всех древних кривичских могильников Себежского края. Северную часть Казихинского могильника образуют две группы: одна из 11 круглых насыпей находится на расстоянии около 100 м от древнейшей группы, вторая, состоящая из семи круглых курганов, расположена далее на север на расстоянии 200 м.

Длинные курганы Казихинского могильника сравнительно невысокие — от 0,5 до 1,5 м. Четыре насыпи вытянуты на 31—37,5 м, семь — на 20—30 м, остальные восемь — на 15,5—20 м. Ширина насыпей 6,5—9 м. Весьма разнообразны по размерам и круглые курганы. Шесть самых мелких насыпей имеют высоту 0,4—0,8 м при диаметре от 5 до 9,8 м, остальные возвышались на 1—1,9 м при диаметрах от 8,5 до 12,5 м. Несколько круглых курганов имеют следы давних кладонскательских раскопок, отдельные длинные насыпи повреждены окопами Великой Отечественной

¹ Архив ЛОИА; архив А. А. Спицына, л. 94. До Отечественной войны 1941—1945 гг. близ курганов находился хутор Терешкова, по названию которого и именовался могильник (Н. Н. Чернягин. Длинные курганы и сопки. МИА, № 6, 1941, стр. 107, № 117).

² Архив ИА, р-1, № 710, л. 11; Ф. Д. Гуревич. Археологические памятники Великолукской области. КСИИМК, вып. 62, 1956, стр. 95—107.

войны 1941—1945 гг., но большинство курганов имеет хорошую сохранность.

Для раскопок было выбрано шесть длинных курганов (5, 8, 10, 16, 21 и 22) и три круглые насыпи (18, 19, 20).

Курган 5 имел размеры $36,5 \times 8,5$ м и высоту 1,6 м насыпан из желтого песка с небольшими зольными включениями. По всей площади основания кургана прослежена зольная прослойка толщиной 10—20 см. Курган был окружен рвом, его ширина 1,8—2,5 м, глубина 0,7—1 м³. В насыпи открыто два захоронения по обряду кремации. Трупосожжения во всех случаях совершались на стороне. Первое захоронение находилось в срединной части насыпи на небольшой глубине. Оно открылось сразу под дерном и продолжалось ниже на 0,4 м. Это — интенсивно черное пятно, округлое в плане, диаметром около 1 м, состоящее из угольной пыли, золы и мелких кальцинированных костей человека. Захоронение принадлежит к числу впускных; для погребения в готовой насыпи была выкопана ямка. Таким же впускным оказалось и второе захоронение, открытое тоже в срединной части насыпи примерно в 8 м от первого. Это — пятно угля, золы и кальцинированных косточек размерами $0,7 \times 0,8$ м и в глубину от 0,12 до 0,3 м. Никаких находок в захоронениях не встречено.

Длина кургана 8—22 м, ширина 10 м, высота 1, 1—1,4 м. Насыпь окружена ровиком шириной 1,2—2 м и глубиной 0,61—1 м. Курган был сооружен в один прием из желтого песка с большим числом зольных включений. По всему основанию залегала зольная прослойка толщиной 8—20 см.

В кургане открыто пять захоронений — все впускные. Остатки трупосожжений, совершенных на стороне, были помещены в готовую насыпь. Первое захоронение находилось в середине южной половины кургана непосредственно под дерновым слоем. Это — зольное пятно площадью $2,3 \times 1,2$ м и толщиной 0,3 м, в северной части которого было много мелких кальцинированных косточек.

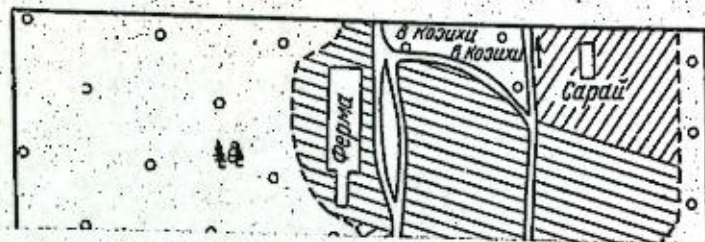
Второе захоронение располагалось в срединной части курганной насыпи (в 4 м севернее первого) на глубине 0,5 м ниже дернового слоя. Это было интенсивно черное, сажистое включение со сравнительно небольшим числом мелких сожженных костей человека. Размеры черного пятна $0,25 \times 0,2$ м при толщине около 0,15—0,2 м.

Интересно третье погребение, открытое в срединной части северной половины кургана. Сожженные кости человека лежали здесь на песчаной насыпи непосредственно под дерном. Они занимали площадь около $2,2 \times 2,1$ м, глубина залегания до 7 см. При этом наибольшее число костей сконцентрировано в верхних горизонтах — первые 2—3 см. Ни золы, ни угольков в захоронении не встречено.

Таким образом, оказывается, что кривичи хоронили остатки сожженного костяка не только внутри насыпи, но иногда сверху на насыпи. Аналогичное захоронение открыто и при раскопках длинного кургана 22. По-видимому, распространением подобного обряда на Псковщине объясняется большое число так называемых пустых курганов. Остатки трупосожжений, помещаемые на поверхности курганов, размывались дождевыми водами и развевались ветрами и поэтому не сохранились до настоящего времени⁴.

³ В этом и в других случаях даются размеры ровиков, установленные раскопками. К настоящему времени ровики запыли и видны слабо или совсем не видны.

⁴ В связи с этим нужно полагать, что число захоронений в длинных курганах было обычно большим, чем это представляется по раскопкам. Помещение остатков кремации на поверхности курганов, по-видимому, было не редким явлением. В 1967 г. при исследовании заполнения рвов, окружавших длинные курганы близ дер. Гридково (юго-восточная часть Себежского района), остатки таких захоронений были зафиксированы неоднократно.

р-
з-
а-
а-
а-
е-
м-
и-
со-
и-
у-
и-
п-
и-
ов-
9
на
ое
ли-
и-
но

те
о-
ни
а,
не

ом
и-

ту
ч-
ны
ь-
ть
р-
от
ю-
го,

на
из
и-
ре-
ди
ми
ке,

ж-
2),

со-
и-
сов
т.

вой
нос
21
тог
ван
был
отк
слу
ной
и п
в п
кал
впу
Так
дин
и т
до
окр
соо
чен
8—
сож
Пер
сре
2,3
ких
(л
инт
мел
при
пол
нас
2,2
ско
уго
ног
гич
дим
бол
пом
раз
К на
был
крем
при
(юг
рова

В той же северной части кургана 8 на глубине 0,35 м открыто четвертое захоронение. Остатки трупосожжения были помещены в конусообразной ямке размерами 0,36 × 0,24 м. Нижняя часть погребальной ямки была заполнена золой, угольной пылью и кальцинированными костями человека. Последнее, пятое захоронение располагалось в той же северной половине кургана в 1 м от четвертого. Глубина залегания погребения 0,3—0,5 м. В отличие от предыдущих это захоронение было урновым. Небольшой глиняный сосуд (высота 7,5 см, диаметр 6—7 см) баночной формы, но со слегка отогнутым верхом (рис. 41, 8), был наполнен мелкими сожженными костями человека и золой. Горшок лепной, толстостенный, сделан из грубого теста с примесью дровяной и слабо обожженной. Наиболее близкими к этому сосуду являются урна, открытая Г. П. Гроздиловым при раскопках длинного кургана 9 близ дер. Лезги в окрестностях Изборска⁵, и горшок из кургана в Лоози (юго-восточная Эстония)⁶. Г. П. Гроздилов на основе блоковидного кресала из кварцита склонен датировать курган 9 в Лезгах V—VI вв. К погребению 5 описываемого казихинского кургана относится глиняное пряслице биконической формы (рис. 49, 5). Широкие отверстие и облик этой находки позволяют сопоставлять ее с пряслицами середины I тысячелетия н. э.⁷ По всей вероятности, это захоронение принадлежит к числу ранних кривичских и должно быть датировано VI—VII вв. н. э.

Курган 10 вытянут на 21 м, при ширине 8,8—9,2 м и высоте 0,85—0,9 м. Устройство кургана аналогично вышеописанным. Насыпь состояла из однородного желтого песка с включениями золы. В основании прослеживался зольный слой толщиной от 7 до 20 см. Ширина ровика, окружавшего курган, 1—2 м, глубина до 0,8 м. Погребений в этом кургане не обнаружено.

Курган 16 имел размеры 31 × 8 м и высоту 1,2—1,3 м. Окружен ровом шириной около 2 м и глубиной от 0,4 до 1,6 м. Устройство кургана одинаково с предыдущими. Захоронений не оказалось.

Курган 21 (рис. 40, 6) имел длину 21,1 м, ширину 8,5—9 м и высоту 1,4—1,6 м. Окружен ровиком шириной 1,2 м, глубиной 0,8—1 м. С восточной стороны курган был поврежден окопами Отечественной войны 1941—1945 гг. Курган насыпан из желтого песка с многочисленными зольными включениями. При разборке насыпи оказалось, что южная треть кургана сооружена из более светлого песка, отличающегося меньшей зернистостью. В основании насыпи лежала зольная прослойка толщиной от 0,1 до 0,4 м. В месте стыка насыпей различной консистенции зольная прослойка имела разрыв шириной 0,4—0,8 м. Это — явное свидетельство того, что курган был насыпан в два приема.

Первоначальной, по всей вероятности, была северная часть кургана (длиной около 15 м и шириной 8,5 м). Здесь открыто пять захоронений, из которых два (шестое и седьмое), расположенные в основании кургана, принадлежат к наиболее ранним. Мелкие кальцинированные косточки погребения 6 были разбросаны на подошвенной зольной прослойке на площади 1,9 × 1 м. Сожженные кости погребения 7 также оказались разбросанными на площади 1,2 × 0,8 м, но они лежали в специальной зольной прослойке, несколько выше подошвенной, на глубине 1—1,2 м от поверхности.

Погребения 2, 3 и 5 являются впускными. Отчетливо прослежена нижняя часть округлой в плане ямки второго захоронения (ее диаметр 0,2),

⁵ Г. П. Гроздилов. Археологические памятники Старого Изборска. «Археологический сборник ГЭ», вып. 7, 1965, стр. 81, 82, рис. 16, 7.

⁶ M. Schmiedehelm. Käabaskalmistud Lindoras ja mujal Kagul Eestis. «Slaavi-läänemeresoome suhete ajaloo». Tallinn, 1965, табл. V, 1.

⁷ Н. И. Булычев. Журнал раскопок по части водораздела верхних притоков Волги и Днепра. М., 1899, табл. II, 3, 4; П. Н. Третьяков, Е. А. Шмидт. Древние городища Смоленщины. М.—Л., 1963, рис. 73, 72.

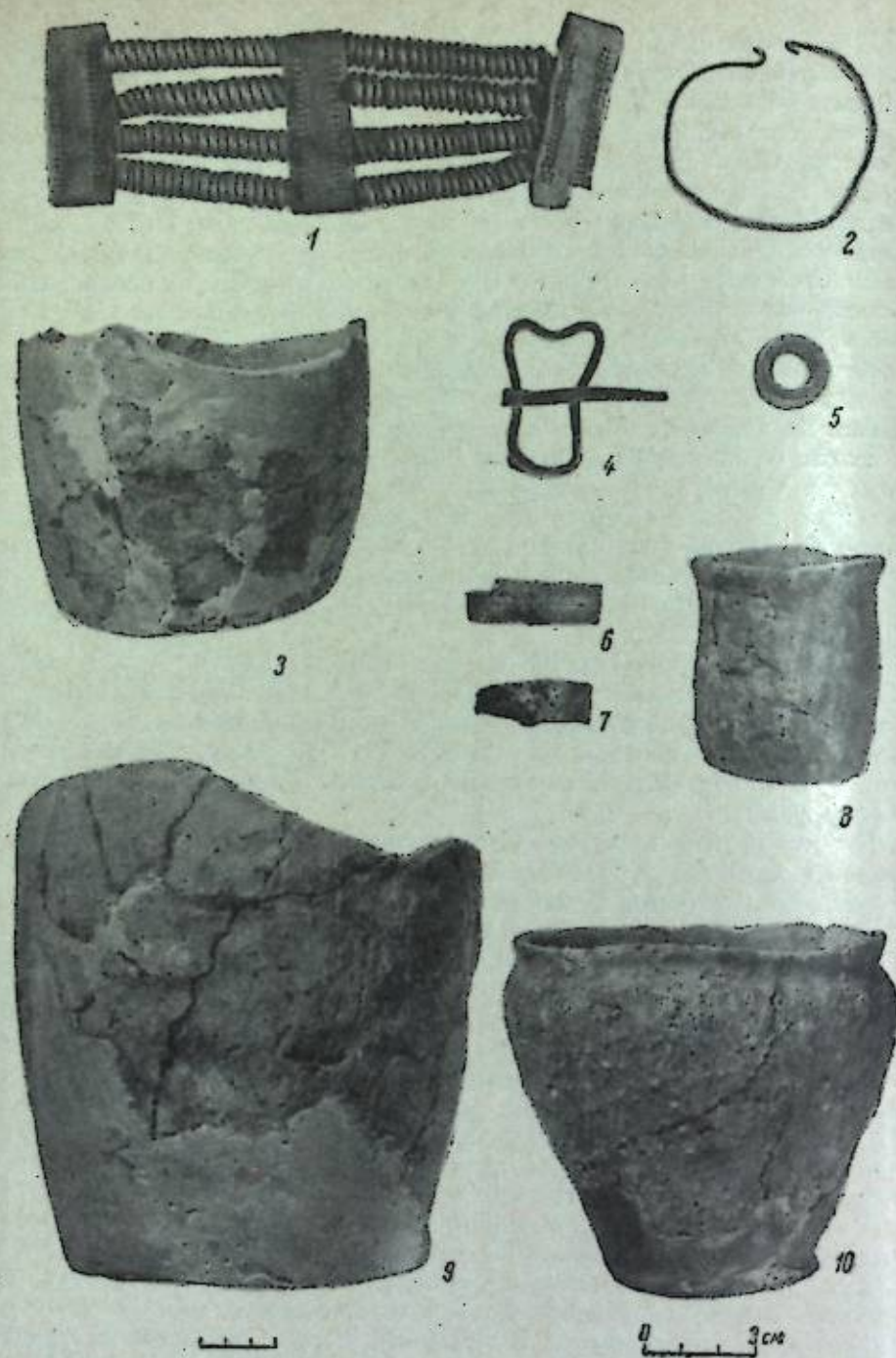

Рис. 41. Предметы из курганов

1, 4, 6, 7 — из кургана 19; 2, 3, 9, 10 — из кургана 21; 5, 8 — из кургана 8

заполнена ямка золой и кальцинированными костями. Последние встречались также над ямкой на площади 1,1—1,1 м. Здесь найдены три обломка лепной керамики. Глубина погребения 0,65—1,1 м. Третье захоронение открыто в верхней части насыпи на глубине 0,2—0,4 м. Прослежена круглая ямка диаметром около 0,6 м. Заполнена она желтым песком (однородным с курганной насыпью) и кальцинированными костями. В захоронении найдены обломки проволочного височного колечка и неопреде-

ленного медного предмета. Для пятого захоронения была вырыта ямка неправильно овального очертания (размерами 0,6×0,4 м). Дно ямки ниже поверхности кургана на 0,45 м. Заполнена она золой, угольками и мелкими кальцинированными костями. Найден обломок неопределенного бронзового предмета.

Видимо, после совершения этих захоронений курган был подсыпан с юга. В присыпке открыто два захоронения: четвертое — в основании и первое — впускное. Погребение 4 находилось на материке. Сожженные кости были помещены в глиняном сосуде, имевшем высоту 13 см и диаметр 15 см (рис. 41, 3), который был накрыт опрокинутым вверх дном горшком значительно больших размеров (рис. 41, 9). Высота его не менее 20 см. Оба сосуда баночной формы, но верхний край отломан и фрагменты венчика отсутствуют. Изготовлены сосуды из грубого теста с примесью дровины, толстостенны, обожжены слабо. По-видимому, оба сосуда принадлежат к тому же типу, что и описанная выше урна из кургана 8.

Первое погребение открыто в верхней части насыпи на глубине 0,25 м. Это — интенсивно-черное сажистое включение с мелкими кальцинированными костями человека. Размеры его 30×15 см. Здесь найдены проволочное височное кольцо (рис. 41, 2) и два фрагмента какого-то медного предмета.

Последний длинный курган этого могильника (22) имел размеры 31,7×7,5 м при высоте 0,85 м (рис. 40, а). Курган, видимо, был насыпан одновременно. Насыпь состояла из однородного желтого песка с включениями золы. По всему основанию прослежена зольная прослойка толщиной от 0,1 до 0,4 м. Ровик, окружавший насыпь, имел ширину 1—1,6 м и глубину до 0,6 м. В кургане открыто семь захоронений, из которых четыре расположены в нижней части насыпи.

Захоронение третье находилось в подошвенном зольном слое. Сожженные кости встречались на площади 4×1 м. Захоронение было совершено до насыпки кургана на зольной прослойке. Аналогична ситуация четвертого захоронения — сожженные кости лежали на зольной прослойке на площади 0,4×0,3 м. Кальцинированные кости погребения 6 были помещены в ямке, вырытой в материке. Она была круглой в плане, диаметром 0,25 м и глубиной 0,2 м. В захоронении найдены небольшой обломок биллового предмета, остатки стеклянной бусины голубого цвета и бронзовый слиток. Седьмое захоронение тоже было ямным. Яма была вырыта в зольной прослойке основания. Ее размеры 0,8×0,35 м. В 0,15 м от края ямки на зольной прослойке найдены обломки нижней части глиняной урны, опрокинутой вверх дном.

Скопление сожженных костей пятого захоронения зафиксировано в нижних горизонтах песчаной насыпи, на глубине 0,8 м от поверхности. Его площадь 0,45×0,3 м, толщина 5 см. Хотя следы ямы этого захоронения не прослеживались, все же можно полагать, что погребение принадлежит к числу впускных. Первое захоронение открыто сразу же под дерном в виде пятна серого цвета (зола, угольки и кальцинированные косточки), размерами 0,4×0,3 м при толщине до 0,6 м. В отдельных местах отмечены следы прокалинности песка. По-видимому, зола и угли с погребального костра перенесены еще горячими. Второе захоронение было совершено на поверхности кургана. Сожженные кости оказались рассыпанными на склоне насыпи на площади 2,85×2,1 м. Все эти погребения безынвентарные.

Курган 18 круглый в плане, его диаметр 9,5 м, высота 1 м. Насыпь состояла из желтого песка с большим числом зольных включений. В основании лежала зольная прослойка толщиной 7—20 см, аналогичная подошвенным прослойкам длинных курганов. Захоронение открыто в материковой ямке размерами 0,22×0,25 м, при глубине около 0,3 м. Ее заполне-

ние: угольная пыль, более или менее крупные угли (дуб и сосна) и кальцинированные кости человека.

Курган 19 имел небольшие размеры. Его диаметры 3,3 и 4,6 м, высота 0,7 м. Насыпь была окружена ровиком шириной 1,1—1,5 м, при глубине 0,3—0,35 м. Сооружена из желтого песка с зольными и зольноугольными включениями. По всему основанию проходила зольная прослойка толщиной до 15 см. Захоронение открыто в основании, на зольной прослойке. Остатки трупосожжения были накрыты перевернутым вверх дном глиняным горшком (рис. 41, 10). Сосуд лепной, тесто с примесью дресвы, обжиг слабый. По своей форме этот горшок заметно отличается от баночных урн из длинных курганов этого могильника. Ближайшими аналогиями ему являются глиняные сосуды из поздних длинных курганов или круглых курганов IX—X вв. Сожженные косточки были разбросаны вокруг горшка на площади 1,6 × 1,2 м. Здесь же обнаружены несожженные предметы, относящиеся к женскому убранству: спиральки и обоймицы от головного убора латгальского типа (вайнаги), бронзовая пряжка, несколько бронзовых колечек, четыре обломка бронзовых браслетов (рис. 41, 1, 4, 6, 7). Кроме того, в погребении найдены куски расплавившихся бронзовых предметов. Курган можно датировать IX—X вв.

Курган 20 имел высоту 1,25 м, диаметр около 9 м. Кольцеобразный ровик достигал ширины 1,5—1,6 м при глубине до 0,6 м. Насыпь состояла из желтого песка с зольными включениями, в основании — зольная прослойка, толщиной 0,1—0,3 м. В кургане открыто два захоронения. Первое находилось в основании насыпи, для него была устроена овальная ямка размерами 0,56 × 0,36 м, ее глубина 0,18 м. Заполнена ямка золой, угольками и сожженными костями. Основная часть второго захоронения — скопление кальцинированных костей — открыта на вершине кургана сразу же по снятии дернового покрова. Непосредственно под этим скоплением открылась пустота, образовавшаяся после того, как вертикальный деревянный столб, поставленный здесь, сгнил. Яма от столба продолжалась до самого основания кургана, ее диаметр около 0,3 м. По-видимому, остатки трупосожжения были помещены на вершине кургана на столбе⁸. В связи с оседанием насыпи кальцинированные кости отчасти оказались «разбросанными». В изолированном состоянии они встречены и на склонах кургана и в песчаной насыпи до глубины 0,3 м.

В заключение хочется обратить внимание на интересную деталь погребального ритуала населения, хоронившего умерших в казахинских курганах. При изучении заполнения ровиков, окружавших как длинные, так и круглые насыпи, были открыты более или менее крупные прослойки угля. В ряде случаев удалось установить, что они являются остатками ритуальных костров (прокаленность почвы), которые зажигались во рвах во время захоронения умерших. При этом иногда на одном месте обнаруживается по два одновременных кострища. По-видимому, этот ритуал не является специфической особенностью казахинского могильника. В 1967 г. при исследовании курганов грицковской группы наблюдалась та же картина.

⁸ Следы таких же вертикальных столбов, на которые были поставлены сосуды с остатками трупосожжения, зафиксированы В. З. Завитневичем в трех курганных группах в бассейне р. Брагинки — урочище Горки близ дер. Пашковки, Курганы 77 и 79; урочище Курганы при дер. Малейки, четыре кургана; дер. Пожарки, два кургана (В. З. Завитневич. Вторая археологическая экскурсия в Припятское Полесье. Чтения Исторического общества Нестора летописца», кн. VI. Киев, 1892, стр. 18—22; Архив ЛОИА, д. Археол. Комиссии № 32/1880).

М. В. СЕДОВА

РАСКОПКИ СУЗДАЛЬСКИХ КУРГАНОВ В 1967 г.

После раскопок А. С. Уварова и П. С. Савельева, предпринятых с широким размахом в середине XIX в., во Владимирской земле почти не осталось древнерусских курганов. Уваровские раскопки печально известны в археологии. А. А. Спицын, взявшийся в свое время за приведение в систему огромного материала владимирских курганов, писал: «Грандиозные раскопки 1851—1854 гг. в Суздальской области будут долго оплакиваться наукою и служить грозным предостережением для всех любителей массовых раскопок... Если бы во Владимирской области нашлись еще сотни курганов, то это было бы большим облегчением»¹.

В связи с этим большой интерес представляет курганный могильник, расположенный на южной окраине современного города Суздаля. В 1967 г. одновременно с раскопочными работами на территории Суздальского кремля экспедиция Института археологии АН СССР и Владимирско-Суздальского музея-заповедника начала исследования этого могильника. Курганы расположены на правом высоком берегу р. Мжары при ее впадении в р. Каменку. В 1852 г. здесь производил раскопки А. С. Уваров. Судя по опубликованному данным, было вскрыто 97 насыпей высотой 0,7 м и окруженностью от 3,5 до 17,5 м. Во всех курганах оказались захоронения по обряду трупоположения с западной ориентировкой («лицом к востоку»). Из находок А. С. Уваровым отмечены «куски золотистой проволоки, подложенной берестой»². В 1927 г. один курган могильника был исследован А. Ф. Дубыниным. В подкурганной яме открыт скелет в деревянном гробу без инвентаря.

В настоящее время в могильнике насчитывается 359 насыпей. Все они круглые в плане, высотой от 0,4 до 1 м, диаметром от 2,5 до 5,5 м. Расположены скученно, ровиков в основании не заметно. Среди 359 насыпей прекрасно выделяются раскопанные прежними исследователями. Непотревоженных курганов насчитывается 248. В 1967 г. раскопано два кургана в северной части могильника.

Курган 6³ диаметром 4,8 м, высотой 0,8 м, насыпан из однородного серовато-желтого суглинка. Над могильной ямой в насыпи были вкрапления золы. На горизонте открылась могильная яма размерами 2,5 × 1,2 м, глубиной 0,8 м, ориентированная с северо-запада на юго-восток. Она имела подпрямоугольную форму, со слегка скругленными углами. Могильная яма окружена кольцевидной канавкой диаметром 3,5 м, шириной

¹ А. А. Спицын. Владимирские курганы. ИАК, вып. 15, 1905, стр. 86.
² А. С. Уваров. Меряне и их быт по курганным раскопкам. М., 1872, стр. 162, 177, 186.

³ План могильника с указанием нумерации курганов см. в архиве ИА, № 3476, р-1.

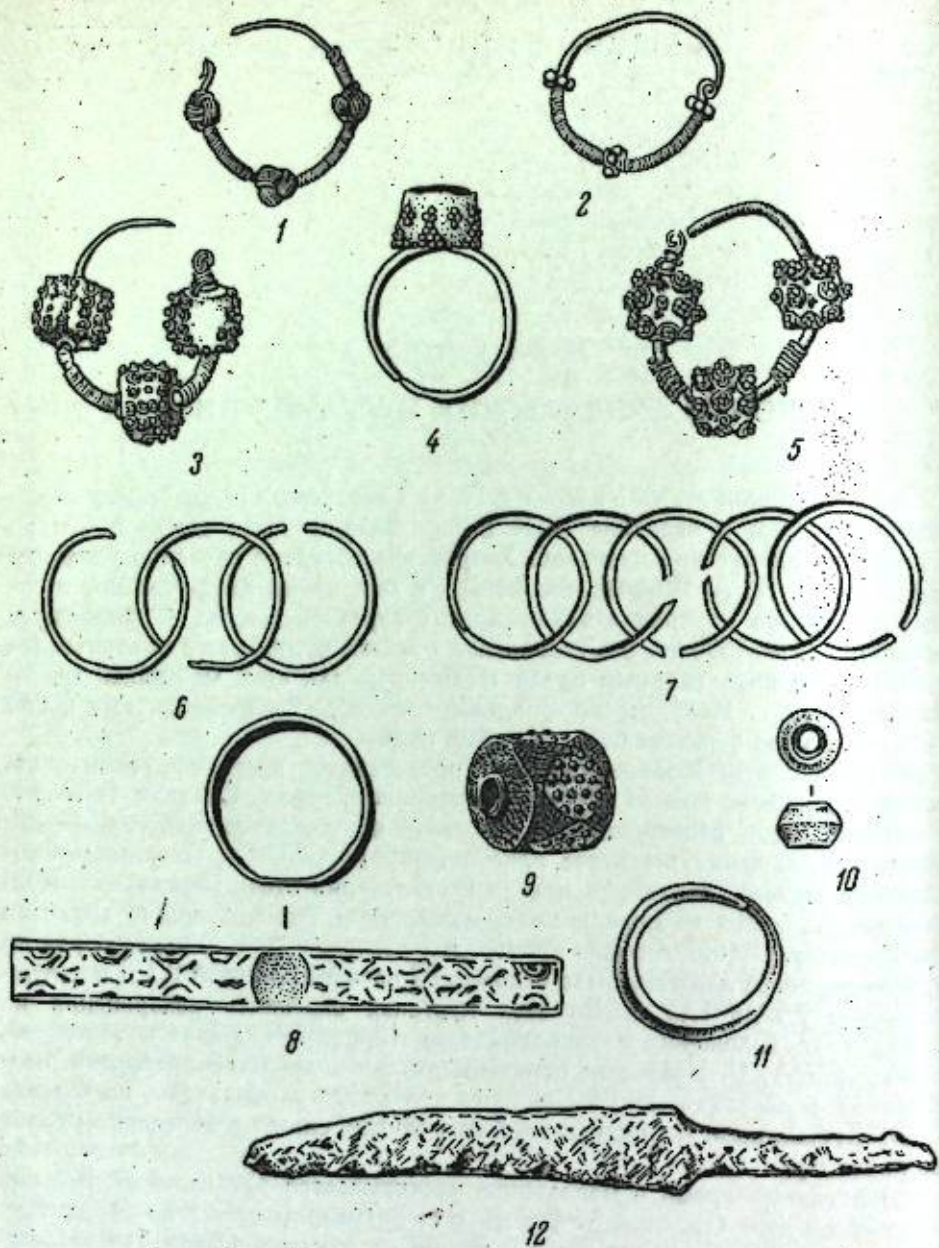

Рис. 42. Находки из суздальских курганов

1—3, 5 — трехбусинные височные кольца; 4 — перстень серебряный; 6, 7 — перстнеобразные височные кольца; 8 — перстень серебряный; 9 — бусина зернистая; 10 — бусина стеклянная позолоченная; 11 — перстнеобразное золоченое височное кольцо; 12 — нож железный (1—7 — курган 6; 8—12 — курган 9)

15—20 см, глубиной 15—18 см. Заполнена канавка слоем золы, в котором был найден обломок древнерусского сосуда. Внутри кольца канавки — слой прокаленной погребенной почвы. В могильной яме открыт женский костяк, лежащий головой на северо-запад. Погребение совершено было, по-видимому, в досчатом гробу, так как по контуру могильной ямы найдено четыре железных гвоздя со следами древесной трухи, а под скелетом зачищено темное пятно тлена. Скелет длиной 165 см лежал вытянуто на спине со сложенными на груди руками. У висков с обеих сторон найдено по шесть серебряных височных колец, вплетенных в сохранившиеся волосы. У правого виска снизу лежало трехбусинное височное кольцо, филигранное с напускными ажурными бусинками, украшенными зернью в виде

пирамидок из пяти зерен, обведенных по основанию сканной проволокой (рис. 42, 5). Точных аналогий такой форме бусин не известно.

Чуть выше находилось второе кольцо с бусинами, сплетенными в виде узелков (рис. 42, 1). Подобные височные кольца известны из владимирских курганов⁴. А. А. Спицын датирует их XII—XIII вв., а может быть, и XIV в. Третье височное кольцо имеет три маленькие бусины из шариков зерни (рис. 42, 2). Такие височные кольца известны из владимирских курганов⁵, в коллекции Ханенко с Княжей Горы⁶. Г. Ф. Корзухина датирует клад, в котором найдено подобное височное кольцо, 70-ми годами XII в. — 40-ми годами XIII в.⁷ Остальные три височные кольца — перстнеобразные круглопроволочные (рис. 42, 6).

На левом виске верхние пять колец также круглопроволочные перстнеобразные (рис. 42, 7), а самое нижнее — трехбусинное с цилиндрическими бусинами, украшенными рядами зерни (рис. 42, 3). Этот тип височных колец хорошо известен и из древнерусских кладов⁸, и из владимирских курганов⁹, и из курганов других областей Руси. Он относится также ко времени между 70-ми годами XII в. — 40-ми годами XIII в.

На фаланге среднего пальца левой руки — серебряный пластинчатый перстень с цилиндрическим щитком, украшенным треугольниками зерни (рис. 42, 4). В щиток вставлена синяя стеклянная вставка. Аналогичный перстень известен из владимирских курганов, А. А. Спицын считает его западным типом¹⁰. На безымянном пальце левой руки найден проволочный серебряный перстень. Судя по погребальному обряду (трупоположение в яме) и по составу украшений, захоронение можно датировать концом XII — первой третью XIII в.

Курган 9 имеет диаметр 5 м, высоту 90 см. Насыпь состоит из серого суглинка с включениями золы. На горизонте — слой прокаленной погребенной почвы светло-серого цвета, в котором отчетливо прослеживается могильная яма размером 2,7 м × 1,1 м, ориентированная с юго-запада на северо-восток. Могильная яма окружена кольцевидной канавкой диаметром 3,9—4,2 м. Ширина канавки 18—20 см, глубина 15—18 см. Заполнение ее состоит из серой песчанистой земли с включениями угля и золы. Могильная яма имеет скругленные углы, отвесные стенки, горизонтальное дно. Глубина ямы — 52 см. На дне ее лежит женский скелет, вытянуто на спине, ориентированный головой на юго-запад. Длина костяка 162 см. Сохранность черепа и костей плохая. Положение рук определить трудно, но, судя по находке перстня в области грудной клетки, руки были сложены на груди. Погребение совершено в деревянном гробу, от которого сохранились 8 железных гвоздей, расположенных по контуру могильной ямы.

Около черепа у левого виска найдено проволочное серебряное перстнеобразное височное кольцо. Чуть ниже него обнаружена серебряная зернистая бусина. У левого виска также найдено перстнеобразное височное кольцо. На черепе сохранился кусок шерстяной ткани от головного убора. В области шеи обнаружены две бочонкообразные позолоченные стеклянные бусины. Бусы эти датируются по новгородской хронологии X—XIII вв., но время наибольшего их распространения — XI в.¹¹ Серебряный перстень, найденный в области груди, — пластинчатый, массивный, украшен растительным узором. Слева у бедра найден железный нож. Захоронена была, по-видимому, замужняя женщина. Время захоронения, судя по золоченым бусам и зернистой бусине, скорее всего XII в.

⁴ А. А. Спицын. Указ. соч., рис. 140.

⁵ Там же, рис. 132.

⁶ Б. И. и В. Н. Ханенко. Древности Приднепровья, вып. V, табл. XXVII, 984.

⁷ Г. Ф. Корзухина. Русские клады. М.—Л., 1954, стр. 105, 130.

⁸ Там же, табл. XXXI, 10; табл. XXXIV, 2—3, 7—8; табл. XLVIII, 32—35.

⁹ А. А. Спицын. Указ. соч., рис. 138, 144.

¹⁰ Там же, рис. 264, 266.

¹¹ Ю. Л. Щапова. Стеклобусы древнего Новгорода. МИА, № 55, стр. 172.

С. С. ШИРИНСКИЙ

КУРГАНЫ X в. у дер. ПЕРЕСАЖ

Среди нескольких курганных групп вблизи летописного города Любеча¹ хорошей сохранностью выделяется группа курганов у дер. Пересаж. В 300 м к югу от этой деревни лес и густой кустарник урочища Матрунинский лесок защитили от распашки небольшую треугольную в плане площадку с находящимися на ней 136 курганами (рис. 43).

Курганы насыпаны из желтого песка. Они плотно задернованы и имеют форму шаровых сегментов высотой 0,2—1,7 м, диаметром 3,5—11 м. Рядом со многими из них заметны серповидные в плане ровики. У невысоких курганов обычно встречается один ровик. Два рва сопровождают насыпи высотой не менее 1,4—1,7 м.

В 700 м к СВВ от курганов в урочище Селище открыто селище, датруемое по раннегончарной керамике X — началом XI в.

Н. Е. Бранденбург в 1888 г. раскопал в урочище Матрунинский лесок четыре кургана². Этими работами, вероятно, объясняется и наличие на некоторых насыпях кладбища раскопчных колодцев (рис. 43). В 1962, 1964—1966 гг. у дер. Пересаж исследовано 40 курганов³. Все они содержали по одному захоронению, и лишь в кургане 5 найдено одновременное погребение молодой женщины и маленького ребенка⁴. Характерно также, что при раскопках выяснилась определенная зависимость размеров курганов от пола и возраста погребенных в них лиц. Так, высота насыпей детских погребений группы во всех случаях не превышала 0,8 м. Курганы с захоронениями женщин достигали максимальной высоты в 1,2 м. Взрослых же мужчин хоронили в основном под курганами не ниже 1,4—1,7 м.

Подавляющая часть погребений, открытых в курганах, — это трупосожжения; произведенные здесь же на месте сооружения курганных насыпей. В каждом из 34 раскопанных курганов под насыпью на уровне древнего горизонта располагался развал погребального костра в виде значительного скопления древесного угля, золы и пережженных костей. В плане подобные кострища имели прямоугольную, овальную или округлую форму и достигали в диаметре от 92 см до 2,2 м. Во время похорон, уже после затухания костра, наиболее крупные обломки жженных костей собирались в урну. При этом оставшиеся кальцинированные кости, угли и зола сгребались к середине кострища.

¹ Б. А. Рыбаков. Раскопки в Любече в 1957 г. КСИИМК, вып. 79, 1960, стр. 27—34; он же. Любеч — феодальный двор Мономаха и Ольговичей. КСИА, вып. 99, 1964, стр. 21—23.

² Н. Е. Бранденбург. Журнал раскопок 1888—1902 гг. СПб., 1908, стр. 196—197.

³ Работы проводились Черниговским отрядом Приднепровской экспедиции ИА (начальник экспедиции Б. А. Рыбаков) под руководством автора.

⁴ Антропологический материал погребений определила Т. И. Алексеева.

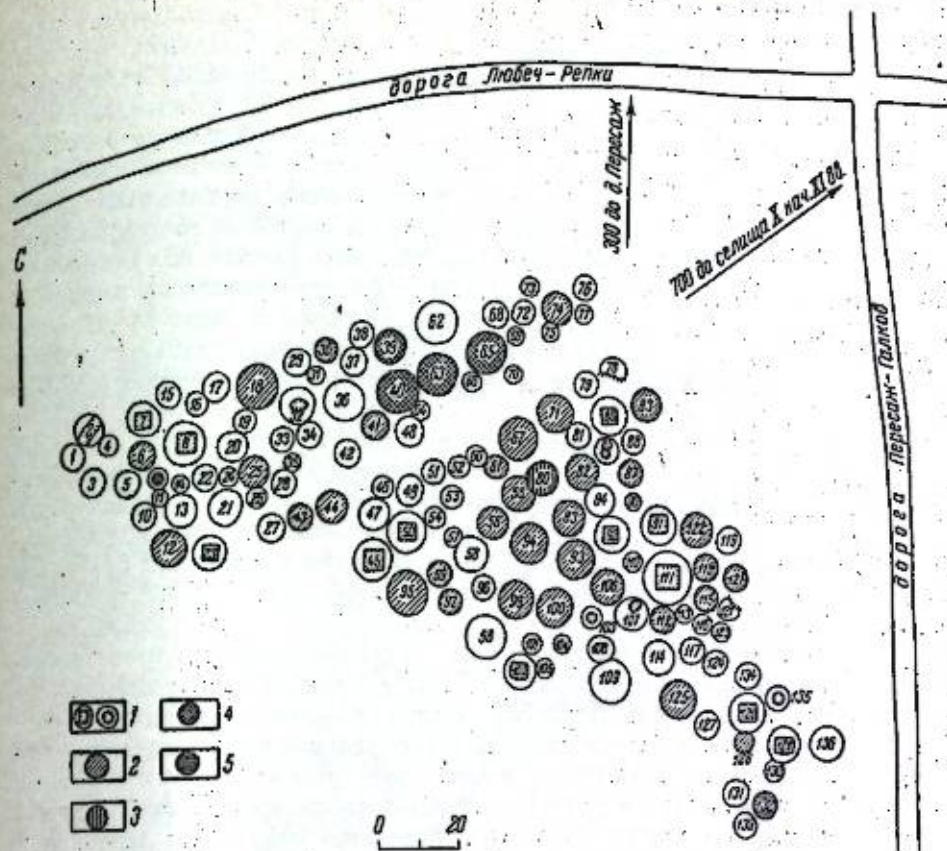

Рис. 43. План курганный группы у дер. Пересаж.

1 — курганы, поврежденные раскопными колодцами; 2 — курганы, содержащие трупосожжения на месте погребения; 3 — курганы, содержащие трупосожжения на стороне; 4 — мемориальные курганы; 5 — курганы с трупосожжениями

Ритуал погребения, по-видимому, не определял строго места, куда на кострище после сожжения устанавливалась с собранными в нее костями погребальная урна. Она ставилась на поверхность развала костра, в особую яму в кострище или рядом с ним.

При раскопках в отдельных случаях удавалось установить конструкцию погребального костра. Лучшее всего она сохранилась в кургане 24⁵. На горизонте находились части обгоревшего штабеля, сложенного из сосновых плах, шириной до 14 см, на высоту в два бревна. В нижнем его ряду плахи длиной до 2 м лежали в направлении с запада на восток с промежутками в 10—12 см. Плахи верхнего ряда располагались с тем же промежутком перпендикулярно нижним бревнам и достигали в длину 90—106 см. Тело умершего, очевидно, помещалось на вершине штабеля. Жженые кости, расчищенные в кострище, располагались большей частью на поверхности горелого слоя дерева.

Значительное более сложное устройство погребального сооружения наблюдалось в курганах 22, 33 и 40. В первом из них под курганной насыпью на горизонте открыта сгоревшая платформа из уложенных с запада на восток вплотную друг к другу сосновых плах шириной 14—18 см, сохранившихся местами в длину до 1,1 м. Горелый слой дерева платформы образовывал в профиле два отдельных пласта: нижний ряд плах, лежащих на

⁵ Нумерация курганов в тексте статьи приводится по дневнику раскопок. Архив ИА АН УССР.

материке, и плахи верхнего яруса, четко отделенные от нижних бревен прослойкой из перегоревших костей. Кальцинированные кости, заключенные в погребальном костре между двумя слоями лежащих горизонтально плах, и куски коротких плашек, обнаруженных по краям сгоревшей платформы, свидетельствуют о том, что трупосожжение в кургане 22 произведено в деревянном ящике-домовине. Пол и крыша этого домика были устроены из уложенных вплотную друг к другу длинных плах, а боковые стены складывались из массивных коротких плах, поставленных вертикально. Длинной осью домовина была вытянута с запада на восток и имела размеры около 1,8 × 1,2 м. В курганах 33 и 40 из плах был сложен пол погребальных построек, стены и крыши этих домовин были устроены из жердей и, вероятно, переплетенных веток. В кургане 33 стены и перекрытие постройки скреплялись не только плетением. В северо-восточном углу, кострища этого кургана среди угля и золы найдены перегоревшие обломки большого кованого гвоздя.

Относительно хорошая сохранность кострищ в курганах 3, 5—7, 18, 22, 24, 27, 30, 40 помогла выяснить положение ури на костре погребенных. Обломки жженных черепных костей встречались в этих курганах почти исключительно в западной части кострищ. Перегоревшие кости ног в большинстве попадались в их восточной части. Горшки в курганах 6, 16, 24, 40 находились тоже в восточной части кострища, т. е. в ногах погребенного⁶.

Почти во всех курганах, содержавших трупосожжения на месте погребения, кроме горшка-урны, а иногда и горшка с пищей для покойника, на кострище или рядом с ним встречаются мелкие обломки умышленно разбитых при похоронах одного или двух-трех горшков. Характерно, что собранные из одного комплекса, вместе они редко образуют полные сосуды. Для погребального ритуала использовались прежде всего старые и уже поврежденные горшки. Судя по состоянию найденных черепков и топографии их расположения в курганах, этот обряд мог совершаться как до сожжения тела умершего, так и позднее.

Погребальный пир-стравы требовал применения целой посуды. Следы такой стравы на вершине кургана 10 оставались под дерном гончарный горшок и заполнявшие его горелые кости животных. На дне ровика кургана 9 (55)⁷ под прилегающей насыпью кургана 8 (80) (рис. 43) также, очевидно, от стравы сохранился опрокинутый вверх дном пустой горшок. Аналогичный по назначению опрокинутый горшок найден на горизонте рядом с кострищем в кургане 38.

Кроме 34 курганов с трупосожжениями на месте погребения в курганной группе у дер. Пересажа в 1964 г. обнаружена единственная могильная насыпь, возведенная также над остатками языческого трупосожжения, но совершенного в стороне от места захоронения. Погребение кургана 8 было открыто в его центральной части на горизонте. Здесь найдено несколько черепков горшка с жжеными косточками и бусиной глухого стекла (рис. 44, 12).

Не случайно оказались сгруппированы вместе исследованные в 1962 и 1964 гг. курганы 4 (65), 12 (40), 14 (63), 17 (39). Все они, как показали раскопки, представлял собой особую категорию погребальных памятников — меморативные погребения. Под их насыпями на горизонте расчищены округлые или овальные в плане скопления золы, достигающие в диаметре 1,3—2,8 м при мощности от 5 до 16 см. В кургане 14 на зольном кострище были найдены остатки тризны в виде горшка и перегоревших костей животных. В кургане 17 следы такого же погребального пира

⁶ Такие же горшки, стоявшие на погребальном костре в ногах покойника в момент сожжения, открыты в 1962, 1967 гг. Черниговским отрядом и в некоторых курганах у сел Любеч и Седнев. Архив ИА АН УССР.

⁷ Цифра в скобках соответствует номеру кургана на плане курганной группы.

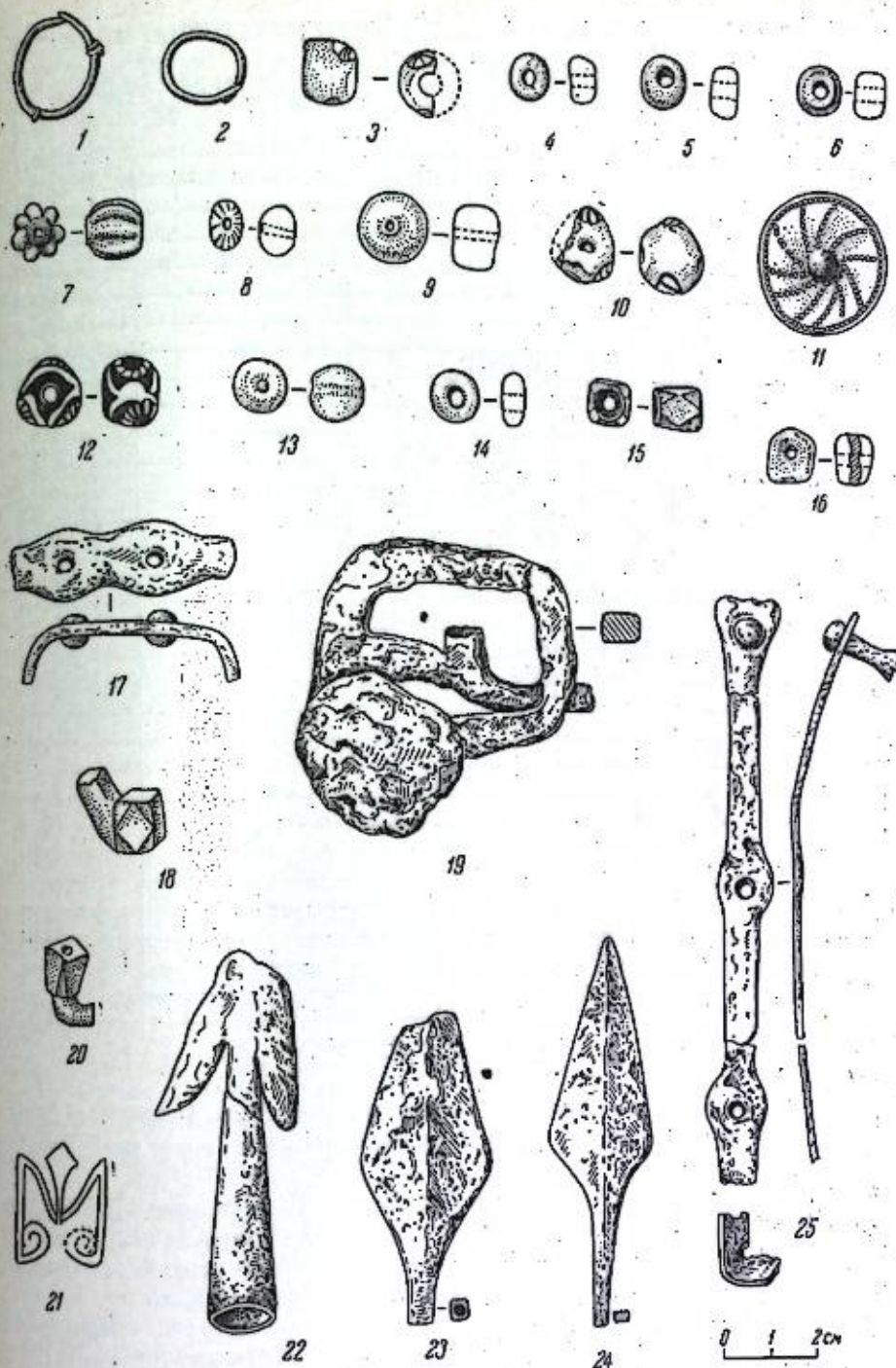

Рис. 44. Курганы у дер. Пересажа. Вещи из погребений

1, 2 — курган 11; 3 — курган 1; 4—10 — курган 6; 11, 13—17 — курган 28; 12 — курган 8; 18 — курган 37; 19 — курган 7; 20 — курган 30; 21 — курган 29; 22 — курган 22; 23, 24 — курган 27; 25 — курган 3

прослежены над кострищем в насыпи. Общие черты указанных курганов — это явные следы поминок и зольные кострища, полученные при сгорании легкого, не дающего древесного угля материала.

Из 40 курганов, раскопанных Черниговским отрядом у дер. Пересажа, лишь один курган 11 (132) заключал труположение. В центре этого кургана в погребенном дерне и ниже в материке выявлена прямоугольная

Типы керамики	Курганы																	
	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII	XIII	XIV	XV	XVI	XVII	XVIII
1	22 (18)																	
2	14 (63)																	
3	31 (12)																	
4	18 (36)																	
5	16 (112)																	
6	15 (115)																	
7	7 (65)																	
8	6 (71)																	
9	24 (44)																	
10	25 (59)																	
11	26 (25)																	
12	21 (61)																	
13	35 (105)																	
14	36 (122)																	
15	2 (6)																	
16	13 (41)																	
17	17 (39)																	
18	40 (33)																	
19	9 (55)																	
20	27 (34)																	
21	5 (118)																	
22	28 (39)																	
23	19 (67)																	
24	23 (43)																	
25	38 (121)																	
26	37 (125)																	
27	10 (37)																	
28	8 (80)																	
29	3 (8)																	
30	32 (82)																	
31	23 (100)																	

Рис. 45. Сводная таблица керамики из курганов у дер. Пересаж

Условные обозначения: 1 — гончарный горшок; 2 — лепной горшок; 3 — два горшка одного типа

в плане, вытянутая с запада на восток могильная яма размерами 1,8 × 0,65 × 0,4 м. На ее дне расчищен костяк женщины, лежащий вытянуто на спине головой на запад. У висков ее черепа встречены два серебряных височных кольца (рис. 44, 1, 2), у левого бедра — нож.

Вещи, найденные в курганных погребениях Пересажа, немногочисленны (рис. 44). Они находят аналогию на землях Черниговщины, на территории Восточной Европы и Скандинавии. Из всех находок наиболее определена во времени монетовидная подвеска с изображением сегнерова колеса из кургана 28. Подобные подвески известны в 10 денежно-вещевых кладках о-ва Готланд, Швеции и Дании. Этими кладками период бытования таких подвесок ограничивается в 50—60 лет (между 960 и 1010 гг.)⁸.

⁸ R. Skovmand. De danske Skattefund fra Vikingetiden og den oldste Middelalder indtil omkring 1150. København, 1942, стр. 86—87, 103—106, 117—118, fig. 19, 22, 26; M. Stenberger. Die Schatzfunde Gotlands der Wikingerzeit, t. II. Lund, 1947, стр. 47; 99—101, 106—109, 167, 239—241, abb. 54, 114, 161, 180, 230; M. Stenberger. Die Schatzfunde Gotlands der Wikingerzeit, t. I. Stockholm, 1958, abb. 41, 47.

Поэтому конкретно курган 28, несмотря на наличие в его кострище несомненно более ранней синей 14-гранной стеклянной бусины (рис. 44, 15)⁹, не может быть датирован старше 60—70-х годов X в.

Время существования курганной группы устанавливается на основании изучения найденной в курганах керамики. Вся она представлена стандартными для Киевской Руси кухонными горшками, расширяющимися сверху, с мягко выступающими плечиками и относительно резко отогнутым венчиком. Плечики этих горшков находятся обычно на высоте $\frac{3}{4}$ — $\frac{4}{5}$ от дна. Диаметр тулова приблизительно равен высоте сосуда, и лишь в кургане 10 горшок в насыпи (рис. 45, 27—XV) имел высоту меньшую, чем ширина тулова. $\frac{2}{3}$ горшков из Пересажа орнаментированы. Узор, чаще всего линейный, наносился на сосуд палочкой, нижняя часть сосуда оставалась без орнамента. Волнистый орнамент располагается на шейке и плечиках сосуда выше линейного орнамента.

По характеру примесей в тесте и качеству обжига посуду из курганов Пересажа можно разделить на три основные группы: 1) со значительной примесью песка в тесте и плохим обжигом; 2) со средним количеством примесей в тесте и средним обжигом; 3) почти без примесей, тонкостенной, с очень хорошим обжигом. По деталям и сложности профилировки венчиков горшков их можно разделить на 18 типов. Они составляют большинство известных на Черниговщине типов керамики из курганов, одновременных Пересажу. Формально по профилю венчика исходным звеном развития керамики (рис. 45) является тип IV. Менее резко выраженный, он известен еще на поселении VIII—IX вв. в урочище Шумск¹⁰, а затем в верхнем слое городища и селища Хотомель¹¹. В Хотомеле прослежено; как из керамики типа IV возникает в той же еще грубой форме посуда типов III и V, потом I—II и VI¹².

Для курганов Пересажа, учитывая качество теста и обжига горшков, древнейшим вариантом посуды остаются сосуды типов I и II (рис. 45). В кургане 14 горшок с таким профилем оказался лепным и лишь слегка подправленным на круге. Другие два горшка того же типа выполнены на круге, но по своему тесту и обжигу ничем не отличаются от горшка кургана 14. Всех их объединяют значительная примесь песка в тесте и плохой обжиг. Подобные горшки типов I и II встречены в курганах 9 и 32, исследованных в 1956—1957 гг. Д. И. Блifelдом у с. Шестовицы и датированных второй четвертью X в.¹³

Основная часть посуды типов III—IX характеризуется в Пересаже средней примесью песка в тесте и по сравнению с первой группой керамики (типы I и II) значительно лучшим обжигом. Отдельные сосуды этой группы (типа рис. 45, 31—VIII) иногда бывают выделаны значительно лучше и по своему качеству становятся близки сосудам третьей категории (рис. 45, X—XVIII) со сложнопрофилированными венчиками, великолепно отмученной глиной и отличного обжига. Время бытования этой последней категории керамики определяется ее широким присутствием на городищах крепостей юга Киевщины, построенных великим князем Владимиром Святославичем в 80-х годах X в. против печенегов¹⁴. В Пересаже

⁹ М. В. Фехнер. К вопросу об экономических связях древнерусской деревни. «Труды ГИМ», вып. 33, 1959, стр. 170.

¹⁰ И. П. Русанова. Славянские памятники второй половины I тысячелетия н. э. на северо-западе Украины и юге Белоруссии. «Древности Белоруссии», Минск, 1966, стр. 185—186.

¹¹ И. П. Русанова. Археологические памятники второй половины I тысячелетия н. э. на территории древлян. СА, 1958, № 4, рис. 3, IV.

¹² Там же, рис. 3, V; 6, II; VI; VII.

¹³ Архив ИА АН УССР, ф. 3607, д. 1956/12а.

¹⁴ Б. А. Рыбаков. Владимировы крепости на Стугне. КСИА, вып. 100, стр. 127—128; В. И. Довженко; В. К. Гончаров, Р. О. Юра. Древноруське місто Воїнь. Київ, 1966, табл. X, 10—13.

в кургане 29 сложнопрофилированные горшки (рис. 45, 31—XIII и XVIII) встречены в комплексе с превосходно выполненным горшком второй категории (рис. 45, 31—VIII), на дне которого имелось клеймо-тамга князя Владимира (рис. 44, 21). Таким образом, время наиболее поздних курганов группы у дер. Пересажа, очевидно, соответствует периоду распространения на Руси сложнопрофилированной керамики, датируемой концом X—началом XI в.

Вероятнее всего, могильник перестает функционировать в конце 80—начале 90-х годов X в. В эти годы официальной религией Руси становится христианство, и несомненно, что в первую очередь массовому крещению подверглись ближайшие к Киеву земли Черниговщины. На кладбище Пересажа перестают пылать языческие погребальные костры, и на его юго-восточной окраине появляется одно из первых христианских погребений — труположение в кургане 11 (132).

Подводя итоги раскопкам 1962, 1964—1966 гг. у дер. Пересажа, прежде всего следует подчеркнуть, что трупосожжение на стороне в кургане 8 и домики мертвых в курганах 22, 33, 40 для второй половины X в. отражают прошлое в погребальной обрядности населения Черниговщины. К середине X в. в наиболее развитых районах Руси прежний славянский обряд трупосожжения на стороне вытесняется индивидуальным по своему характеру обрядом сожжения на месте погребения. Здесь, на земле черниговских полей¹⁵, на курганном могильнике Пересажа прослеживается господство нового обряда.

По своему облику группа у дер. Пересажа очень близка ряду других курганных могильников кладбищ X в., известных на Черниговщине у деревень Сибереж¹⁶, Н. Белоус¹⁷, Галков, Голубовка, Мохнати¹⁸. Как и в Пересаже, высота курганов в подобных группах не превышает 1,7—1,8 м. Среди других могил на этих кладбищах встречаются четко обособленные гнезда курганов из нескольких малых насыпей, располагающихся вокруг большей могилы. Раскопки у дер. Пересажа установили, что центральный курган таких гнезд заключал иногда погребение молодого мужчины. В окружающих курганах находились погребения одной-двух женщин и детей. Естественно допущение, что такие гнезда погребений могли принадлежать членам консолидирующейся малой семьи. Для всех перечисленных курганных групп показателен однообразный и относительно бедный инвентарь погребений. Почти все захоронения сопровождаются глиняной посудой. Самый большой раскопанный Н. Е. Бранденбургом у дер. Пересажа курган 111 (рис. 43) «отличался» лишь наличием в его погребении четырех горшков и раковины *Surgaea topeta*. Идентичность инвентаря погребений, топографии и внешнего облика могильников, отсутствие парных погребений мужчины с убитой рабыней — все это позволяет считать курганные группы типа Пересажа кладбищами деревенского населения. Найденные в ничем внешне не выделяющихся курганах Пересажа боевой топор¹⁹, дротик, колчан со стрелами свидетельствуют о том, что крестьяне были лично свободны и участвовали в ополчении. Имеющиеся в группе курганы-кенотафы подтверждают это.

З. М. СЕРГЕЕВА

КУРГАНЫ у дер. БАГРИНОВО ВБЛИЗИ ДРЕВНЕРУССКОГО ДРУЦКА (БССР)

Комплексное изучение древнерусского города и его округа — одна из ближайших задач современной средневековой археологии. Особенно интересны территории, расположенные вблизи торговых путей, где жизнь была более интенсивной и раскопки могут дать более яркий и убедительный материал. Подобную, весьма интересную зону представляет древнерусский княжеский Друцк и его округа, расположенные в начале одного из вариантов двинского ответвления пути «из варяг в греки» (современный Толочинский район Витебской и Курляндский район Могилевской области БССР).

Друцк расположен в верховьях р. Друти и, судя по археологической карте, в древности был окружен многочисленными деревенскими поселениями¹. В 7—8 км к северо-западу от Друцка у дер. Загородье Е. Р. Романовым было обнаружено при раскопках двух курганов трупосожжение в урне на подсыпке (один курган) и труположение на горизонте (другой)². В 20—25 км восточнее Друцка у дер. Дымово Н. Турбиным были раскопаны курганы с труположениями с богатейшим инвентарем³. Остальные курганы, окружавшие Друцк, до последних лет не исследовались.

В июне 1967 г. Полоцко-прибалтийский отряд Прибалтийской экспедиции АН СССР (начальник Л. В. Алексеев) начал систематические раскопки округа древнего Друцка. В 10—12 км к востоку от города, в 500 м к югу-западу от дер. Багриново (Толочинский район Витебской области БССР) и в 300 м к западу от берега р. Кривой расположена группа из 24 довольно хорошо сохранившихся полусферических курганов, 13 из которых находятся в лесу, остальные разбросаны по полю вблизи дороги Багриново—Воронцевичи. Высота насыпей колеблется от 0,5 м до 2,50 м; диаметр от 6 до 15 м. Впервые о памятниках упоминает А. Д. Коваленя «по рассказам селян»⁴. В 1956 г. этот могильник обследовал Л. В. Алексеев⁵.

¹ Л. В. Алексеев. Полоцкая земля. М., 1966, рис. 5 (карта).
² Е. Р. Романов. Раскопки в Могилевской губернии в 1888 г. «Древности ТМАО», т. XIII, вып. 1, 1889, стр. 144—146.
³ Н. М. Турбин. Раскопки 1885 г. «Древности ТМАО», т. XI, вып. 2, 1886, стр. 83—86.
⁴ А. Зьм. Коваленя. Археологічныя росшуки у верхоуях рэк Друці, Усяжа-Бук, Лукамкі. «Працы сэццыі археалёгіі Інстытуту гісторыі Беларускае Акадэміі навук», т. III, 1932, стр. 190.
⁵ Л. В. Алексеев. Археологические памятники эпохи железа в среднем течении Западной Двины. «Вопросы этнической истории народов Прибалтики». М., 1959, стр. 300.

¹⁵ И. П. Русанова. Курганы полей. М., 1966, табл. 18.
¹⁶ В. Б. Антонович. Дневник раскопок, произведенных в Черниговской губ. в 1881 г. «Тр. московского подготовительного комитета по устройству XIV АС», вып. 1, 1908, стр. 29.
¹⁷ Д. І. Біліфельд. Десятилітня археологічна експедиція 1949 р. АП, т. V, 1955, стр. 14—15.
¹⁸ Последние три памятника обследованы Приднепровской экспедицией ИА АН СССР в 1964—1966 гг. Архив ИА АН УССР.
¹⁹ Н. Е. Бранденбург. Указ. соч., стр. 197.

В 1967 г. здесь было раскопано 4 кургана⁶. Форма их в плане округлая, насыпь состоит из супеси с небольшим количеством зольных включений.

Курган 1 располагался в центре группы у леса. Высота 1,20 м, диаметр 7 м. В его южной половине под насыпью на уровне горизонта обнаружены следы труположения (сохранились лишь части черепа). Из вещей найдено перстнеобразное височное кольцо около головы; на месте левой руки — бронзовый витой браслет с завязанными концами (рис. 46, 5) и часть плохо сохранившегося бронзового пластинчатого перстня. Судя по характеру вещей, погребение женское, ориентированное головой на запад.

Курган 2 находился в 150 м к северо-востоку от первого кургана. Высота 2 м, диаметр — 11 м. В центре кургана на уровне горизонта встречены также только остатки труположения (части черепа). Очевидно, у правого бедра лежал железный нож с остатками деревянной рукоятки, на поясе — подковообразная пряжка из низкопробного серебра, в сечении треугольная (рис. 46, 4), в ногах — нижняя часть горшка с линейным орнаментом. По набору вещей — погребение мужское, а по их распределению и остаткам черепа можно говорить о западной ориентировке погребенного.

Курган 3 (высота 2 м, диаметр 11 м) находился в южной части группы и содержал два погребения. Основное женское погребение располагалось на уровне горизонта, мужское на 0,20 м выше. От женского костяка сохранились части черепа и кое-где тлен от костей. Судя по этим остаткам погребенная лежала на спине головой на запад; правая нога согнута в колене, левая вытянута вдоль туловища. Около головы найдено шесть серебряных браслетообразных височных колец с завязанными концами (диаметр 0,10 м): два с правой стороны головы, три под ней и одно на груди (рис. 46, 1). У левого плеча скопление бус: сердоликовых призматических — 4, четырехгранных синего стекла с белыми ромбиками — 5, бисерных — 115 (рис. 46, 2); возле правой руки — миниатюрный железный нож с остатками деревянной рукоятки (рис. 47, 2).

Мужской костяк лежал на спине головой на запад. У левой руки найдено калачевидное кресало (рис. 47, 8), на котором прослеживались следы льняной ткани; рядом железный нож (рис. 47, 4); около правой голени железный топор (рис. 47, 1), который лежал рукояткой к погребенному. На поясе обнаружена подковообразная бронзовая пряжка, круглая в сечении (рис. 46, 7).

В северной части кургана в насыпи (глубина 0,60 м) найден обломок серпа (рис. 47, 7) с отпечатками с обеих сторон льняной ткани, в которую он, очевидно, был завернут.

Курган 4 (высота 1,90 м, диаметр 13 м) находился в южной части группы. В нем обнаружены остатки двух труположений на уровне горизонта. По частично сохранившемуся тлену костяки лежали на спине головой на запад. С женским костяком найден литой бронзовый перстень с орнаментом из двух ломаных линий и точек между ними (рис. 46, 3), половина выпукло-вогнутого перстня с таким же орнаментом; перстнеобразное височное кольцо из низкопробного серебра; бронзовое поясное кольцо (рис. 46, 6) и бронзовая пряжка с прямоугольной рамкой (рис. 46, 9).

Рядом с женским погребением обнаружена челюсть лошади, а над ним, в насыпи, железный серп (рис. 47, 6). В мужском погребении около левой руки лежал нож (рис. 47, 3) и ключ (рис. 47, 5), на поясе — брон-

⁶ Курганы раскопаны силами учащихся Вороженичской средней школы под руководством автора. Активное участие в работах и организации раскопок принимали директор школы А. В. Прусский, преподаватель истории В. К. Прусский и другие преподаватели школы.

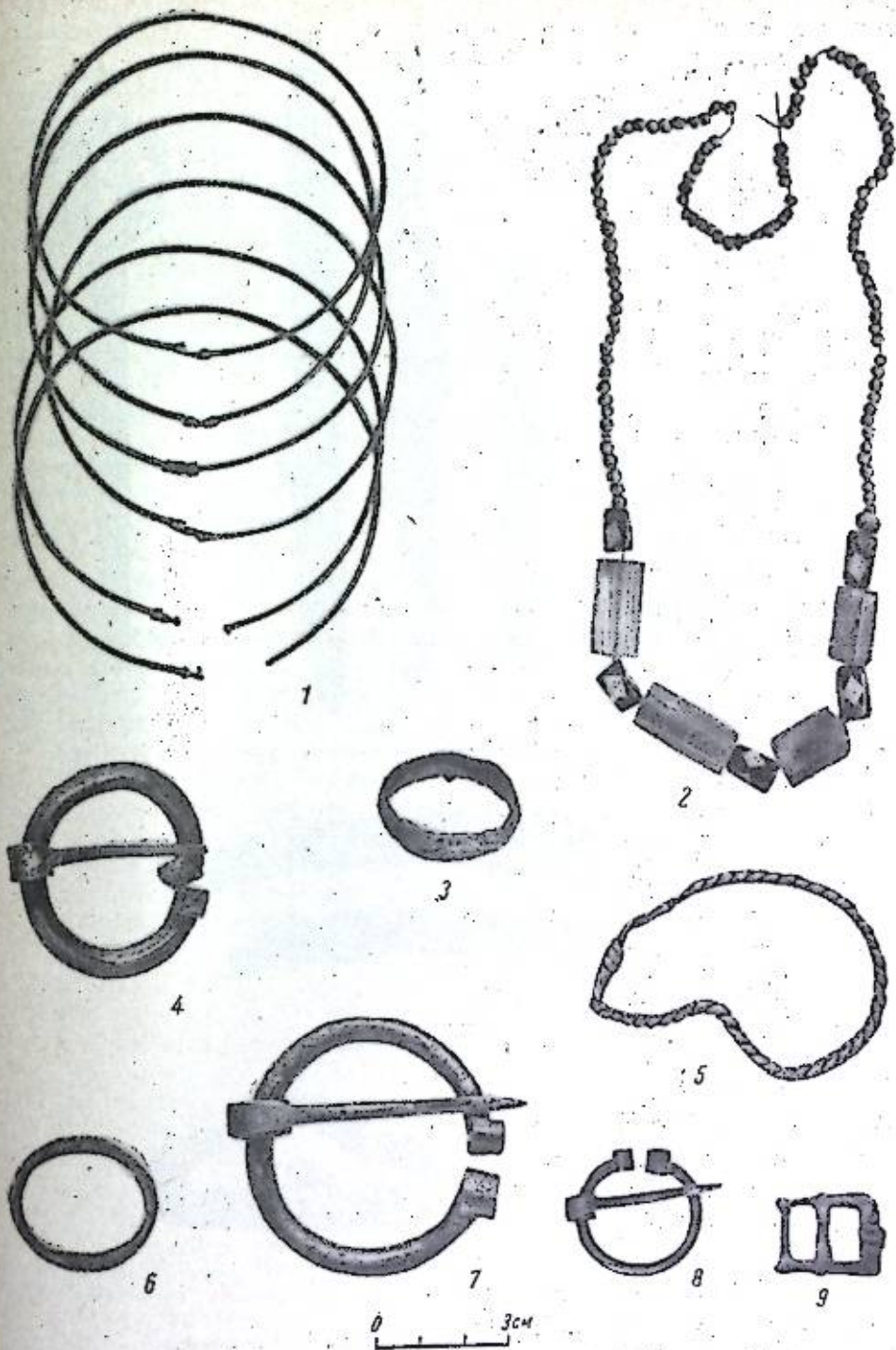

Рис. 46. Курганы у дер. Багриново. Вещи из погребений

1 — серебряные височные кольца; 2 — бусы (сердоликовые призматические, стеклянные белоромбические и бисерные); 3 — бронзовый перстень; 4 — серебряная пряжка; 5 — бронзовый браслет; 6 — бронзовое поясное кольцо; 7, 8, 9 — бронзовые пряжки

зовое кольцо и маленькая подковообразная пряжка (в сечении круглая) (рис. 46, 8).

Исследованные курганы содержали находки, характерные для кривичских курганных погребений.

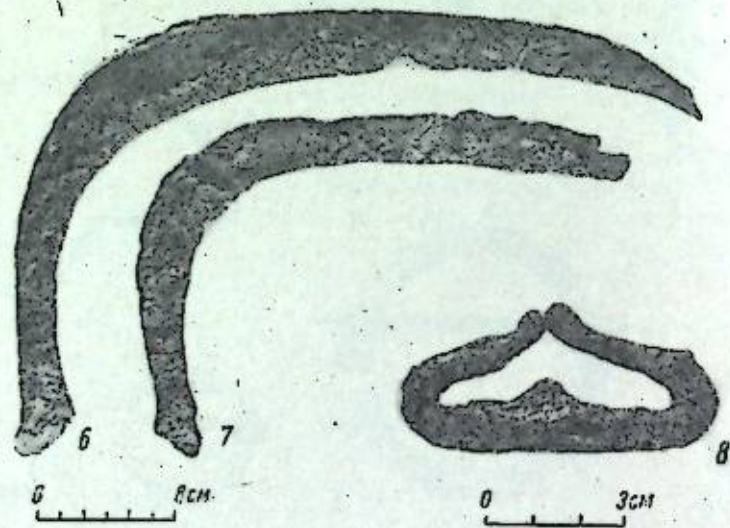
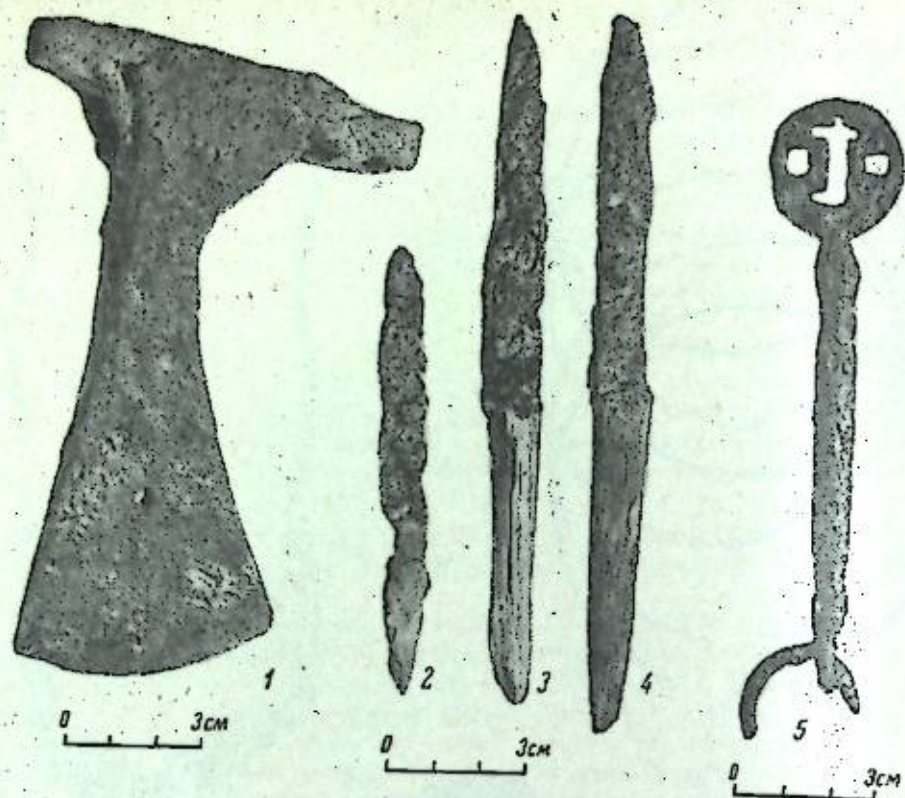

Рис. 47. Курганы у дер. Багриново. Вещи из погребений
1 — железный топор; 2, 3, 4 — ножи; 5 — ключ; 6, 7 — серпы; 8 — кресало

Браслетообразные височные кольца встречаются по всей территории расселения племени кривичей. В районах, ближайших к изучаемому памятнику, они найдены у дер. Дымово в раскопках Н. М. Турбина⁷ и в районе Орши в раскопках А. Н. Лявданского⁸.

⁷ Н. М. Турбин. Указ. соч., стр. 86; Л. В. Алексеев. Полоцкая земля, стр. 47, рис. 8, 2.

⁸ А. Н. Лявданский. Археологические доследы у Аршансай акрузе. «Працы», т. II, 1930, стр. 68, табл. VI, рис. 23.

В Новгороде подобные украшения встречены в слоях XI—XII вв.⁹ Сердоликовые, белоромбические и бисерные бусы, составлявшие, очевидно, ожерелье погребенной, были широко распространены среди славянских древностей. Сердоликовые призматические бусы, как отмечает А. В. Арциховский¹⁰, довольно часто встречаются у новгородских славян и кривичей и представляют ранний тип, бытующий в X—XI вв.¹¹ Синие четырехгранные бусы с белыми ромбиками М. В. Фехнер относит тоже к ранним (X—XI вв.) и предполагает, что они импортные¹².

Интерес представляет бронзовый витой браслет с завязанными концами, часто встречаемый у славянских племен. Аналогии ему известны в Гдовских курганах¹³, в курганах верхних притоков Днепра в раскопках Н. И. Булычева¹⁴ и в раскопках А. Н. Лявданского¹⁵. Он датируется XI в.

Поясной набор представлен из широко известных поясных колец — в женских и мужских погребениях, подковообразных пряжек со спирально загнутыми концами — в мужских погребениях. Подобные типы встречены в курганах Витебской области¹⁶, в Гдовских курганах¹⁷, в Новгороде, где основная их масса найдена в слоях X—XI вв.¹⁸

Из шести погребений ножи встречены один раз с женским захоронением и три раза — с мужским. Они узколезвийные и относятся к ранним типам XI—XII вв.¹⁹ С мужским погребением найден боевой железный топор с небольшой нижней выемкой и круглым отверстием на лезвии. До реставрации на нем прослеживались следы шерстяной ткани, по-видимому, от чехла. В схеме А. Н. Кирпичникова он близок к топорам III типа, датируемого X—XI вв.²⁰

Из находок следует отметить также серпы. Это — принадлежность женских погребений. Режущая часть их еще значительно вытянута, но рукоятка уже отогнута и близка к современному виду. Данный тип серпов бытовал в X—XIII вв.²¹

Первые раскопки курганов у дер. Багриново, несмотря на их ограниченность, позволяют заключить, что территория, примыкающая к Друцку с востока, в XI в. была заселена племенами кривичей.

⁹ М. В. Седова. Ювелирные изделия древнего Новгорода. МИА, № 65, 1959, стр. 224.

¹⁰ А. В. Арциховский. Курганы вятичей. РАНИОН, М., 1930, стр. 37.

¹¹ М. В. Фехнер. К вопросу об экономических связях древнерусской деревни. «Труды ГИМ», вып. 33, 1959, стр. 152.

¹² Там же, стр. 170.

¹³ А. А. Спицын. Гдовские курганы в раскопках В. Н. Глазова, МАР, № 29, 1903, табл. XX, 13.

¹⁴ Н. И. Булычев. Журнал раскопок по части водораздела верхних притоков Волги и Днепра. М., 1889, табл. XXVIII, 13.

¹⁵ А. Н. Лявданский. Археологические доследы у Смаленшчыне. «Працы», т. III, 1932, табл. IV, 4.

¹⁶ Там же, табл. III, 17.

¹⁷ А. А. Спицын. Указ. соч., табл. XXII, 3; табл. XXII, 4.

¹⁸ М. В. Седова. Указ. соч., стр. 241.

¹⁹ Б. А. Колчин. Железообрабатывающее ремесло Новгорода-Великого. МИА, № 65, стр. 48.

²⁰ А. Н. Кирпичников. Древнерусское оружие. САИ, вып. Е1—36, рис. 6/3.

²¹ В. П. Левашова. Сельское хозяйство. «Труды ГИМ», вып. 32, 1956, стр. 40.

Б. А. ТИМОШУК

ДЕКОРАТИВНЫЕ ПЛИТКИ XII—XIII вв. ИЗ ВАСИЛЕВА

Керамические поливные плитки, применявшиеся для убранства полов, получили в XII—XIII вв. широкое распространение на всей территории древней Руси. Известны они также и в Галицкой земле. В последние годы такие плитки были обнаружены на территории Северной Буковины, т. е. на юго-восточной окраине Галицкого княжества. Так, плитки были найдены при раскопках белокаменного храма XII в. на территории посада в древнем Василеве¹. На селище Мартыновка (у с. Окно Заставновского района Черновицкой обл.) в 1960 г. были раскопаны остатки небольшой деревянной церкви, пол которой был устлан керамическими плитками, уложенными на глиняном растворе². Плитки были найдены на неукрепленной части Ленковецкого поселения, где они, очевидно, также были использованы для убранства пола какого-то деревянного здания, вероятно церкви³. Плитки, найденные на территории Северной Буковины, относятся к типу, обычно для других русских городов. Они имели как квадратную, так и треугольную форму (в Ленковцах — только треугольную); размер их сторон от 12 до 14 см, толщина 1,5—2 см. Плитки покрыты поливой желтого, зеленого и темно-коричневого цветов.

Однако в Василеве были, кроме того, обнаружены плитки совершенно особого рода. Здесь в юго-восточной части детинца в разведывательном раскопе на глубине от 20 до 70 см собрано около двух десятков обломков керамических плиток с рельефным изображением птицы. Среди них имеется один почти целый экземпляр (рис. 48). Плитка почти квадратная (11,5 × 12,5 см), толщиной 1,8 см, отформована из хорошо промешанной глины с примесью мелкого песка. Обжиг равномерный, и черепок имеет в изломе желто-красный цвет. Лицевая сторона плитки покрыта желтой поливой. На плитке изображен орел в геральдической позе с распростертыми крыльями. Голова его на длинной шее, обращена вправо. Туловище покрыто перекрещивающимися линиями, образующими ромбическую сетку. Рельеф невысокий, не более 2 мм; в ряде мест полива совершенно скрывает этот рельеф.

По-видимому, плитки служили для украшения здания деревянной церкви. Об этом свидетельствует небольшое древнерусское кладбище, расположенное рядом. Здесь раскопаны три погребения: одно подплатовое и два грунтовых. На дне могильных ям найдено несколько обломков керамики XII—XIII вв. Такая же керамика, но в значительно большем коли-

честве, найдена в культурном слое, вместе с плитками. Здесь же найден бронзовый крест-энколпийон с изображением распятия⁴.

На территории детинца, в его западной части, найдена еще одна почти целая плитка такого же рисунка. Эта плитка не была покрыта поливой, хотя следы случайно попавшей желтой поливы на ней имеются. Возможно, что плитки изготовлялись на месте и данная плитка представляет собой керамический брак. Такое предположение подтверждается

Рис. 48. Декоративная керамическая плитка из Василева

наличием в Василеве, на берегу оврага неподалеку от детинца керамических горнов. Здесь раскопаны горны двух типов: а) двухъярусные, служившие для обжига глиняной посуды, и б) одноярусные, в которых могли обжигаться плитки. Однокамерные горны были овальными в плане, диаметром 1,2—1,4 м. Топочная камера располагалась сбоку, со стороны оврага. Интересной деталью этих горнов является керамическое сопло, служившее для подачи воздуха в камеру во время обжига.

Декоративные глиняные плитки подобного типа, но с разнообразным набором рисунков, были найдены в столице княжества — Галиче⁵. Там обнаружена также и мастерская для их изготовления. В других городах древней Руси подобные плитки неизвестны; видимо, они были характерны только для Галицкой земли.

¹ Г. Н. Логвин, Б. А. Тимошук. Белокаменный храм XII в. в с. Василеве. «Памятники культуры», т. III, М., 1961, стр. 42.

² Б. А. Тимошук. Северная Буковина IX—XIV вв. по археологическим данным. Автореф. канд. дисс. Черновцы, 1967, стр. 7—8.

³ Б. А. Тимошук. Ленковецкое древнерусское городище. СА, 1959, № 4, стр. 250—257.

⁴ Такие энколпийоны датируются концом XII—первой половиной XIII в. (Г. Ф. Корзухина. О памятниках корсунского дела на Руси. «Византийский вестник», XIV, 1958, стр. 133).

⁵ В. К. Гончаров. Художническое ремесло. «История украинского искусства», т. I. Киев, 1966, стр. 388; М. К. Каргер. Основные итоги раскопок древнего Галича в 1955 г. КСИА, вып. 81, 1960, стр. 64.

Ф. Д. ГУРЕВИЧ

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ НОВОГРУДКА

Материалы, полученные в итоге полевых работ 1965—1966 гг. в Новогрудке, предоставили в наше распоряжение немало новых археологических источников, помогающих воссоздать историю этого города.

Добыты новые данные о богатых жилищах окольного города¹. В его северной части вблизи вала была открыта часть большой сгоревшей срубной постройки (№ 33). В заполнении постройки и за ее пределами лежала обожженная глиняная обмазка с отпечатками досок. От деревянного пола уцелела одна доска. Остальная часть его сохранилась в виде угольного слоя. На уровне пола лежала сильно обожженная амфора (рис. 49, 1). В верхней части ее тулова циркульным инструментом были процарапаны кружки диаметром 2 см, возможно означавшие меру заполнения амфоры. Данный тип амфор хорошо известен по раскопкам предшествующих лет и имеет многочисленные параллели как в городах Древней Руси, так и за ее пределами².

В постройке № 33 найден разнообразный инвентарь (ножи, ключ, наконечники стрел, бронзовые украшения, стеклянные браслеты и др.). Обнаружены также фрагменты двух стеклянных сосудов. Первый представлял собой часть флакона из бесцветного рифленого стекла; горло и тулово сосуда украшала спираль из фиолетового стекла. Стекло флакона изготовлено по свинцово-калиевому рецепту, которым обычно пользовались ремесленники киевских мастерских. Однако среди продукции киевских стеклоделов подобных флаконов до сих пор не встречалось. От второго, очень обожженного сосуда уцелело два толстостенных обломка из бесцветного стекла, украшенного точками из белой эмали. В 1960 и 1961 гг. в окольном городе Новогрудке были найдены фрагменты подобной посуды, реконструированной в виде кубков с начертанными на них арабскими надписями³.

Постройка № 33 принадлежала к числу наиболее поздних построек домонгольского Новогрудка и может быть датирована первой половиной XIII в.

В северной части окольного города открыты остатки еще нескольких богатых, но плохо сохранившихся жилищ. От них сохранились лишь развалы глины и обломки кирпича. При разборке остатков этих построек найдены обломки амфор, наконечники стрел, обломки стеклянных брасле-

¹ Краткие сведения о ранее раскопанных богатых постройках опубликованы в статьях: Ф. Д. Гуревич. О жилищах окольного города древнего Новогрудка. КСИА, вып. 87, 1962; Дом боярина XII в. в древнерусском Новогрудке. КСИА, вып. 99, 1964.

² М. В. Малевская. Амфора с надписью из Новогрудка. СА, 1962, № 4.
³ Ф. Д. Гуревич, Р. М. Джанполадян, М. В. Малевская. Восточное стекло в Древней Руси. Л., 1968, табл. X—XI.

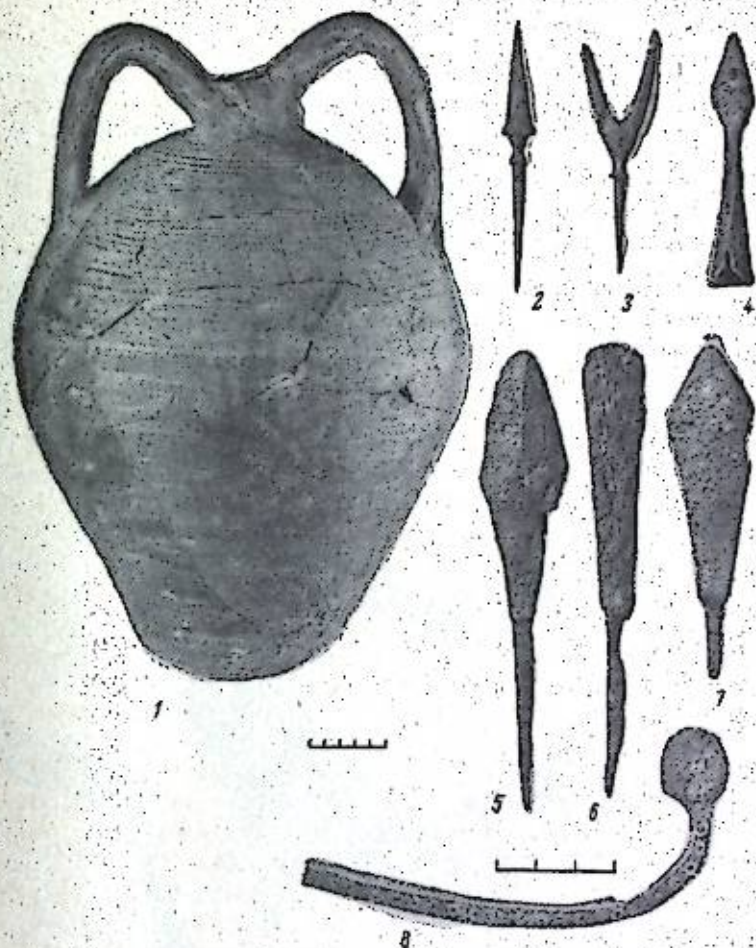

Рис. 49. Новогрудок. Вещи из раскопок
1 — амфора; 2—7 — наконечники стрел; 8 — фрагмент шпора

тов, фрагменты стеклянной посуды и другие вещи, характерные для жилищ привилегированного населения.

В южной части окольного города встречены жилые постройки иного типа. Это были наземные срубные жилища, размер которых не превышал 30 кв. м, с глинобитными печами или печами-каменками и деревянными полами.

Инвентарь этих построек составляли обычная керамика XII—XIII вв. и другие рядовые находки (сельскохозяйственные орудия, ножи, ключи, шиферные пряслица и т. д.). Здесь не найдено ни обломков амфор, ни привозной стеклянной посуды, ни других изделий, присущих богатым жилищам. По своему облику жилища XII—XIII вв. в южной части окольного города не отличаются от рядовых наземных жилищ лесной полосы древней Руси.

Жилища X—XI вв. сохранились очень плохо. В 1965 г. была обнаружена часть постройки (№ 30), рухнувшей в яму, вырытую в материке. К этой постройке относилось довольно много горелого дерева, здесь обнаружена часть глинобитной печи с двумя последовательно существовавшими подами. У печи лежала коса-горбуша (рис. 50, 10). При разборке культурного слоя постройки найдена керамика, преимущественно X в., среди которой интересен обломок кружальной сковороды. Фрагменты таких сковород встречались среди новогрудской керамики ранее, хотя в целом кружальные сковороды не характерны для памятников лесной

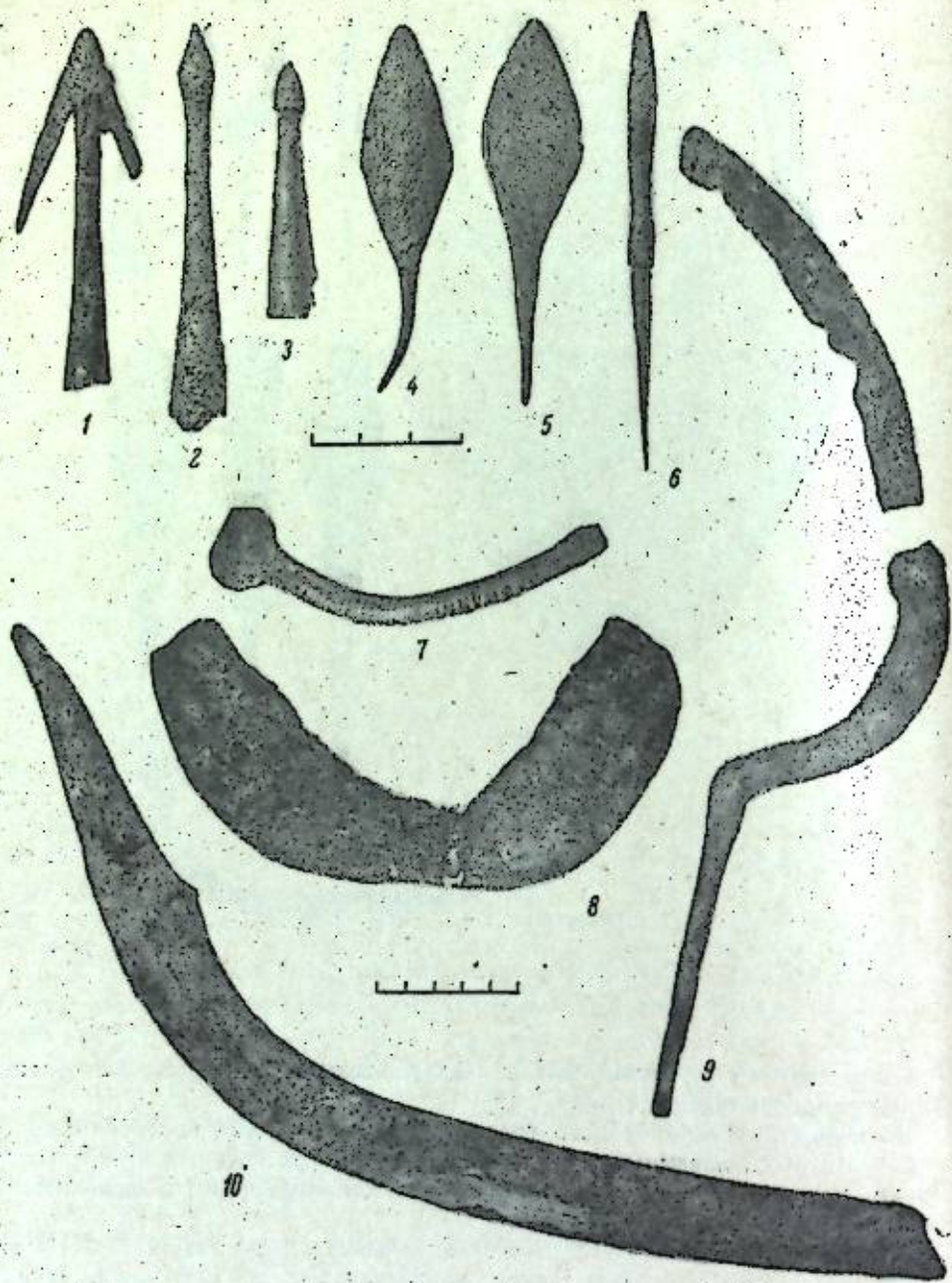

Рис. 50. Новогрудок. Вещи из раскопок

1—6 — наконечники стрел; 7 — фрагмент шпора; 8 — оковка лопаты; 9 — серп; 10 — обломок косы

зоны. Кроме керамики, к инвентарю этой постройки относились: лезвие топора, ножи, олений рог со следами обработки, ключи с округлой головкой и бронзовые украшения — перстень, бубенчик и петельчатая подвеска. Здесь же найдены куски железного шлака и много костей животных.

Остатки другой наземной постройки (№ 37) были обнаружены в южной части окольного города. Размер ее по оси север—юг равен 3,1 м. В углу стояла печь-каменка; от пола сохранился только угольный слой. Как и постройка № 30, данное жилище было сооружено над ямой, вырытой в материке. По керамическому материалу эту постройку можно датировать второй половиной X в.

От жилых построек X—XI вв. нередко сохранились одни печи. Так, в предматериковом слое стояла печь-каменка с глинобитным, овальным горелого дерева. Около нее лежали куски обожженной глины и обломки горелого дерева. Отметим также развал печи, в которой было два глинобитных пода, разделенных песчаной подсыпкой.

В материке открыто много ям разнообразной формы и глубины, которые трудно связать с какими-либо жилыми комплексами. Открыты три округлые ямы диаметром 0,80 м и глубиной 0,20 м, составлявшие ряд, вытянутый с севера на юг. Интересна яма прямоугольной формы (1,80 × 1 м) с почти вертикальными стенками. По бокам ее вырыты ямки для столбов диаметром 0,20—0,25 м. Это были остатки какого-то хозяйственного сооружения.

Наряду с косой-горбушой, о которой упоминалось выше, в южной части окольного города найдены оковка лопаты (рис. 50, 8), серп (рис. 50, 9) и верхний камень жернова — «бегун». Эти находки приобретают большой интерес в связи с тем, что в богатых постройках никаких сельскохозяйственных орудий не найдено⁴. Занятие сельским хозяйством было, по-видимому, уделом обитателей рядовых построек.

В итоге раскопок пополнились наши представления о ремеслах древнего Новогрудка. В южной части окольного города в слое XI в. открыто скопление криц, свидетельствовавших о каких-то металлургических либо кузнечных работах.

Весьма интересны новые материалы о бронзолитейном деле и ювелирном мастерстве. Впервые в Новогрудке была найдена часть крупного тигля с «гребешком» (рис. 51, 14). Подобные огнеупоры встречались в Киеве⁵. Орудием ювелира являлись ножницы для резки металла (рис. 51, 13), напоминающие такие же ножницы из Новгорода⁶. Найдена и разнообразная продукция ювелиров, выполненная из бронзы, а иногда и серебра. Среди них хорошо известные в славянских древностях бубенчики (рис. 51, 19), пуговка (рис. 51, 2), перстень (рис. 51, 8), кольца (рис. 51, 6, 7), подвеска (рис. 51, 3) и крест-тельник (рис. 51, 11).

Встречены ювелирные изделия, параллели которым пока неизвестны. Такова булавка, завершающаяся головкой птицы (рис. 51, 12), и орнаментированная накладка от пояса (рис. 51, 11). Интересны две книжные застежки — бронзовая и серебряная (рис. 51, 4, 5). Аналогичные застежки найдены во многих древнерусских городах, в частности в Минске и Друцке⁷. Книжные застежки служат лишним доказательством грамотности горожан, засвидетельствованной ранее находками стилей, а также надписью граффити на амфоре⁸.

К новогрудской коллекции оружия прибавилось около 20 втульчатых и черешковых стрел (рис. 49, 2—7; рис. 50, 1—6) и фрагменты двух шпор, одна из которых инкрустирована бронзой (рис. 49, 8), а вторая белым металлом (рис. 50, 7).

Особенность южной части окольного города заключалась не только в сосредоточении здесь рядовых построек XII—XIII вв.; на этой же территории находилось и кладбище. Часть материалов, относящаяся к этому могильнику, открытому в 1965 г., уже опубликована⁹. В 1966 г. было

⁴ Ф. Д. Гуревич. Сельское хозяйство и промыслы древнего Новогрудка. КСИА, вып. 104, стр. 79.

⁵ М. К. Каргер. Древний Киев. М.—Л., 1958, рис. 92.

⁶ Н. В. Рындина. Технология производства новгородских ювелиров X—XV вв. МИА, № 117, 1963, рис. 12, 10, 11.

⁷ Л. В. Алексеев. Полоцкая земля (очерки по истории северной Белоруссии в IX—XIII вв.). М., 1966, стр. 236.

⁸ А. Ф. Медведев. Древнерусские писала X—XV вв. СА, 1960, № 2, стр. 69; М. В. Малевская. Указ. соч., стр. 153.

⁹ К. В. Павлова. Могильник на территории окольного города древнего Новогрудка. КСИА, вып. 110, 1967.

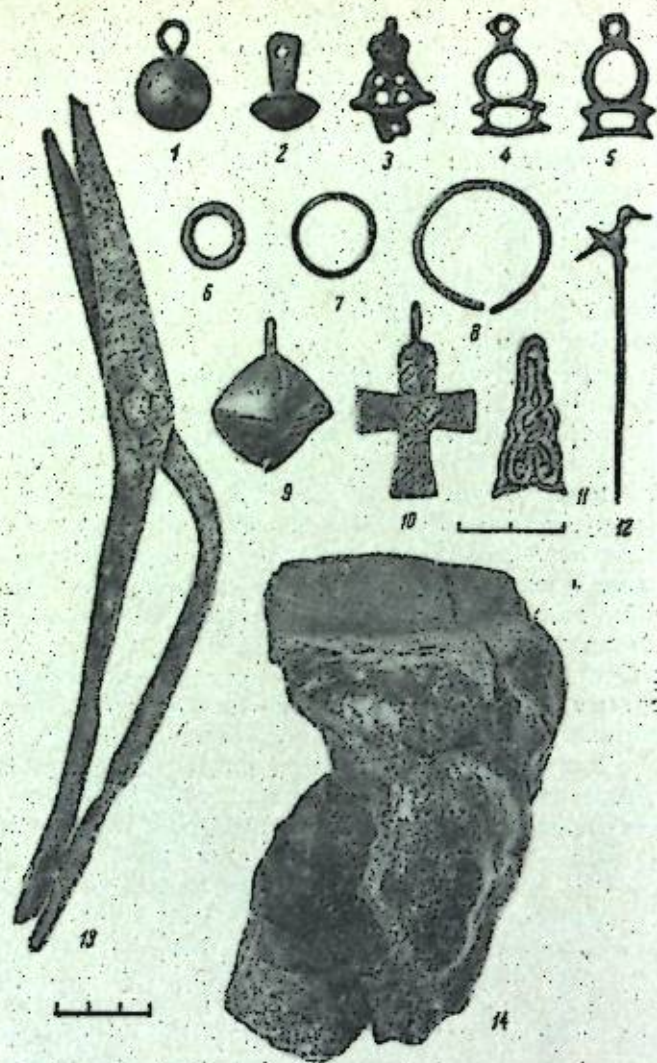

Рис. 51. Новогрудок. Вещи из раскопок

1, 9 — бубенчики; 2 — пуговка; 3 — подвеска; 4, 5 — книжные заставки; 6, 7 — кольца; 8 — перстень; 10 — крест; 11 — накладка пояса; 12 — булава; 13 — ювелирные ножницы; 14 — обломок титла

вскрыто еще 66 погребений. Большая часть их обнаружена в юго-восточной части окольного города. Костяки лежали на разных глубинах, но почти не было случаев, чтобы позднейшие погребения потревожили более ранние. Лишь одно захоронение (42) частично лежало под погребением 41. В отдельных случаях в культурном слое прослеживались могильные ямы. При 10 погребениях открыты остатки гробовищ. Положение костяков — вытянутое. Большая часть их лежала по линии восток—запад, отдельные — в направлении юго-восток—северо-запад, один скелет был ориентирован головой на юг.

При раскопках могильника встретилось парное захоронение. Костяки лежали в одной могильной яме вплотную друг к другу. Обращает на себя внимание, что из 66 погребений 34 принадлежали детям и подросткам.

Как и в погребениях, открытых в 1965 г., при захоронениях, обнаруженных в 1966 г., почти не было вещей. На руке одного из костяков сохранились следы меди. При расчистке двух скелетов найдены бронзовые пуговки, но не было твердой уверенности в том, что они относились к данным погребениям, а не попали из культурного слоя поселения.

Только вещи, найденные вместе с костяком 72, можно бесспорно признать погребальным инвентарем: здесь в области черепа сохранились обрывки ткани и бронзовые бляшки-скорлупки, а в области шеи найдено много бисера.

В первой публикации могильника время его существования определялось XI в.¹⁰ Для того участка это было действительно так, ибо погребения лежали между строительными остатками X и XII вв. Данные, полученные в 1966 г., свидетельствуют о том, что кладбище продолжало существовать в XII в. и даже первой половине XIII в. Так, наиболее поздние погребения прорезали печь постройки 32, возникшей не ранее XII в.

Христианские кладбища домонгольского времени, возникшие на территории древнерусских городов, встречаются не так редко¹¹. Особенность новогрудского могильника заключается в том, что погребения, появившиеся на том месте, где в X в. стояли жилища, вновь сменяются постройками XII—XIII вв., в свою очередь прорезанными погребениями. Такое чередование поселения и кладбища до сих пор не встречалось.

Трудно себе представить, что погребения, открытые нашими раскопками, вызваны каким-либо бедствием (мор, осада), когда умерших невозможно было похоронить за пределами города. Скорее это было обычное христианское кладбище, сменившее захоронения в курганах. Курганы, находящиеся вблизи Новогрудка и раскапывавшиеся нашей экспедицией, являлись некрополем города в X—XI вв.¹²

Многочисленные погребения на территории города были не нарушены, а это означает, что в течение длительного времени сохранялись могильные холмы. Это не препятствовало, однако, тому, что буквально среди могил возводились жилые постройки.

В итоге раскопок 1965—1966 гг. выяснилось, таким образом, что с возникновением Новогрудка в середине X в. его посад в разных своих частях был плотно заселен, но социальный облик населения был довольно однородным. Различия появились лишь с XII в. Во то время как в центральной и северной частях посада, превратившегося уже в окольный город, возникают большие и богатые, по-видимому, купеческие дома, южная часть, примыкающая к рву детинца, застраивается рядовыми срубными постройками, жители которых занимались сельским хозяйством и различными ремеслами. В южной же части с XI в. существовало также и христианское кладбище, вероятно связанное с расположенной где-нибудь неподалеку церковью.

¹⁰ К. В. Павлова. Указ. соч., стр. 38.

¹¹ Могильники на древнерусских поселениях указаны в работе К. В. Павловой (стр. 38). Отметим также кладбище на городище у с. Витачев Киевской обл. (см.: С. А. Плетнева, Т. И. Макарова. Южное городище у с. Витачев. КСИА, вып. 104, стр. 59—60).

¹² К. В. Павлова. Раскопки могильника близ Новогрудка. КСИА, вып. 104.

К. В. ПАВЛОВА

ОБ ОДНОМ ТИПЕ ВИСОЧНЫХ КОЛЕЦ
ДРЕВНЕГО НОВОГРУДКА

В 1963 г. в курганах у дер. Бретянка близ Новогрудка было найдено несколько крупных проволочных височных колец со спиральным завитком на одном конце¹. Тогда же была установлена связь могильника у дер. Бретянка с населением древнего Новогрудка конца X—XI в., но непосредственных аналогий этим украшениям в материалах Новогрудка еще не было. Раскопками 1967 г. на окольном городе древнего Новогрудка добыты новые материалы, которые проливают свет на происхождение височных колец из бретянского могильника и подтверждают его связь с древним Новогрудком². Среди женских украшений и предметов одежды в Новогрудке в 1967 г. найдено несколько височных колец, четыре из которых снабжены спиральными завитками (рис. 52). Два из них сделаны из тонкой серебряной проволоки, два — бронзовые. Три кольца найдены в слое XI в., хорошо датируемом комплексом керамики и другими предметами; четвертое обнаружено в могильной яме при погребении, которое относится к раннему этапу существования могильника на окольном городе древнего Новогрудка (вторая половина XI в.). От широко известных проволочных височных колец с S-овидными или петлеобразными завитками новогрудские височные кольца отличаются характером самого завитка. Он имеет вид плотной спирали в 2½—3 оборота, около 1 см в диаметре. Височные кольца со спиральными завитками — известный, но мало распространенный тип височных колец. Они были найдены в небольшом количестве, в основном в центральноевропейских и прибалтийских памятниках VI—VIII вв. н. э. Два небольших колечка этого типа встречены в могильнике Марошверешмарт (Венгрия)³, одно — в Баварии, несколько штук — в могильнике VIII—XI вв. н. э. в Тюрингии⁴ и несколько штук — в литовских древностях V—VIII вв.⁵ На территории Восточной Европы известно только одно небольшое колечко со спиральным завитком в Прикамье, с вещами XII—XIII вв.⁶ В славянских древностях только однажды, в могильнике у дер. Эсмона 6. Минской губ., были

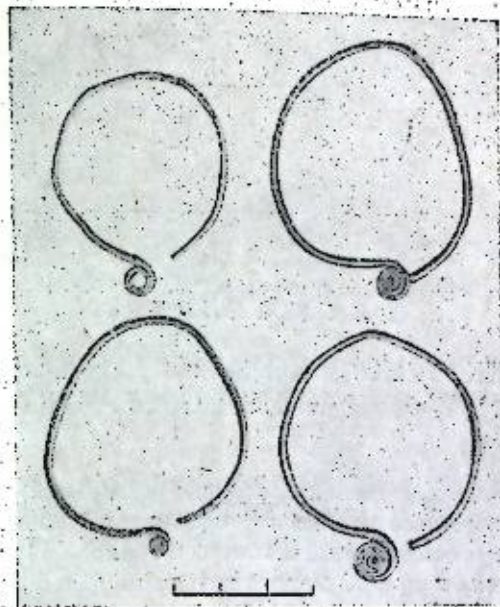

Рис. 52. Височные кольца из Новогрудка

найжены проволочные височные кольца, близкие по форме к новогрудским⁷. Новогрудские височные кольца со спиральными завитками привлекают внимание тем, что это по существу первая находка височных колец такого типа на территории древней Руси. Это, несомненно, изделия местных мастеров. Об этом говорят своеобразия самих украшений и многочисленные данные о высокоразвитом ювелирном деле в Новогрудке как в слоях X—XI вв., так и в более поздних комплексах⁸. Характерно, что височные кольца со спиральными завитками связаны со слоями конца X—XI в. древнего Новогрудка, т. е. с наиболее ранним периодом существования этого города. Генетически новогрудские височные кольца со спиральными завитками можно связывать с прибалтийскими височными кольцами этого типа, бытовавшими там широко в VI—VIII вв.⁹ Прибалтийские формы украшений, изготовленные местными мастерами, нередко встречаются в древнерусских городах и сельских поселениях северо-западных областей древней Руси. Но древнерусские мастера не всегда точно копируют прибалтийские образцы. Новогрудские височные кольца описываемого типа, несомненно, являются местным вариантом височных колец со спиральными завитками, не получившим, вероятно, широкого распространения.

¹ К. В. Павлова. Раскопки могильника близ Новогрудка. КСИА, вып. 104, 1965, стр. 104, рис. 38, 3, 4, 7.

² Материалы древнего Новогрудка хранятся в ЛОИА АН СССР.

³ M. Rozka. Das gepidische Grabfeld von Veresmort—Marosveresmart (Turda—Tor-
daanyos, Siebenbürgen). Germania, т. 18, Н. 2. Berlin, 1934, стр. 125, табл. 3, А.
Archaeologia Hungarica, т. XVIII. Budapest, 1936, стр. 81, рис. 34, 3.

⁴ Heinz Deubler. Neue karolingerzeitliche Grabfunde bei Sundremda, kr. Rudol-
tadt. Vorbericht. Ausgrabungen und Funde. Bd. II, Н. 5. Berlin, 1966.

⁵ R. Kulikauskienė, P. Rimantiene. Lietuvių liaudies menas, кн. 1. Vilnius,
1958, N 253.

⁶ МАР, вып. 26, 1902, стр. 44, табл. XXXI, 25.

⁷ Архив ЛОИА, ф. 1, л. 42, 1889 г.

⁸ Ф. Д. Гуревич. Ювелиры древнего Новогрудка. КСИА, вып. 110, 1967,
стр. 14—20.

⁹ R. Kulikauskienė, R. Rimantiene. Указ. соч., № 253, 256, 257.

О. В. ОВСЯННИКОВ

АРХИТЕКТУРНО-ДЕКОРАТИВНАЯ КЕРАМИКА
XVI—XVII вв. ИЗ НОВОГРУДКА

При исследовании древнего Новогрудка в верхней части культурного слоя найдено значительное количество предметов, характеризующих материальную культуру позднесредневекового города¹. Позднесредневековые материалы обнаружены при исследовании детинца и главным образом во время раскопок окольного города². При раскопках древнерусских городов, вошедших впоследствии в состав польско-литовского государства, после-монгольским слоям уделяется, к сожалению, мало внимания. Между тем подобные материалы могут представлять интерес при решении ряда вопросов истории культуры Московской Руси. Это тем более важно, что большинство западных земель, утраченных после монгольского нашествия, воссоединилось с Московским государством во второй половине XVII в.

Большое количество керамических изделий, в том числе поливных, разнообразие ассортимента и превосходное качество позволяют говорить о высоком уровне керамического производства в Новогрудке, особенно в XVI—XVII вв.

Среди керамической продукции новогрудских мастеров особый интерес представляет архитектурно-декоративная керамика — изразцы. За годы раскопок коллекция изразцов в Новогрудке насчитывает более 200 единиц (целых и фрагментов). Поливные и неполивные плитки представлены приблизительно поровну, полихромный изразец один. Все новогрудские изразцы являются печными, на большинстве из них отчетливо видны следы законченности и глиняного раствора (на румпах). В коллекции представлены почти все основные детали декоративного убранства четырехугольной печи: плоские («зеркальные»), профилированные (уступы) и «городки». Поливные и неполивные изразцы, как плоские, так и уступы, закреплялись в кладке печи при помощи высокой коробчатой румпы, «городки» имеют гребни («пятки»). Размеры плоских изразцов не дают какого-то единого стандарта: 20,5 × 23,5 см; 17,5 × 19,5 см; 18,5 × 19,5 см; 17 × 20 см; 18 × 23 см. Следует отметить два очень существенных момента: во-первых, тождественность сюжетов на поливных и неполивных изразцах, во-вторых, выделяются две группы — с рамочкой по краю пластины изразца и без рамочки.

Наиболее многочисленная группа зеркальных изразцов с орнаментальными мотивами не имеет рамочки по краю (рис. 53, 5—8). Плоскость

¹ Пользуясь случаем поблагодарить Ф. Д. Гуревич за возможность ознакомиться с материалами раскопок.

² Ф. Д. Гуревич. К истории древнего Новогрудка. «Swiatowit», т. XXIV, Warszawa, 1962, стр. 564—565; И. Д. Зильманович. Раскопки в детинце Новогрудка в 1962 г. КСИА, вып. 104, 1965, стр. 98.

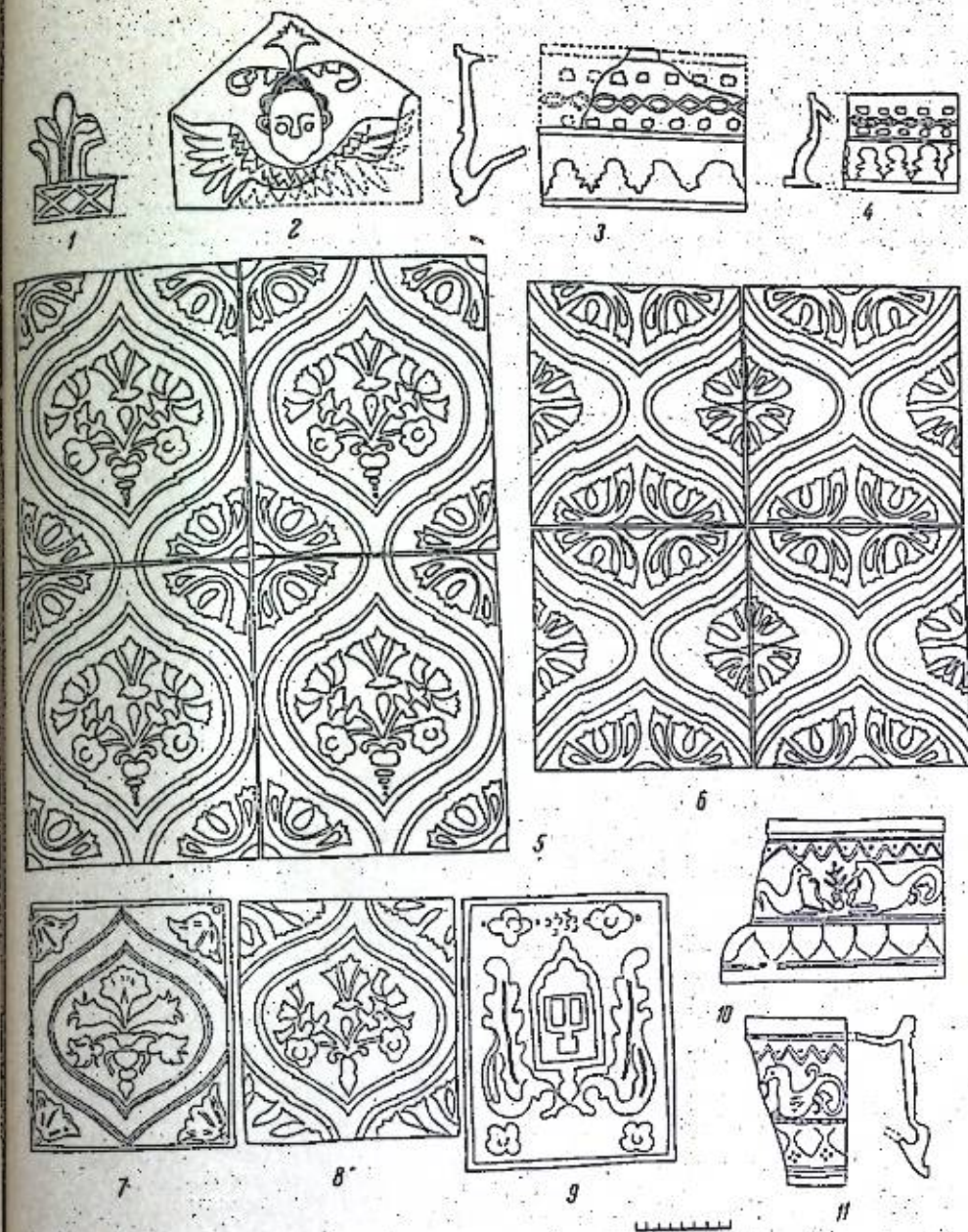

Рис. 53. Новогрудок. Архитектурно-декоративная керамика

1, 2 — «городки». 3, 4, 10, 11 — уступы; 5, 6 — реконструкция рисунка на новогрудских печах (изразцы собраны «крестом»); 7, 9 — изразцы с рамочкой по краю. Изразцы 5—9 — реконструированы на основе многочисленных обломков

плитки разделена овальными выпуклыми линиями, составляющими основной рисунок орнамента печи (после установки изразцов). Остальная часть плоскости изразца заполнена сочными растительными побегами и цветами. Изразцы могли устанавливаться в зависимости от их орнамента «крестом» (без перевязки швов) или вперевязку. Это давало определенный эффект — на плоскости печи получался единый, ритмически повторяющийся рисунок. Подобный прием оформления больших плоскостей характерен и для русских изразцовых поливных печей XVII в. (аналогии можно продолжить, если указать на некоторые детали изображений —

зубчатые лепестки цветов, фигурные рамочки, расчленяющие плоскость плитки и т. д.)³.

Вторая группа новгородских изразцов имеет рамочку по краю, плоскость содержит целостный вполне законченный сюжет: между двух сочных растительных побегов находится рамочка с многоарочным завершением (рис. 53, 9). Внутри фигурной рамочки изображен крестообразный знак, по краям рамки иногда буквы (K, S, U, N, W). Композиция, вероятно, имеет геральдическое происхождение, а буквы заключают монограмму, содержание которой пока не раскрыто. Подобные изображения, часто с буквами, известны на польских изразцах XVII в., на которых рыцари держат геральдические щиты⁴. Изображение геральдических знаков с монограммами были найдены при раскопках на территории Вильнюсского замка, где они датируются XVI—XVII вв.⁵ Наряду с зеркальными изразцами в большом количестве представлены изразцы со сложной профилировкой — уступы (рис. 53, 3, 4, 10, 11).

Следует отметить тот факт, что среди новгородских изразцов много уступов и лишь единственный экземпляр валика. Подобное соотношение не случайно, оно отражает определенные конструктивные особенности печей и приемы их украшения, выразившиеся в стремлении усложнить рисунок контура печи. Подобное стремление наблюдается и на русских печах с поливными изразцами. Обилие среди красных изразцов таких деталей, как перемычек и тяг (более верно назвать их нащельниками)⁶, объясняется стремлением прикрыть швы между пластинами с законченными самостоятельными сюжетами. В поливных печах при переходе к однообразному ритмическому рисунку детали, разбивающие плоскость зеркала печи, оказались не нужными. Новгородские профилированные изразцы (уступы) украшены, как правило, сочетанием растительного и геометрического орнаментов (реже одного растительного), а также сюжетными композициями. Сюжетные композиции на уступах несколько однообразны; по обе стороны растительного побега («дерево жизни») располагаются морские коньки (иногда с гривами) и хищники. Хищники, вероятно всего крылатые львы, изображены в типичной для этой поры манере — одна лапа поднята как бы для удара, хвост пропущен снизу между ног и поднят над спиной животного. Близкие аналоги встречаются среди изразцов Прибалтики⁷. Среди «городков» можно выделить два типа — фигурные (прорезные), украшенные растительными «побегами» (рис. 53, 1), и «городки» в виде «домика» с изображением херувима (рис. 51, 2). Полные аналоги изображениям херувима имеются в древностях Вильнюса⁸.

³ Например, среди зеленых изразцов из Иосифо-Волоколамского монастыря (Мироносицкая башня, столб надвратной церкви), а также на обогревателе из дворца с. Алексеевского (см.: Н. В. Воронов и И. Г. Сахарова. О датировке и распространении некоторых видов московских изразцов. МИА, № 44, 1955, рис. 10—11, 16).

⁴ I. Zak. *Badania w ogrodzie przy ul. Ostrow Tumski 10 w 1946 r. Poznan we wczesnym sredniowieczu*, t. I. Warszawa—Wroclaw, 1959; t. VI (I), VII (I). Некоторые варианты крестообразных знаков известны в средневековой Польше и в качестве гонимых клейм. Польские археологи рассматривают эти знаки в тесной связи со знаками на средневековых монетах, печатах, гербах (см.: Z. Kolos-Szafranska. *Nowa proba interpretacji funkcji znakow na dnach wczesnosredniowiecznych naczyn sloswianskich*. «Swiatowit», т. XXIV. Warszawa, 1962, стр. 443—458).

⁵ A. Tautavicius. *Vilniaus pilies teritorijos archeologiniai Kasinejimai*. «Valstubiés LRSS architekturos paminklu apsaugos inspekcijos Metratiss», t. II. Vilnius, 1960, рис. 65.

⁶ Р. Л. Розенфельд. Красные московские изразцы. «Памятники культуры», вып. 3, М., 1961, стр. 228—241; О. В. Овсянников. Красные изразцы из древних Холмогор. КСИА, вып. 110, 1966, стр. 24—29.

⁷ A. Tautavicius. Указ. соч., рис. 38, 42; O. Navickaitė. *Archeologiniai Tyrimėjimai Traku salos pilyje*. «Valstubiés LRSS...», рис. 11, 14. Сюжет с морскими коньками известен на ряде европейских вышивок XVII в. (см.: А. С. Верховская. Западно-европейская вышивка XII—XIX вв. в Эрмитаже. Л., 1961, рис. 56).

⁸ O. Navickaitė. Указ. соч., рис. 61.

Таким образом, для новгородских изразцов деление на поливные и не поливные не является поводом для установления какой-то хронологической классификации. Гораздо более существенным элементом может служить наличие у одной из групп оконтуривающей рамочки, что отражает определенные конструктивные приемы сооружения изразцовых печей. Вполне возможно, что изразцы с рамочкой отражают более архаические приемы и вкусы в изразцовом деле. Вероятнее всего, изразцы производились на месте, в Новгороде. В росписи городов начала XVI в. (1513 г.), где указано количество поставляемых на войну конских воинов, Новгородок идет наравне с такими городами, как Городна (Гродно), Слоним, Волковыйск, и даже больше Меньска (Минска)⁹. До конца XVI в. (до унии 1596 г.) Новгородок являлся вторым после Вильны столичным городом митрополитов, к началу XVII в. здесь было 10 православных храмов¹⁰. Вполне естественно, что новгородские изразцы ближе всего стоят к изразцам XVI—XVII вв. Литвы и Польши¹¹ (общий принцип композиции рисунка, детали орнамента).

Изучение архитектурно-декоративной керамики с территории юго-западной и западной Руси могло бы дать ответ на многие вопросы о взаимодействии русского и европейского изразцового производства. В свое время А. В. Филиппов ставил под сомнение реальность постановки подобной проблемы, говоря о «бесплодной замкнутой феодальной культуре Московского государства вплоть до второй половины XVII в.» (исключение он делал для Пскова, указывая на западное влияние в производстве псковских изразцов)¹². Эта мысль никем не оспаривалась. Появилось мнение о своеобразном пути развития русского изразцового дела, как о пути от простого к сложному: от красных орнаментальных — к сюжетным, от орнаментальных поливных — также к сюжетным¹³. Однако достаточно вспомнить, что мы не располагаем данными не только об эволюции русских изразцов, но и время появления их все еще является предметом спора¹⁴. Изразцовое производство только одного Пскова свидетельствует о более сложном пути этой отрасли русского ремесла¹⁵. Думается, что трудно оспаривать контакты Руси и Европы в этой области материальной культуры как в домонгольский период, так и в позднее средневековье. Тем не менее формы и пути подобных контактов в настоящее время трудно определить конкретно. Одним из путей подобного влияния мог быть контакт юго-западных и западных русских земель с государствами Центральной и Южной Европы в домонгольский период, в более позднее время эти же территории могли являться промежуточным звеном в ознакомлении с достижениями европейского керамического производства. Ввиду этого архитектурно-декоративные материалы, подобные новгородским, представляют несомненный интерес.

⁹ «Акты литовско-русского государства (1390—1529 гг.)», вып. 1, ЧОИДР, кн. IV, 1899, стр. 152. В Новгороде в XIX в. существовал изразцовый завод; изразцы его производства имеются в Гродненском музее.

¹⁰ Л. Кляевский. Новгородская Борисо-Глебская церковь. Warszawa, 1927, стр. 6—8.

¹¹ O. Navickaitė. Указ. соч., рис. 11; A. Tautavicius. *Vilniaus pilies teritorijos archeologiniai Kasinejimai*. «Valstubiés LRSS...», т. II, рис. 62; M. Sabalska. *Wyhiki badan archeologicznych w Collegium Maius w Krakowie*. «Prace archeologiczne», z. 4. Kraków, 1962, рис. 31 (33); «Wawel. Katalog zabytkow sztuki w Polsce», cz. I, t. IV, ilustracje. Warszawa, 1965, fig. 182.

¹² А. В. Филиппов. Древнерусские изразцы, вып. I, М., 1938, стр. 45.

¹³ Н. В. Воронов и И. Г. Сахарова. Указ. соч., стр. 110.

¹⁴ Список литературы по этому вопросу см.: О. В. Овсянников. Красные изразцы из древних Холмогор. КСИА, вып. 110, 1966.

¹⁵ И. И. Плешанова. Псковские архитектурные керамики Псково-Печерского монастыря. № 2, рис. 2, 5; она же. Керамические надгробные плиты Псково-Печерского монастыря. НЭ, т. VI, 1966, рис. 1—10 и др.; Г. П. Гроздилов. Раскопки древнего Пскова. «Археологический сборник ГЭ», вып. 4, 1962, рис. 17; А. В. Филиппов. Указ. соч., рис. 10—11.

Ю. А. КРАСНОВ, Н. А. КРАСНОВ

КИРПИЧНЫЕ ЗАВОДЫ XVII в.
В ОКРЕСТНОСТЯХ ЗВЕНИГОРОДА

Недалеко от бывшего Саввино-Сторожевского монастыря под Звенигородом (Московская область) найдены остатки двух кирпичных заводов XVII в., на которых изготовлялся кирпич для строительных работ, производившихся в монастыре. В 1963 г. авторами произведено обследование этих интересных производственных комплексов.

Первый из заводов расположен в лесу в 250 м к северо-востоку от бывшего монастыря и занимает площадь около 3 га. Здесь сохранились развалины восьми обжигательных печей, из которых одна повреждена при прокладке дороги и одна ныне полностью уничтожена строительными работами. Все печи, за исключением одной, — двойные. Их остатки представляют собой сильно задернованные холмики подквадратной формы высотой 1—1,5 м и длиной и шириной 10—12 м. Это — остатки внешних стен сооружений. В средней части, на месте обжигательной камеры, имеется углубление, опускающееся ниже уровня современной почвы, разделенное надвое невысокой, до 1 м, перемычкой. Последняя представляет собой остаток разделительной стенки между двумя смежными печами.

Глина для изготовления кирпича добывалась на территории завода. Вся площадь его изрыта глубокими канавами (до 1,5—1,7 м), идущими в разных направлениях, которые остались после выемки глины. На фоне этой беспорядочно изрытой обширной площади четко выделяются остатки подъездных путей — дорог шириной до 10—11 м, рядом с которыми и расположены обжигательные печи. На площади завода прослеживаются пять таких дорог, идущих почти точно с севера на юг и соединенных с севера еще одной дорогой, перпендикулярной им. Среди бесформенных канав и ям, в которых выбиралась глина, выделяются несколько ям, отличающихся правильной формой и относительно небольшими размерами (длина и ширина около 7 м, глубина 1,5 м). Они расположены, как правило, неподалеку от печей. Вероятно, это — творяла, т. е. ямы, в которых глина насыщалась водой перед изготовлением из нее кирпича. На плане монастыря середины XVII в., хранящемся в Звенигородском музее, где нанесены остатки этого кирпичного завода, к западу от него указано «место, где стояли сушильные сарай». Сейчас эта территория застроена.

Во время строительных работ, которые проводились в западной части территории завода, нам удалось проследить устройство одной из обжигательных печей (рис. 54). Печь — двойная, углубленная в землю на 1,2 м, сложена на фундаменте из битого кирпича и глины. Все детали печи выполнены из большемерного кирпича, размером 7,5 × 15 × 30 см. Длина печи 10,2 м, ширина 4,8 м. Такие же размеры имела смежная печь. Остатки стен сохранились на высоту до 1,5 м от фундамента. Пространство

между краем печной ямы и внешней стеной сооружения забутовано битым кирпичом и глиной. Северная и восточная стены печи, как и перемычка, сложены в два кирпича. Топочная камера находилась в южной части печи. Ее внутренние размеры 3,5 × 1 м. Боковые стены камеры являлись продолжением боковых стен печи, передняя и задняя сложены в длину одного кирпича. Уровень пода понижен по сравнению с подом топочных проходов на 0,35 м (рис. 54, 2). Наружная стена топочной камеры сохранилась лишь наполовину. Здесь имелось одно топочное отверстие шириной 0,75 м и высотой 1,1 м, перекрытое сводом, и одно отверстие меньших размеров (ширина 0,3 м, высота около 0,4 м), служившее, очевидно, поддувалом. Судя по размерам топочной камеры, она имела два топочных отверстия и два поддувала (рис. 54, 3).

Топка примыкала к четырем параллельным, вероятно изолированным на всем протяжении, топочным проходам в нижней части печи. Ширина их около 0,60 м, высота — 0,5 м. Топочные проходы были перекрыты арочками из большемерных кирпичей, поставленных на ребро. Последние опирались на козлы, сложенные в один кирпич. Промежутки между сводами забутованы битым кирпичом и глиной (рис. 54, 4). Длина топочных проходов равна 7,5 м. В противоположной от топки части печи они соединялись камерой шириной около 0,7 м. Здесь, вероятно, находилась вытяжная труба для усиления тяги. В пользу этого говорит скопление битого кирпича, наблюдавшееся в этой части печи.

Обжигательная камера находилась над топочными проходами. Ее под был выложен в один кирпич, положенный плашмя, и располагался непосредственно над перекрытием топочных проходов. Под обжигательной камеры находился сразу под дерновым слоем, никаких следов обрушившегося перекрытия обнаружено не было. Вероятно, в процессе каждого цикла обжига кирпича свод обжигательной камеры возводился заново из сырца после загрузки печи, как это имело место в недавнем прошлом у так называемых напольных печей для обжига кирпича. Кирпич, из которого сложены топочная камера, топочные проходы и внутренняя часть стен, сильно пережжен и оплавился, покрыт зеленоватой, похожей на стекло массой.

Рассматриваемая печь по своей конструкции напоминает гончарные горны XVI—XVII вв.¹, но отличается значительно большими размерами и расположением печей парами.

¹ В. А. Мавльм. Горны московских гончаров XV—XVII вв. (по материалам раскопок ГИМ 1946 г.). МИА, № 12, 1949, стр. 44—51; М. Г. Рабинович. Раскопки 1946—1947 гг. в Москве на устье Яуз. МИА, № 12, 1949, стр. 5—43; Р. Л. Розенфельд. Новые находки керамических горнов на Яузской гончарной слободе в Москве. СА, 1959, № 1, стр. 279—284.

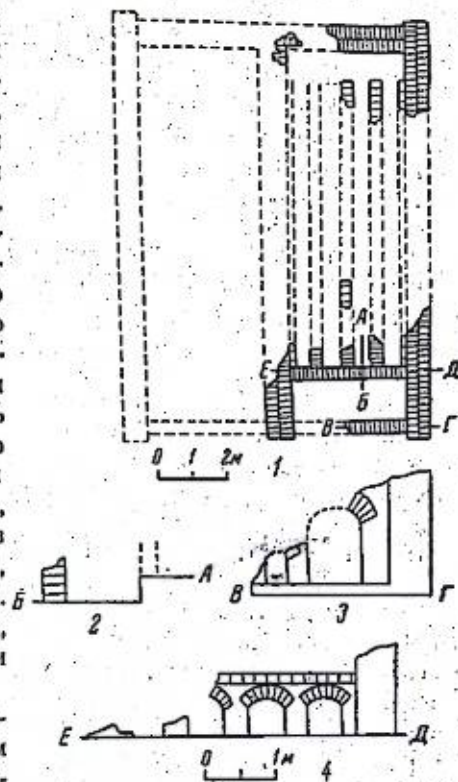

Рис. 54. Обжигательная печь одного из кирпичных заводов под Звенигородом
1 — план сохранившейся частей печи; 2 — взаимное расположение подов топочной камеры и топочных проходов; 3 — чело топки; 4 — чело топочных проходов

Остатки второго кирпичного завода расположены в лесу в 300 м к северу от бывшего монастыря, у дороги, ведущей в дер. Дютьково. Площадь завода равна примерно 2,5 га. Здесь сохранились те же древние объекты, что и на первом заводе: развалины обжигательных печей тех же размеров и форм (их здесь только четыре), остатки древних дорог, творила, многочисленные ямы, оставшиеся после выборки глины. Все печи этого завода двойные.

Описываемые кирпичные заводы функционировали не одновременно. Первый из них был построен, вероятно, в первый период строительных работ в монастыре — в 1650—1654 гг., когда здесь были построены из кирпича дворцы для царя и царицы, несколько церквей, трапезная и монашеские корпуса. В 1652 г. этот завод уже функционировал, на что имеются указания в строительных книгах Саввино-Сторожевского монастыря. На плане окрестностей монастыря, хранящемся в Звенигородском музее и датированном 1655—1660 гг., как уже отмечалось, нанесены остатки этого завода, но уже как не функционировавшего, прекратившего работу, очевидно, в связи с окончанием строительных работ. Второго же кирпичного завода на этом плане нет. Ясно, что он был построен позднее.

Второй период крупных строительных работ на территории монастыря приходится на 1686 г., когда вместо деревянного второго этажа «государевых хором» был возведен кирпичный, а также производились другие более мелкие перестройки. Из «Книги палатного строения» Саввино-Сторожевского монастыря известно, что на строительство второго этажа царского дворца было израсходовано 615 тыс. штук кирпича, причем он изготовлялся поблизости от монастыря². Очевидно, к этому времени и относится постройка и функционирование второго кирпичного завода.

Ш. ХРОНИКА

РАБОТА СЕКТОРА СЛАВЯНО-РУССКОЙ АРХЕОЛОГИИ
ИА АН СССР в 1966—1967 гг.

В работу сектора славяно-русской археологии в 1966—1967 гг. были включены проблемы этногенеза восточных славян и их соседей, вопросы генезиса и истории феодализма в древней Руси и у кочевников Восточной Европы. Разрабатывались темы по языческой идеологии в древней Руси, исследовались разнообразные стороны материальной и духовной культуры ее вплоть до XVI—XVII вв.

Сектор принимал участие в подготовке I тома «Истории СССР» (редакторы Б. А. Рыбаков и С. А. Плетнева), вышедшего из печати в 1966 г. Кроме Б. А. Рыбакова, написавшего главы по истории Руси (около 10 п. л.), в написании глав участвовали сотрудники сектора Л. В. Алексеев и С. А. Плетнева, в составлении карт — В. В. Седов, в составлении библиографии, родословных и синхронистических таблиц — Т. И. Макарова.

Сотрудники сектора подготовили статьи в сборник «Культура древней Руси», вышедший в 1966 г. и посвященный 40-летию научной деятельности Н. Н. Воронина, а также приняли участие в сборнике «Археологические открытия 1965 г.». В 1966—1967 гг. вышли из печати труды ряда сотрудников сектора, явившиеся результатом их многолетних исследований: монографии Л. В. Алексеева «Полоцкая земля» (1966 г.) и С. А. Плетневой «От кочевий к городам» (1967 г.). «Свод археологических источников» за истекшие годы пополнился пятью новыми выпусками: А. К. Амброз «Фибулы на территории СССР», В. П. Даркевич «Произведения западного художественного ремесла в Восточной Европе X—XIV вв.», Т. И. Макарова «Поливная посуда. Из истории керамики», А. Ф. Медведева «Ручное металлическое оружие. Лук и стрелы, самострел VIII—XIV вв.», И. П. Русанова «Курганы полян X—XII вв.». В 1966 г. вышла книга Г. К. Вагнера «Мастера древнерусской скульптуры», посвященная владимиро-суздальским резчикам по камню XIII в. Сдана в издательство монография В. В. Седова «Славянские племена Верхнего Поднепровья и Подвинья».

Текущая работа сотрудников сектора, дискуссионные проблемы, возникшие в процессе исследования, отражены в периодических изданиях Института. В них, а также в ряде других журналов («Вопросы истории», «Отечество», «Нумизматика и эпиграфика» и др.) за отчетный период опубликовано более 50 статей сотрудников сектора.

Так, исследование этнической истории Восточной Европы I тысячелетия н. э. привело В. В. Седова к пересмотру древностей рязанско-окских могильников («Рязанско-окские могильники», СА, 1966, № 4).

² ЦГАДА, ф. 1199, л. 63, лл. 2, 5, 6—7.

Важнейшему этапу в изучении язычества — расшифровке орнаментации двусторчатых серебряных браслетов Руси посвятил статью Б. А. Рыбаков «Русалии и бог Симарга-Перепахут» (СА, 1967, № 2). Эту же проблему, но на другом материале разработал А. К. Амброз в статье «О символике русской крестьянской вышивки архаического типа» (СА, 1966, № 1). Эволюцию литых коньковых подвесок Верхнего Прикамья за пять столетий (с VII по XI в.) и их связь с культовыми воззрениями проанализировала Л. А. Голубева в статье «Коньковые подвески Верхнего Прикамья» (СА, 1966, № 3).

Отдельным сюжетам своих многолетних работ посвятили статьи Г. К. Вагнер («О главном мастере Георгиевского собора 1234 г. в Юрьеве-Польском», СА, 1966, № 3), А. Ф. Медведев («Татаро-монгольские нагонечники стрел в Восточной Европе», СА, 1966, № 2), Т. Н. Никольская («К этнической истории бассейна Оки», КСИА № 107), А. В. Никитин («Художественная обработка кузнечных изделий в XVI—XVII вв.», СА, 1966, № 3), Г. В. Николаева («Новые надписи XV—XVII вв. из Троицко-Сергиевской Лавры», «Нумизматика и эпиграфика», т. VI, 1966).

Важную сторону работы сектора составляет рецензирование. Так, А. К. Амброз дал интересный анализ опубликованного И. Вернером в 1961 г. I тома каталога раннеславянских древностей, посвященного фибулам (СА, 1966, № 4). Н. Н. Воронин и Г. К. Вагнер написали рецензию на книгу Р. О. Шмерлинг по архитектуре Грузии, Н. Н. Воронин — на архитектурно-строительный словарь Поппе. Л. А. Голубева написала рецензию на вышедшую в 1955 г. книгу В. В. Пименова «Вепсы» (СА, 1967, № 1), С. А. Плетнева и И. П. Русанова опубликовали обстоятельную рецензию на вышедшую в Болгарии книгу Ж. Выжаровой, посвященную славяно-болгарским древностям VI—XI вв. (СА, 1966, № 3). Дискуссионной рецензией ответил В. В. Седов на вышедшую в 1966 г. книгу П. Н. Третьякова «Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге» (СА, 1967, № 3).

Во время полевых работ экспедициями ИА продолжались исследования ряда объектов, рассчитанных на многолетние раскопки.

Продолжали свою работу Смоленская (Н. Н. Воронин), Новгородская (А. В. Арциховский, Б. А. Колчин), Верхнеокская (Т. Н. Никольская), Прутско-Днестровская (Г. Б. Федоров) экспедиции и отдельные отряды: Древянский (И. П. Русанова), Радимичский (Г. Ф. Соловьева), Полоцко-Прибалтийский (Л. В. Алексеев), Вологодский (А. В. Никитин), Северо-Донецкий (С. А. Плетнева), Суздальский (В. В. Седов). Началась работа на новых объектах: на городище Шарки (Приднепровская экспедиция, Б. А. Рыбаков), в Старой Руссе (А. Ф. Медведев)¹; возобновились работы в Старой Рязани (А. Л. Монгайт).

За отчетный период было проведено более 50 заседаний сектора славяно-русской археологии.

Большой интерес вызвали доклады В. В. Седова «Происхождение белорусов», в котором была изложена гипотеза этнической истории народа, и И. П. Русановой «Славянские памятники середины I тысячелетия н. э. в Северной Украине». К проблеме ранней истории славян сектор возвратился при обсуждении доклада В. В. Седова «Современное состояние проблемы происхождения славян» и Г. Ф. Соловьевой «О топонимике радимичей».

Вопросам домостроительства на территории Украины VII—VIII вв. был посвящен доклад И. К. Фролова «Типы построек на поселении Тетеревка I» и Г. В. Борисевича «Опыт реконструкции. Макетный метод». Широкою картину связей Крыма в VI—VII вв. с районами Подунавья

¹ Важнейшие итоги полевых работ освещены в сборниках «Археологические открытия» за 1966 и 1967 гг.

нарисовал в своем докладе А. К. Амброз («Западные черты в культуре Крыма VI—VII вв.»). Типологии и хронологии курганных древностей посвятили свои доклады Р. Л. Розенфельдт («Керамика подмосковных курганов») и Т. В. Равдина.

Городская тематика включала в себя разнообразные вопросы культуры древней Руси. Результатам раскопок в Смоленске был посвящен доклад Н. Н. Воронина. Б. А. Рыбаков в своем докладе остановился на интересных соображениях об авторе повести об убиении Андрея Боголюбского. Новгороду были посвящены два доклада: И. Т. Шевелева «Строительная метрология и методы возведения новгородских храмов в XII в.» и В. Г. Брюсовой «Исследования о Софийском соборе в Новгороде».

Владимирским древностям и городам северо-восточной Руси посвятил два доклада Н. Н. Воронин.

Изучению древностей Московской Руси были отведены три заседания, на которых были заслушаны доклады Д. А. Беленькой о раскопках в Кремле, о медном литье XV в. и Т. В. Николаевой «О волоколамских древностях».

Заслуживает внимания практика совместных заседаний, полезная при рассмотрении «сквозных тем» и вопросов, интересных для широкого круга специалистов. Так, доклад И. Т. Шевелева (Кострома) был заслушан на совместном заседании Славяно-русского сектора и сектора древнерусского искусства Института истории искусств при Министерстве культуры; доклад А. В. Кузы «Рыболовство в Восточной Европе» — на совместном заседании с сектором неолита и бронзы; доклад О. Ю. Круг об опыте применения методов петрографии в археологии — на совместном заседании с сектором скифо-сарматской археологии.

Сектор принимал активное участие в сессиях и конференциях, проводившихся как в нашей стране, так и за ее пределами. С докладами на Пленарном заседании Отделения исторических наук, проходившем в Кишиневе, выступили Б. А. Рыбаков («50 лет советской археологии») и С. А. Плетнева («Кочевники Восточной Европы в VIII—IX вв.»).

Л. А. Голубева принимала участие в конференции, посвященной памятникам культуры русского Севера, Т. Н. Николаева — во Всероссийской конференции в Русском музее, Т. Н. Никольская — в конференции, посвященной 400-летию г. Орла, и в Краеведческой конференции Калужской области.

Сотрудники сектора участвовали в работе Международного конгресса преемников в Праге, где Б. А. Рыбаков выступил с докладом «Мировоззрение земледельцев неолита».

И. П. Русанова принимала участие в работе конференции в Либлицах, Н. Н. Велецкая выступила на XIII Фольклорном конгрессе Югославии с докладом «Аграрно-магическая основа зимних македонских игр».

Сотрудники сектора (В. П. Даркевич, А. Л. Монгайт, Р. Л. Розенфельдт) принимали участие в организации международных археологических выставок в Голландии, в Монреале.

Т. И. Макарова

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ АН СССР

Вып. 111—120 (содержание)

Вып. 111

I. Доклады и дискуссии

- А. П. Черныш. О номенклатуре позд-
непалеолитических орудий.
Э. А. Абрамова. О вкладышевых ору-
диях в палеолите Енисея.
С. Н. Астахов. Тесла в позднем па-
леолите Енисея.
Н. Д. Праслов, А. К. Филиппов. Пер-
вая находка палеолитического искус-
ства в южнорусских степях.
А. М. Тарасов. О датировке палеоли-
тической стоянки Гагарино.
Т. С. Пассек, М. М. Герасимов. Нов-
ая статуэтка из Вулканешт.
В. И. Цалкин. Фауна из раскопок по-
селений культуры Гумельницы в СССР.
В. Ф. Петрунь. К петрографическому
определению состава и районов добычи
минерального сырья раннеземледельче-
скими племенами Юго-Запада СССР.
Е. К. Черныш. Трипольские мастерские
по обработке кремня.
В. П. Третьяков. Об уральских эле-
ментах на ямочно-гребенчатой керамике
«геометрического» стиля.

Вып. 112

Анна Васильевна Збруева (Б. Г. Тихонов,
О. Н. Бадер).
Список печатных трудов А. В. Збруевой
(составила Г. Е. Грюнберг).

I. Доклады и дискуссии

- М. Б. Щукин. О трех датировках чер-
няховской культуры.
Н. К. Качалова. О выделении полтав-
кинской культуры.
Х. И. Крис. Классификация таврских
каменных ящиков.

II. Полевые и лабораторные исследования

- В. П. Любин, В. Е. Щелинский. Ис-
следование Навалищенской пещеры
в 1965 г.
Е. А. Векилова. Краткие итоги рас-
копок Ахштырской пещеры в 1961—
1965 г.
Г. В. Григорьева. Большая Анкаржа
и ее место среди позднепалеолитиче-
ских памятников юга СССР.
Н. И. Гумилевский, И. И. Короб-
ков. Местонахождение памятников ка-
менного века у села Хейвани.
И. В. Гаврилова. Новые мезолитиче-
ские памятники Костромской области.
И. М. Тюрина. Неолитические памят-
ники Посожья.
В. П. Левенко. Неолитические поселе-
ния на р. Матыре под Липецком.
Н. Н. Гурниа. Новое в исследовании
белорусских шахт.

III. Хроника

Сектор палеолита в 1963—1965 гг.

II. Полевые и лабораторные
исследования

- А. Е. Алихова. Среднепочкинские
курганы и поселение.

- А. Д. Пряхин. Масловское поселение
эпохи бронзы в черте г. Воронежа.
Э. А. Симонович. Новые находки
эпохи бронзы на Тилигульском лимане.
А. М. Манделъштам. Новые погреб-
ения срубного типа в Южной Туркме-
нии.
Г. И. Смирнова. Могильник культуры
Ноа у с. Старые Бедражи в Молдавии.
Э. С. Шарафутдинова. Раскопки на
Кобяковском поселении эпохи поздней
бронзы в 1962 г.
В. И. Козенкова. Исследование памят-
ников раннего железного века у сел.
Сержень-Юрт.
И. Г. Розенфельдт. Итоги раскопок
Щербинского городища.
А. Ф. Дубынин. Клад Щербинского
городища.
М. А. Сабурова. Реконструкция жен-

- ского убора по материалам клада Щер-
бинского городища.
Р. А. Розенфельдт. Археологические
разведки в Подмосковье в 1964—
1965 гг.
И. Д. Зильманович. Гончарные печи
Луки-Врублевской.
К. В. Каспарова. Могильник и посе-
ление зарубинецкой культуры у дер.
Отвержичи.
И. С. Винокур, Л. В. Вакуленко.
Киселевский могильник I—II вв. н. э.
Н. А. Богданов, И. И. Гущина.
Новые могильники II—III вв. н. э.
у с. Скалистое в Крыму.

III. Хроника

Сектор скифо-сарматской археологии
в 1965 г. (И. С. Каменецкий).

Вып. 113

I. Итоги и задачи

- В. В. Кропоткин. Некоторые пробле-
мы изучения археологии Восточной Ев-
ропы в эпоху раннего средневековья.

II. Доклады и дискуссии

- А. К. Амбров. Дунайские элементы
в раннесредневековой культуре Крыма
(VI—VII вв.).
В. В. Седов. Ятвяжское племя Дейнова.
А. Ф. Медведев. Новые материалы
к истории Городца на Волге.
Г. А. Архипов. К вопросу об этноге-
незе марийцев.
В. Ф. Каховский, А. П. Смирнов.
К вопросу о болгарских городах пра-
вобережья Волги.
В. А. Левкинадзе. О некоторых со-
оружениях древнего Питунта.
А. Г. Ишханов. Новый памятник ар-
хитектуры Кавказской Албании.
И. М. Мизнев. О некоторых оборони-
тельных сооружениях средневековой
Блакарнии.
В. И. Кочедамов. К вопросу о дати-
ровке первых русских построек в Си-
бири.

- Ю. П. Спегальский. О некоторых
приемах устройства отопительных пе-
чей XVII в. (по находкам в Пскове).

III. Полевые и лабораторные исследования

- А. В. Гадло. Раннесредневековое се-
лище на берегу Керченского пролива
(по материалам раскопок 1963 г.).
Г. Б. Федоров. Работа Прутско-Дне-
стровской экспедиции в 1963 г.
И. А. Рафалович. Поселение VI—
VII вв. у с. Ханска.
М. Г. Рабинович. Исследование сред-
невековых слоев Белгорода Днестров-
ского в 1954 и 1958 гг.
Т. Н. Никольская. К истории древ-
нерусского города Серенска.
Т. В. Равдина. О датировке витых
браслетов (по материалам Серенского
городища).
Г. М. Ковнурко. Петрографический
анализ средневековых амфор из Крыма
и Приазовья.
К. К. Шилик. Применение магнито-
разведки при исследовании средневе-
ковых памятников в Крыму.
Памяти Татьяны Сергеевны Пассек

Вып. 114

I. Доклады и дискуссии

- В. И. Сарнианиди. О великом лау-
ритовом пути на Древнем Востоке.
Ю. С. Гришин. К вопросу о древней
добыче олова в Забайкалье.
Е. Е. Кузьмина. Клад эпохи бронзы
из Каракола.
В. И. Цалкин. Фауна из раскопок
Кара-Корума.

- А. А. Гаврилова. Новые находки се-
ребряных наделей периода господства
кыргызов.
А. М. Щербак. Древнейшугурская над-
пись на серебряной чарке из могильника
над Поляной.
В. И. Распопова. Византийские по-
ясные пряжки в Согде.

II. Полевые и лабораторные исследования

- А. Я. Крижевская, А. М. Мандельштам. Новые находки каменного века в Северном Бадхызе.
- А. Я. Щетенко. Раскопки на Алтын-депе в Южной Туркмении.
- Г. И. Андреев, Ю. М. Фомин. Новые находки в устье Подкаменной Тунгуски.
- Г. И. Андреев, П. П. Пашкин. Археологические находки в пос. Туре.
- Л. С. Гликман, А. Н. Мелентьев. Стоянка эпохи бронзы у станицы Саксаульской.
- Л. А. Иванова. Могильник Подсуханых и некоторые особенности афанасьевских надмогильных сооружений.
- С. А. Рахимов. Андроновская стоянка и могильник на р. Сыде.
- Л. П. Хлобыстин. Липовая Курья — поселение «андроноидной» культуры Южного Зауралья.

Вып. 115

I. Доклады и дискуссии

- Е. Н. Черныш. Основные черты древнейшей металлургии Урала и Поволжья.
- В. П. Третьяков. О связях древних племен Прикамья и Юго-Западной Финляндии.
- Е. К. Черныш. Кремневые орудия культуры Гумельницы.
- В. Г. Эбеневич, А. М. Лесков. О стратиграфии и классификации древнейших погребений Одесского кургана.
- С. И. Пеняк. Негровский клад бронзовых мечей.

II. Полевые и лабораторные исследования

- Т. Г. Мовша, Г. Ф. Чеботаренко. Трипольское погребение у ст. Кайнары в Молдавии.
- А. Радунчева. Поселение и некрополь эпохи неолита у с. Виница в Юго-Восточной Болгарии.
- Р. М. Муичаев, И. М. Чеченов. Находка медного котла в г. Нальчике.

Вып. 116

- Виктор Францевич Гайдукевич (некролог).
- Список печатных работ В. Ф. Гайдукевича.
- В. Ф. Гайдукевич. О путях происхождения древнегреческих кораблей в Понте Эвксинском.

I. Доклады и дискуссии

- Т. Н. Книпович. О некоторых особенностях греческого лапидарного письма в новых надписях Ольвии.

- Н. Л. Членова. Карасукские находки в первой излучине Чулыма.
- В. А. Могильников. Исследование курганной группы эпохи раннего железа Калачевка II.
- Т. Н. Троицкая. Поселение VII—VI вв. до н. э. у с. Завьялово Новосибирской обл.
- А. Д. Грач. Древнетюркские курганы на юге Тувы.
- О. Г. Большаков. О раскопках средневекового городища Хауз-хан в 1961 г.
- М. В. Воробьев. Два строения с нарами в Красноярской крепости в Приморье.
- Р. Х. Сулейманов. О шуклеусах из пещерной стоянки Оби-Рахмат.

III. Хроника

Работа Сектора Средней Азии и Кавказа в 1965—1966 гг. (И. Б. Бентович).
Список сокращений.

- В. В. Бжания. Результаты обследования Гумистинского поселения в 1964 г.
- О. Д. Дашевская. Курганы эпохи бронзы у с. Поповка близ Евпатории.
- О. С. Гадзьяцкая. Фатьяновские могильники в Костромской и Ивановской областях.
- Т. Б. Попова. Памятники поздняяковской культуры в районе г. Муром.
- Ю. Г. Королев, Л. П. Хлобыстин. Иоркутинская стоянка на полуострове Ямал.
- Н. Н. Чередиенко. Курганы эпохи бронзы близ Ростова-на-Дону.
- А. Н. Мелентьев. Погребения эпохи бронзы в Задонье.
- В. В. Дворниченко. Поселение эпохи поздней бронзы Обиточная 20.
- В. Мамонов. Разведки на Пятиморской стоянке.
- В. И. Саринаниди. Новые раскопки на Хауз-депе.
- Е. Е. Кузьмина. Раскопки могильника Кужумберды в 1965 г.

- Г. М. Мелентьева. Ольвийский керамический комплекс первых веков нашей эры.
- В. И. Пругло. Группа фасосских амфорных клеев из Мирмекия.
- М. А. Тиханова. О находке римского оружия на Южной Вольни.
- И. Б. Зеест. Архангелская импортная черепица Пантикапея.
- Е. Г. Кастанаян. Стенная роспись сельской усадьбы эллинистического времени близ Пантикапея (опыт реконструкции).

- А. И. Болтунова. Незаданные надгробия из Пантикапейского некрополя.
- М. И. Максимова. Заметка об Ахтанизовском кладе.
- Н. И. Соколовский. О гончарном производстве в азиатской части Боспора.
- В. Д. Блаватский. О рабах-меотях.
- Д. Б. Шелов. Полемон и Танаис.
- С. И. Капюшина. Кельтский котел из Садового кургана у Новочеркасска.

II. Полевые и лабораторные исследования

- Г. Д. Белов. Стеклоделательная мастерская в Херсонесе.

Вып. 117

I. Доклады и дискуссии

- Н. Д. Праслов, С. А. Семенов. О функциях мустьерских кремневых орудий из стоянок Приазовья.
- В. Ф. Петрунь. О материале каменных орудий крымского палеолита.

II. Полевые и лабораторные исследования

- И. И. Коробков. О накопечнике конья из Яштуха.
- Е. А. Векилова. Находки нижнего палеолита на террасах р. Мзымты.
- З. А. Абрамова. Палеолитические стоянки на Енисее.
- А. В. Грехова, Р. А. Сорокина. Разведывательные работы у с. Тимоновка в 1965 г.
- Л. Г. Мацкевой. Мезолитические стоянки Восточного Крыма.
- Н. Д. Праслов, Г. Б. Постников, Е. В. Ротшильд. Новые памятники с микролитическим инвентарем в северо-восточном Прикаспии.
- А. В. Кольцов. Раскопки Бутовской стоянки в 1966 г.

III. Хроника

Работа сектора палеолита в 1966—1967 гг. (Н. Д. Праслов).

Вып. 118

От редакции.

Доклады и дискуссии

- П. И. Борисковский. К изучению палеолита советскими археологами.
- В. П. Любин. Изучение нижнего палеолита Кавказа (история исследований и проблема первоначального заселения).
- П. Н. Третьяков. Некоторые итоги изучения восточнославянских древностей.
- М. А. Дэвлет. Археологическое изучение

Южной Сибири в годы Советской власти.

- А. Д. Грач. Итоги археологического изучения Тувы.
- Ю. А. Краснов. Некоторые итоги и задачи изучения истории земледелия.
- Е. Н. Черныш. Изучение истории древней металлургии.
- Б. А. Колчин, Я. А. Шер. Некоторые итоги применения научноестественных методов в археологии.
- И. И. Артеменко. Выставка «Археология СССР» в странах Западной Европы.

Вып. 119

I. Статьи и доклады

- Ю. А. Краснов. О некоторых сторонах балто-финно-угорских взаимоотно-

шений в западной части Волго-Окского междуречья.

Т. Н. Никольская. О поселениях раннего железного века в бассейне

- Дсны и Верхней Оки (к вопросу о балто-иранском контакте).
Э. А. Рикман. Население Днестровско-Прутского междуречья в первых столетиях н. э.
В. В. Кропоткин. Импортные римские вещи из Андреевского кургана (Мордовская АССР).
И. К. Фролов. Подвеска с выемчатой эмалью из Орловского музея.
В. Е. Стоянов. Зауральские лесостепные поселения раннего железного века.
И. Н. Медведская. О происхождении бронзовых черешковых наконечников стрел Средней Азии.

- II. Полевые и лабораторные исследования
О. Д. Дашевская. Два склепа Беляуского могильника.
Э. А. Симонович. Раскопки Николаевского могильника на Нижнем Днепре.
Ю. В. Кухаренко. Могильник у дер. Величковичи.
В. Б. Никитина. Поселения раннего железного века на р. Тетерев.

- И. Г. Розенфельдт. Исследование северного мыса городища Старая Рязань.
Т. А. Кравченко. Раскопки Шатрицкого могильника в 1966 г.
Р. А. Розенфельдт. Городище Пятыха.
Д. Г. Савинов. Погребение с бронзовой бляхой в Центральной Туве.
Е. Н. Черных, Д. Б. Хоферте, Т. Б. Барцева. Группы цветного металла I тыс. н. э. из Прибалтики.
Т. М. Арсеньева, И. С. Каменецкий. Опыт графической фиксации стратиграфии одного из участков Недвиговского городища.
А. Н. Щеглов. Новый метод определения величины рыб по ее чешуе и некоторые данные о промысле кефали в Северо-Западном Крыму в I в. до н. э.

III. Хроника

- II Всесоюзная конференция по вопросам скифо-сарматской археологии (В. Г. Петренко).

Вып. 120

I. Доклады и дискуссии

- В. М. Малевская. О галлской керамике XII—XIII вв.
Ю. А. Шапова. К вопросу о производстве стеклянных браслетов в древней Костроме.
С. И. Кочуркина. Курганные группы юго-восточного Приладожья.
Р. М. Джанполадян. Новые данные о стеклоделании Двина.
Н. В. Минкевич-Мустафаева. Мастерские ремесленного квартала Байлакана.
Ю. А. Заднепровский. Средневековая расписная керамика Ферганы.
Г. В. Борисевич. Роль макета в реконструкции древнерусского жилища.

II. Полевые и лабораторные исследования

- В. И. Распопова. Бронзовые серьги Пенджикента.
Д. А. Талис. Раскопки Бакинское городища в 1961—1965 гг.
Э. А. Симонович. Поселение VI—VII вв. на Черниговщине.
А. А. Бобринский. Глиняный ножной гончарный круг из Армении.
В. А. Кузнецов. Раскопки Нижне-Архызского городища.

- А. Е. Алихова. Гончарные горны города Мохши-Наручады.
А. Я. Брюсов. Финское погребение X—XI вв. в дер. Погостище.
В. А. Могильников. Раскопки Мало-Тибендских курганов.
В. В. Седов. Казанские курганы на реке Великой (IX—X вв.).
М. В. Седова. Раскопки суздальских курганов в 1967 г.
С. С. Ширинский. Курганы X в. у дер. Пересажа.
Э. М. Сергеева. Курганы у дер. Багрино близ Друцка.
Б. А. Тимощук. Декоративные плитки XII—XIII вв. из Василева.
Ф. Д. Гуревич. Новые материалы по истории Новогрудка.
К. В. Павлова. Об одном типе височных колец из древнего Новогрудка.
О. В. Овсянников. Архитектурно-декоративная керамика XVI—XVII вв. из Новогрудка.
Ю. А. Краснов, Н. А. Краснов. Кирпичные заводы XVII в. в окрестностях Звенигорода.

III. Хроника

- Работа сектора славяно-русской археологии ИА АН СССР в 1966—1967 гг. (Т. И. Макарова).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АП — Археологичні пам'ятки
АС — Археологический съезд
ВДИ — Вестник древней истории
ГАИМК — Государственная Академия истории материальной культуры
ГИМ — Государственный исторический музей
ГЭ — Государственный Эрмитаж
ЖМНП — Журнал министерства народного просвещения
ИА — Институт археологии АН СССР
ИАК — Известия археологической Комиссии
ИВАН — Институт востоковедения АН СССР
ИГАИМК — Известия Государственной Академии истории материальной культуры
ИООН АН Тадж. ССР — Известия отделения общественных наук АН Тадж. ССР
КГМ — Карельский Государственный исторический музей
КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР
ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии АН СССР
МАР — Материалы по археологии России
МДАПВ — Материалы і дослідження з археології Прикарпаття і Волині
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
НИИЯЛИЭ — Научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и этнографии
НЭ — Нумизматика и эпиграфика
ОАК — Отчеты Археологической комиссии
ПИДО — Проблемы истории доклассовых обществ
РАНИОН — Российская Ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук
СА — Советская археология
САГУ — Среднеазиатский Государственный Университет
СМАЭ — Сборник материалов по археологии и этнографии
СМОМПК — Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа
СЭ — Советская этнография
ТАН Тадж. ССР — Труды АН Тадж. ССР
ТАЭ — Тувинская археологическая экспедиция
ТГМ — Тобольский губернский музей
ТИИ АН Кир. ССР — Труды Института истории АН Кир. ССР
ТИИ АН Тадж. ССР — Труды Института истории АН Тадж. ССР
ТИИА АН Уз. ССР — Труды Института истории и археологии АН Уз. ССР
ТИИАЭ АН Каз. ССР — Труды Института истории, археологии и этнографии АН Каз. ССР
ТИИАЭ АН Тадж. ССР — Труды Института истории, археологии и этнографии АН Тадж. ССР

ТИЭ АН СССР — Труды Института этнографии АН СССР
 ТМАО — Труды Московского археологического общества
 Труды КАЗЭ — Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции
 ТХЭ — Труды Хорезмской экспедиции
 Уч ПГУ — Ученые записки Пермского Государственного Университета
 ЦГАДА — Центральный Государственный архив древних актов
 ЧОИДР — Чтения в Обществе истории и древностей российских
 SPA — Survey of Persian Art.

СОДЕРЖАНИЕ

I. Доклады и дискуссии

М. В. Малевская. К вопросу о керамике Галицкой земли XII—XIII вв.	3
Ю. А. Шапова. К вопросу о производстве стеклянных браслетов в древней Костроме	15
С. И. Кочуркина. Курганные группы юго-восточного Приладожья	20
Р. М. Джанипади. Новые данные о стеклоделании Двина	28
Н. В. Минкевич-Мустафеева. Мастерские ремесленного квартала Байлакана	32
Ю. А. Заднепровский. Средневековая расписная керамика Ферганы	39
Г. В. Борисевич. Роль макета в реконструкции древнерусского жилища	46

II. Полевые и лабораторные исследования

В. И. Распопова. Бронзовые серьги Пенджикента	51
Д. Л. Талис. Раскопки Бакинских городищ в 1961—1965 гг.	57
Э. А. Симонович. Поселения VI—VII вв. на Черниговщине	64
А. А. Бобринский. Глиняный ножной гончарный круг из Армении	69
В. А. Кузнецов. Раскопки Нижне-Архызского городища	73
А. Е. Алихова. Гончарные горны города Мохши—Наручадь	78
А. Я. Брюсов. Финское погребение X—XI вв. в дер. Погостище Кирилловского района Вологодской области	81
В. А. Могильников. Исследование Мало-Тебендинских курганов	84
В. В. Седов. Казихинские курганы на р. Великой (IX—X вв.)	91
М. В. Седова. Раскопки суздальских курганов в 1967 г.	97
С. С. Ширинский. Курганы X в. у дер. Пересаж	100
З. М. Сергеева. Курганы у дер. Багрино вблизи древнерусского Друцка (БССР)	107
Б. А. Тимошук. Декоративные плитки XII—XIII вв. из Василева	112
Ф. Д. Гуревич. Новые материалы по истории Новогрудка	114
К. В. Павлова. Об одном типе височных колец из древнего Новогрудка	120
О. В. Овсянников. Архитектурно-декоративная керамика XVI—XVII вв. из Новогрудка	122
Ю. А. Краснов, Н. А. Краснов. Кирпичные заводы XVII в. в окрестностях Звенигорода	126

III. Хроника

Работа сектора славяно-русской археологии ИА АН СССР в 1966—1967 гг. (Т. И. Макарова)	129
Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН СССР. Вып. 111—120 (содержание)	132

Средневековая археология
КСИА, вып. 120

*Утверждено к печати
Институтом археологии
Ордена Трудового Красного Знамени
Академии наук СССР*

Редактор издательства *Г. В. Моисенко*
Технический редактор *Г. В. Алексеева*

Сдано в набор 15/V 1969 г. Подписано к печати 21X 1969 г.
Формат 70×108^{1/16}. Бумага № 1. Физ. п. л. 8,75+1 вкл.
Усл. печ. л. 9. Уч.-изд. л. 11,6. Тираж 1630 экз. Т-11280.
Тип. зак. 255. Цена 73 коп.

Издательство «Наука»
Москва, К-62, Подосенский пер., 21
1-я типография издательства «Наука»
Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12